

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, СОЦИОЛОГИИ И ФИЛОЛОГИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧИАССР

**НОВЫЕ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ**

ГРОЗНЫЙ — 1988

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, СОЦИОЛОГИИ И ФИЛОЛОГИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧИАССР

НОВЫЕ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

ГРОЗНЫЙ — 1988

Печатается по постановлению Ученого совета Чечено-Ингушского ордена «Знак Почета» института истории, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР. (Темплан 1988 г.).

Редакционная коллегия:

Х. М. Мамаев, М. Б. Мужухоев (ответственный редактор),
Д. Ю. Чахкиев

Рецензент: кафедра истории народов Северного Кавказа Чечено-Ингушского госуниверситета имени Л. Н. Толстого.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основу очередного археолого-этнографического сборника Чечено-Ингушского ордена «Знак Почета» института истории, социологии и филологии положены новые материалы, выявленные в результате археологических и этнографических изысканий последних лет в горных и плоскостных районах Чечено-Ингушетии. Впервые в научный оборот вводятся средневековые погребальные памятники с обоснованием датировок и детальным описанием встреченного инвентаря: важный для местной истории раннесредневековый катакомбный могильник IX—X вв. у селения Дуба-Юрт в Чечне (раскопки А. В. Мачинского 1937 и 1939 гг., ценные сборы авторов статьи Х. М. Мамаева и С. Н. Савенко 1988 г.), редкий для архитектуры горной зоны позднесредневековый склеп-мавзолей XVII в. близ селения Гоуст Джейраховского ущелья Ингушетии (Р. А. Даутова, Д. Ю. Чахкиев). Содержится описание таких малоизученных защитных доспехов средневековых вайнахских воинов, как кольчатые панцири и кольчуги с выяснением их конструктивных различий, технологии изготовления и защитных свойств (Д. Ю. Чахкиев). Разбираются сложные вопросы трансформации погребального обряда в позднем средневековье с проникновением на территорию Чечено-Ингушетии ислама и многочисленные пережитки язычества в местном исламе (М. Б. Мужухоев). Рассматриваются обычаи и обряды детского цикла у русского и украинского населения Чечено-Ингушетии, синтезировавшие различные формы славянской и северокавказской обрядности, и актуальные проблемы применения в коммунистическом воспитании современной молодежи положительных традиций народной педагогики (Л. Б. Заседателева), а также вопросы трудового, физического и нравственного воспитания детей у вайнахов, и пути использования прогрессивного народного опыта в становлении новых поколений (З. И. Хасбулатова).

Таким образом, вошедшие в сборник статьи отличаются новизной, они актуальны, имеют практическую значимость. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечается:

«Время ставит вопрос о широком выходе общественных наук на конкретные нужды практики, требует, чтобы ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику. Жизнеспособны лишь те научные направления, которые идут от практики и возвращаются к ней, обогащенные глубокими обобщениями и дельными рекомендациями. Схоластика, начетничество и догматизм всегда были путями для действительного приращения знаний. Они ведут к застою мысли, мертвой стеной отгораживают науку от жизни, тормозят ее развитие. Истину обретают не в декларациях и предписаниях, она рождается в научных дискуссиях и спорах, проверяется в действии» (Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1986. — С. 85).

Публикуемые материалы, можно надеяться, привлекут внимание специалистов, краеведов, учащейся молодежи и будут полезны в предстоящих работах по написанию полной научной истории Чечено-Ингушской АССР. Вместе с тем, они могут быть эффективно использованы в интернациональном и атеистическом воспитании населения республики.

Редакционная коллегия и авторский коллектив выражают свою признательность рецензенту — кафедре истории народов Северного Кавказа Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого, сделавшей ряд ценных замечаний и рекомендовавшей сборник в печать.

Редакционная коллегия.

ДУБА-ЮРТОВСКИЕ КАТАКОМБНЫЕ МОГИЛЬНИКИ

В 1938 году А. П. Круглов опубликовал в первом томе «Записок» ЧИНИИИЯЛ результаты раскопок катакомбных могильников у сел. Дуба-Юрт в 1936 году [1]. С тех пор эти материалы постоянно фигурируют в специальной литературе, посвященной раннесредневековой проблематике Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы. Однако из поля зрения исследователей ускользнул тот факт, что раскопки катакомб в окрестностях Дуба-Юрта были продолжены в 1937 и 1939 годах. Правда, сообщение о раскопках 1937 года появилось в «Материалах к Всесоюзному археологическому совещанию», опубликованных в 1945 году, но оно не привлекло внимания специалистов [2]. Это объяснялось тем, что отчеты о работах двух последних лет, проведенных А. В. Мачинским, в архиве ЛОИА АН СССР не сохранились, коллекции находок 1937—1939 годов считались утерянными. Однако, уже в 70-х годах одному из авторов удалось обнаружить опись находок 1939 года в фондах ЧИРКМ [3], а затем и ряд материалов в архиве ЛОИА АН СССР: дневник СКАЭ ГАИМК 1937 года [4], дневник работ Чеченского отряда СКАЭ ГАИМК 1939 года [5], краткие информации о результатах работ 1937 и 1939 годов, написанные, видимо, А. В. Мачинским [6].

Эти данные легли в основу сведений о двух последних годах раскопок в Дуба-Юрте, получивших отражение в диссертации Х. М. Мамаева [8]. Позднее С. Н. Савенко обнаружил в фотоархиве ЛОИА АН СССР некоторые фотоматериалы к отчетам 1936, 1937 и 1939 годов, а также иллюстрации к статье о исследованиях в Дуба-Юрте в 1937 и 1939 годах, которую готовила в 50-х годах, но так и не опубликовала участвовавшая в раскопках А. С. Боброва-Каманцева [9]. Одновременно была обработана коллекция находок 1937 и 1939 годов, поступившая после 1981 года из ЛГУ и хранящаяся ныне в фондах Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа¹. Таким образом в результате

¹ Коллекция находок из могильника Дуба-Юрт (Чечено-Ингушетия), Государственный Эрмитаж, фонды ОИПК, № 2756. Авторы признательны сотруднику ОИПК А. И. Семенову, а также заведующей отделом фондов З. А. Львовой за оказанную помощь в работе над материалами.

сопоставления различных источников удалось в основном восстановить описание и комплексы находок большинства из 14 катакомб, раскопанных в Дуба-Юрте в 1937 и 1939 годах. Планы раскопов и схемы могильника не обнаружены, за исключением еще не публиковавшегося плана участка, а также двух катакомб, исследованных в 1936 году (рис. 1, 1, 8, 9). Поэтому топографию могильного поля и катакомб, раскопанных в 1936, 1937 и 1939 годах, в целом восстановить не представляется возможным, хотя в полевом дневнике 1939 года содержатся как некоторые взаимные привязки погребений, раскопанных в том полевом сезоне, так и отдельные указания на их расположения относительно раскопа 1937 года. В отношении же последнего какими-либо данными мы не располагаем. Известно только, что в 1937 и 1939 годах работы производились на некрополе, открытом в 1936 году и обозначенном А. П. Кругловым как могильник на западном склоне Гесильберийского холма, что подтверждается и краткими информацией из архива ЛОИА АН СССР [1; 6; 7].

В статье А. П. Круглова упомянут и катакомбный могильник № 2, расположенный к югу от первого, на склоне соседнего холма [1, С. 18]. В 1986 году во время сооружения противоселевой системы на окраине Дуба-Юрта был разрушен ряд катакомб, часть материалов из которых удалось собрать. По словам местных жителей, еще до войны в этом районе на краю селения проводились археологические раскопки, а внешне склон холма, откуда брался грунт для строительства, близок зафиксированному на фотографии виду «Катакомбного могильника № 2 у сел. Дуба-Юрт» [1]. Таким образом, есть определенные основания считать, что сборы 1986 года связаны с катакомбным могильником № 2 (по А. П. Круглову).

Вместе с тем не исключено, что речь идет о разных участках обширного некрополя. В определенной мере косвенным подтверждением этому служит тот факт, что первая катакомба из раскопок 1937 года в иллюстрациях А. С. Бобровой-Каманцевой обозначена под № 7, то есть ведется общий счет для всех погребений 1936 года — и первого и второго могильников.

Ниже приводится описание раскопок по годам.

Раскопки 1937 года

Катакомба 7 (1/1937)¹. Дромос, лаз и верхняя часть камеры разрушены. В плане камера овальная, размерами 1,85×1,30 м, ори-

¹ В 1936 году, как явствует из статьи А. П. Круглова, было исследовано 5 катакомб. Очевидно, А. С. Боброва-Каменцева включила в общий подсчет и грунтовое погребение, раскопанное там же и обозначенное в статье А. П. Круглова как «погребение № 5». Поэтому нумерация катакомб из раскопок 1937 года в ее иллюстрациях начинается с № 7. Цифра в скобках означает порядковый номер катакомбы в раскопках 1937 года.

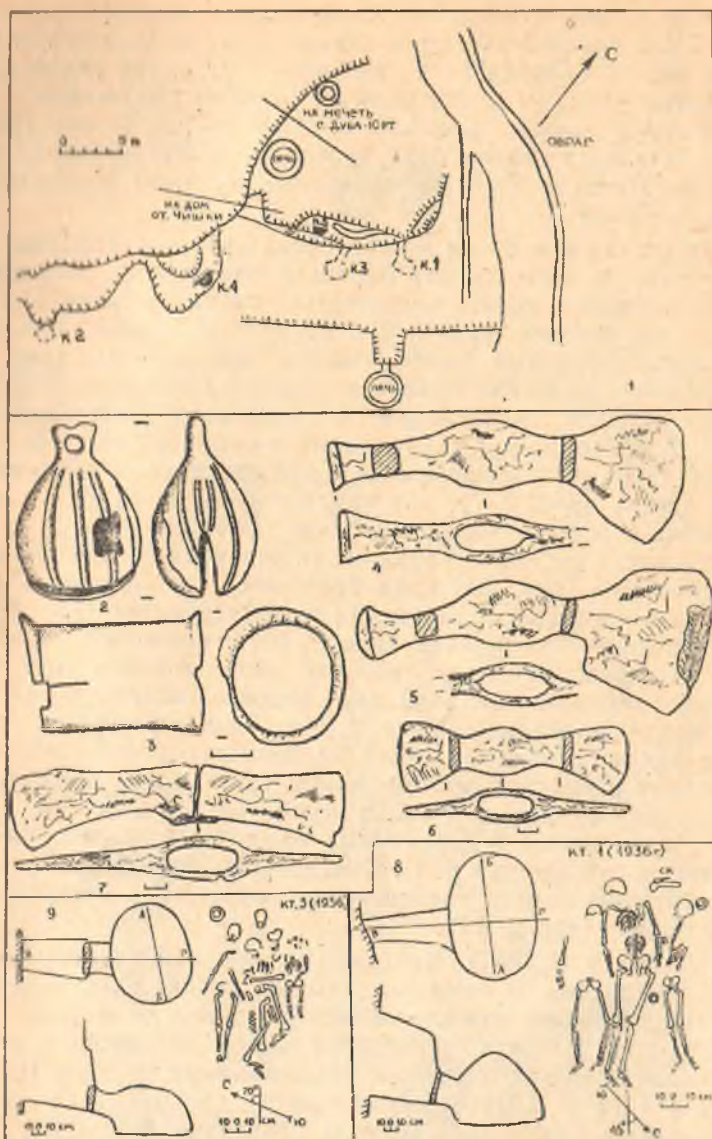

Рис. 1. 1 — общий план участка Дуба-Юртовского 1-го могильника, изученного в 1936 году; 2—7 — случайные находки на территории Дуба-Юртовского 1-го могильника; 8, 9 — планы катакомб № 1 и 3, раскопанных в 1936 году

ентирована длинной осью по линии северо-восток — юго-запад (рис. 2, 1). В средней части расчищены останки двух погребенных. Первый костяк располагался вытянуто на спине головой на С, под небольшим углом к центральной оси камеры, смещен. Руки прямо вдоль туловища, предплечье левой — под тазом. Ноги подогнуты. Череп на правом боку, опущен к плечу. Второй костяк полностью смещен, кости перемешаны, частично перекрываются первым костяком.

Возле костяков и среди костей обоих скелетов найдены следующие предметы: одиннадцать бараньих альчиков с отверстиями для подвешивания, девять из которых разных размеров, на одном — следы железа (рис. 2, 2); серебряный тонкий наконечник ремня, декорированный колосовидным орнаментом (рис. 2, 3); два бронзовых плоских браслета: один — уплощенно-сегментовидный в сечении, диаметром 4 см с орнаментированными концами (рис. 2, 6), второй — заovalенный в сечении с немного расширенными концами, украшенными овальными углублениями, диаметром 5,9 см (рис. 2, 7); две крупные бусины: округлая из черного стекла с белыми кольцевидными обводами (рис. 2, 4) и цилиндрическая с широким каналом, украшенная желтыми и зелеными полосами (рис. 2, 5); два бронзовых грушевидных литых бубенчика с прорезью и насечками в нижней части (рис. 2, 8, 9); серебряная рамчатая пряжка (рис. 2, 10); тринадцать серебряных скобок для крепления металлических деталей пояса (рис. 2, 15); серебряные поясные накладки двух видов с тисненным орнаментом: тринадцать овальных (рис. 2, 11); семь фигурных (рис. 2, 12); две литые серебряные серьги с боковыми отростками на овальных кольцах и вытянутыми колонками (рис. 2, 13); бронзовая фигура всадника на лошади (рис. 2, 16). В этот же комплекс, видимо, входили: кинжальчик в деревянных ножнах с резным орнаментом (готовится к публикации А. И. Семеновым) и серебряные пластинки, орнаментированные тисненными округлыми выступами и ложной зернью (рис. 2, 14).

Катакомба 8 (2/1937). Чертежей и описаний погребения обнаружить не удалось. В комплекс находок входят следующие предметы: металлическое зеркало из белого сплава диаметром 8,4 см с центральным ушком и орнаментом из концентрических валиков по краю диска и вокруг ушка с комбинациями из геометрических элементов (рис. 2, 24); бронзовая литая кольцевидная накладка с фестончатым краем (рис. 2, 41); бронзовые бубенчики: четыре грушевидных литых с прорезью в нижней части (рис. 2, 45, 47); пять аналогичных с орнаментом из насечек у прорези (рис. 2, 27, 52); один массивный с округлым ушком и насечками у прорези (рис. 2, 19); массивный литой с валиком у ушка, без насечек (рис. 2, 26); штампованная пуговица с округлым ушком (рис. 2,

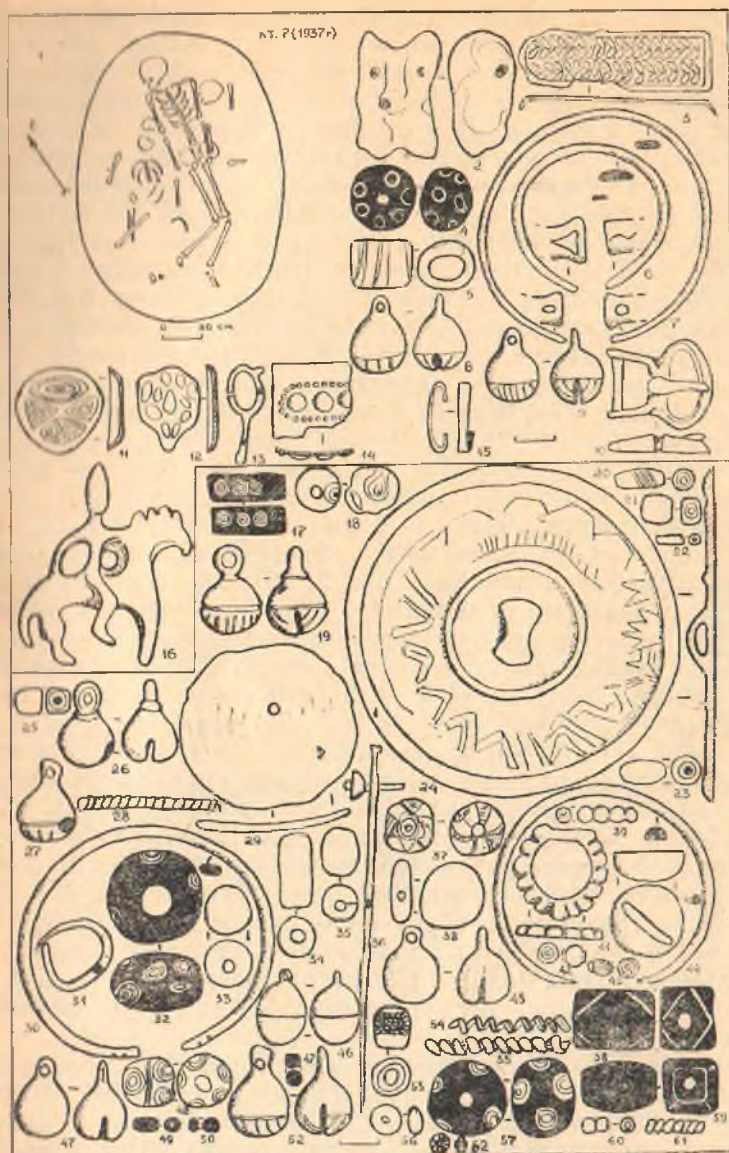

Рис. 2. 1 — план катакомбы № 7; 2—16 — находки из катакомбы № 7;
17—61 — находки из катакомбы № 8

46). Пуговицам и бубенчикам принадлежат отдельные детали полусферической формы, одна из которых с прорезью (рис. 2, 40). Найдены одиннадцать бронзовых спиральных пронизок нескольких разновидностей (рис. 2, 28, 54—55, 61); два бронзовых браслета: один уплощенный в сечении с парными насечками на несомкнутых концах, диаметром 6,4 см (рис. 2, 30); второй — сегментовидный в сечении с разомкнутыми уплощенными концами диаметром 5,6 см (рис. 2, 44); бронзовое височное (?) кольцо неправильно-овальной формы с сомкнутыми (один заострен) концами (рис. 2, 31); круглая плоская перламутровая подвеска (рис. 2, 29); бронзовая булавка (рис. 2, 36). Много бус: гагатовые — четырнадцатигранная крупная (рис. 2, 58); подквадратная в сечении с суженными концами (рис. 2, 59); стеклянные — черного цвета с орнаментом из вдавленных концентрических кружков на гранях (рис. 2, 17); черный и серо-зеленый бисер подцилиндрической формы (рис. 2, 22, 47, 49—50); крупные уплощенно-шаровидной формы с черным фоном и глазками, на одной — глазки с синим центром и белыми и синими обводами (рис. 2, 32); на второй — голубой центр, обводы — белые и черные (рис. 2, 57); сигаровидная голубая с наклонными поперечными параллельными желтыми и зелеными линиями (рис. 2, 20); цилиндрическая с мозаичным и полосчатым орнаментом на красном фоне и комбинациями черных, желтых, красных черточек и квадратиков (рис. 2, 53); одна таблетовидная светло-зеленая (рис. 2, 38); цилиндрическая светло-зеленая (рис. 2, 34); две бочонковидные такого же цвета (рис. 2, 35); призматические — синяя (рис. 2, 25) и желтая (рис. 2, 21); сигаровидная (рис. 2, 23) и дисковидная (рис. 2, 56), агатовая светло-розовая, с красными и черными прожилками, бочонковидная с глазками и поперечными полосками в средней части, глазки синие, обводы и полоски белые (рис. 2, 48); пять многоцветных бочонковидной формы различных размеров, расцветки из сочетаний оранжевого, красного, желтого и зеленого (рис. 2, 37) и несколько с внутренним серебрением — четырех (рис. 2, 39), двух (рис. 2, 60) и одночастные с продольными полосками (рис. 2, 43); девять лимоновидных (одна с внутренней позолотой) (рис. 2, 42); одна чечевицеобразная с поперечными белыми и розовыми полосками (рис. 2, 62).

Катакомба 9 (3/1937). Чертежи и описания не обнаружены. Из комплекса погребения сохранился только глиняный сосуд с туловом цилиндрической формы, отогнутым венчиком и дуговидной ручкой, охристо-коричневого цвета, высотой 20 см (рис. 3, 1).

Катакомба 10 (4/1937). Чертежей и описаний нет. Комплекс состоит из ряда предметов: глиняного кувшинчика с дуговидной ручкой и сливом, высотой 19,2 см, диаметры — венчика 9,3, тулова 14,5, дна — 8,8 см, цвет поверхности — коричнево-охристый, орнамент в нижней части горловины из углубленной полосы и ли-

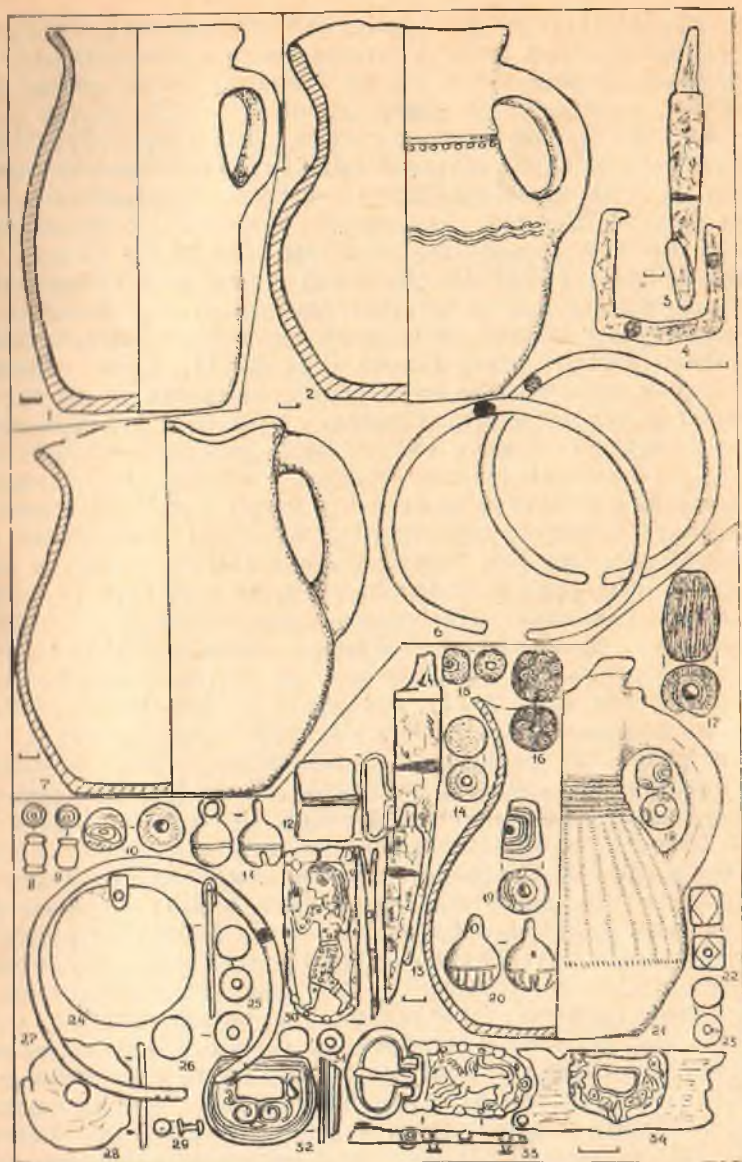

Рис. 3. 1 — сосуд из катакомбы № 9; 2—7 — находки из катакомбы № 10; 8—34 — находки из катакомбы № 11

нии из отдельных точек и на средней части тулова — параллельные волнистые линии (рис. 3, 2); глиняного кувшинчика с ручкой от венчика к средней части тулова и слабо выделенным сливом, размерами: высота—15,9, диаметр венчика—9,0, тулова — 12,8, дна — 8,0 см; цвет поверхности светло-серый (рис. 3, 7); обломанной подпрямоугольной железной пряжки из овального в сечении прута (рис. 3, 4); железного ножа в трех фрагментах длиной 14,4 см (рис. 3, 3); двух бронзовых браслетов с несомкнутыми концами, в сечении овальных, диаметры 5,9 и 6,8 см (рис. 3, 5—6).

Катакомба 11 (15/1937). Чертежей и описаний обнаружить не удалось. Комплекс находок представителен. В него входит глиняный кувшинчик с ручкой от средней части обломанного венчика до середины верхней части тулова (рис. 3, 21). Цвет поверхности — серый; орнамент из пяти углубленных линий на переходе от венчика к тулову и вертикальных линий из отдельных насечек (размеры сосуда — высота 18,2, диаметр венчика — 8,7, тулова — 12,9, дна — 8 см). Интересны металлические детали поясного набора: пряжка с овальной рамкой и щитком с изображением крылатого фантастического животного (рис. 3, 33); наконечник пояса с изображением фигурки человека в сапогах и с поясом, волосы сплетены в косы, руки подняты вверх, одна нога согнута в колене (рис. 3, 30); накладки двух видов — пластинчатые с тисненным растительным орнаментом на обрывке кожаного ремня (рис. 3, 34) и литая овальная, декорированная растительно-геометрическим орнаментом (рис. 3, 32); бронзовая обойма (рис. 3, 12). Для крепления применялись бронзовые штифты (рис. 3, 29). В погребении найдены два скупевшихся железных ножа, однолезвийных в сечении: больший общей длиной 17 см (черенок обломан), меньший также с обломанным черенком 10 см (рис. 3, 13); подвеска в виде круглой пластинки с ушком (рис. 3, 24); бронзовый округлый в сечении браслет с несомкнутыми концами с парными насечками на них, диаметром 6,6 см (рис. 3, 27); перламутровая подвеска (рис. 3, 28); два бронзовых литых бубенчика с прорезью в нижней части корпуса, один — с насечками (рис. 3, 20), второй — только с врезанной поперечной чертой (рис. 3, 11). Здесь же найдено большое количество различных бус: катушковидные с внутренней позолотой (две) и серебрением (рис. 3, 8—9); округлая из темно-голубого стекла с глазком желтого цвета с красным и белым обводами (рис. 3, 10); глазчатая округлая желтого цвета с белыми глазками и двойными красными и желтыми обводами (рис. 3, 18); бочонковидные черные с зелеными глазками и белыми обводами (рис. 3, 16); сигаровидная с темно-синей поверхностью (рис. 3, 17); усеченно-коническая с орнаментом в виде разноцветных концентрических прямоугольников темно-желтого, желтого, красного, белого, черного, болотного цвета (рис. 3, 19); цилиндрическая желтая с голубыми глазками, покрытыми крас-

ными прожилками (рис. 3, 15); четыре коричневых округлых (рис. 3, 25); две округлых темно-желтых (рис. 3, 26); четырнадцати-гранная желто-голубого цвета (рис. 3, 22); цилиндрическая желтоватого оттенка (рис. 3, 31); овальная из темно-голубого стекла (рис. 3, 23). В комплекс входило также шесть раковин-каури.

Катакомба 12 (6/1937). Судя по чертежу, верхняя часть камеры и дромос разрушены. Камера овальная в плане, размерами 1,83x1,25 м (рис. 4, 1); ориентирована длинной осью по линии северо-восток — юго-запад. На дне отпрепарировано три костяка. Наиболее сохранившийся располагался в средней части камеры вытянуто на спине, головой на ССВ. Он перекрывал остатки двух смещенных костяков, которые также, видимо, лежали на спине. Вплотную к правому плечу этого костяка стоял глиняный кувшинчик темно-серого цвета с высокой горловиной, сливом и ручкой от верхней части горловины до верхней половины тулова размерами: высота 16,8, диаметры венчика — 8,5; тулова — 13,0, дна — 8,0 см; на переходе от горловины к тулову — орнамент из поперечных волнистых и прямой вдавленной линий (рис. 4, 6). На правом предплечье находился бронзовый браслет из овального в сечении прута с несомкнутыми валикообразно утолщенными концами, диаметром 6,7 см (рис. 4, 10). Остальные предметы из этого комплекса без описания (не обнаружено) нельзя увязать с отдельными костяками, так как они могли принадлежать и смещенным погребенным, вываленным в камере. К ним относятся: четырнадцать стеклянных бус вытянуто-цилиндрической формы с перламутровым оттенком (рис. 4, 13); сто одиннадцать бисерин черного цвета вытянутой и уплощенной формы (рис. 4, 14—15); два бронзовых литых бубенчика с прорезью и насечками в нижней части корпуса (рис. 4, 12); две бронзовые спиралевидные пронизки (рис. 4, 7); бронзовое колечко овальной формы (рис. 4, 9); четыре бронзовых браслета с несомкнутыми концами, три из них плоские в сечении (один — уплощенно-сегментовидный) с расширенными концами и треугольными углублениями на них (рис. 4, 2—3, 5) и один овальный, слегка уплощенный в сечении (рис. 4, 4); бронзовый солярный амулет в виде колеса со «спицами» и насечками по краю внешнего кольца (рис. 4, 11); бронзовая голова барана с крупными рогами (рис. 4, 8).

Катакомба 13 (7/1937). Чертежей и описаний не обнаружено. В комплекс входят: глиняный кувшин грубой выделки с ручкой от верхней части венчика к верхней половине тулова, размеры: высота — 18,5, диаметры венчика — 10,4, тулова — 13,8; дна — 9,3 см; тулово покрыто грубым орнаментом из прочерченных прямой поперечной и ломаных с меняющейся амплитудой (рис. 4, 16); железная секира с «Т»-образным лезвием, удлинненным квадратным в сечении обушком (длина — 17,3 см, ширина лезвия — 9 см) (рис. 4, 17); фрагментированная бронзовая серьга с под-

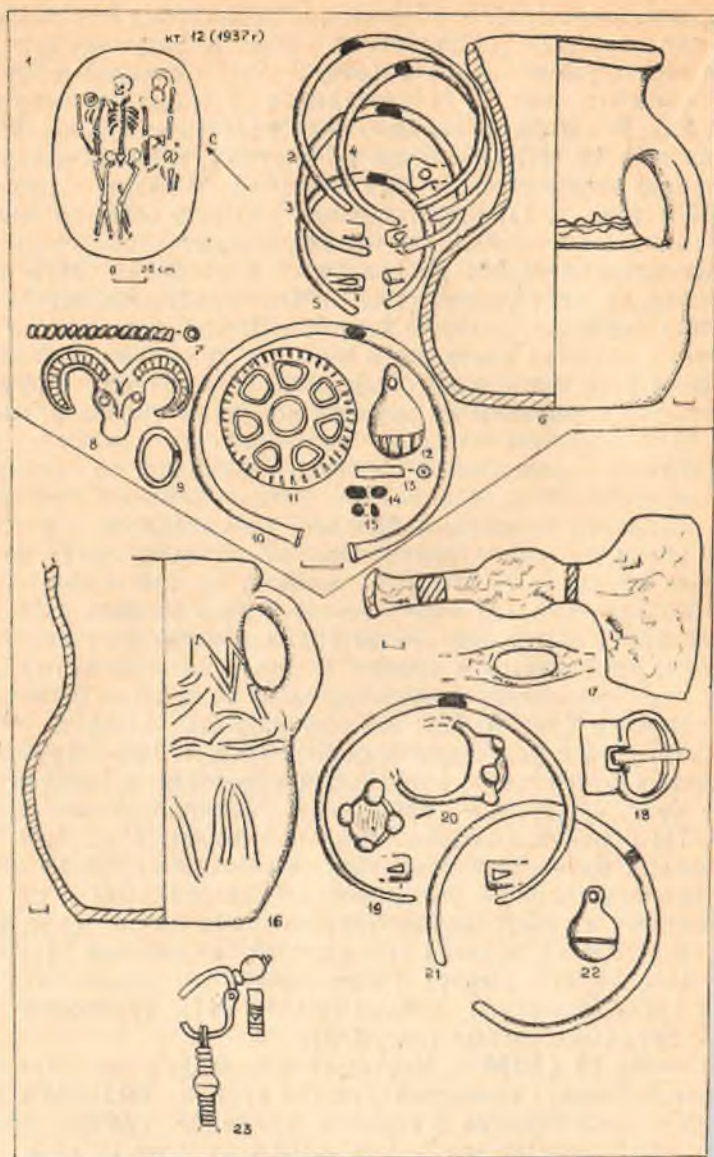

Рис. 4. 1 — план катакомбы № 12; 2—15 — находки из кат. № 12; 16—22 — находки из катакомбы № 13

вижной бусинной колонкой (рис. 4, 23); бронзовый перстень с обломанной дужкой и гнездом с четырьмя крестообразно расположенными овальными лапками, держащими вставку черно-коричневого цвета (рис. 4, 20); бубенчик с полосой на корпусе (рис. 4, 22); браслет плоский в сечении, с несомкнутыми, несколько расширенными, оформленными треугольными углублениями концами, диаметром 6,4 см (рис. 4, 19); браслет овальный в сечении с несомкнутыми концами, диаметром 5,9 см из бронзы (рис. 4, 21); серебряная пряжка с овальной рамкой и прямоугольным щитком, (рис. 4, 18); фрагмент непонятного бронзового предмета.

Катакомба 14 (8/1937). Дромос, лаз и верхняя часть камеры разрушены, сохранившаяся часть овальной в плане камеры размерами 2,20x1,58 м, ориентирована по длинной оси по линии СВ — ЮЗ (рис. 5, 36). В погребении зафиксировано пять костяков. У северо-западной стенки расчищен скелет подростка, лежавший вытянуто на спине, ноги прямо, голени сведены, левая рука прямо, правая — согнута в локте, череп на правом боку. Слева у ног погребенного находились 2 глиняных сосуда (один фрагментирован). Первый — грубо сделанный кувшинчик с ручкой от венчика к нижней половине верхней части тулова и слабооттянутым сливом, цвет поверхности коричнево-охристый, орнамент — в виде трех линий из коротких отдельных насечек у перехода к верхней части тулова и волнистой вдавленной линией по расширенной части корпуса, размеры: высота — 14,6, диаметры венчика — 7,0, тулова — 13,2, дна — 9,6 см (рис. 5, 1). Второй кувшин с отбитой ручкой от венчика к верхней части тулова, цвет поверхности серый и темно-серый, размеры: высота — 22,3, диаметр венчика — 8,7, тулова — 18, дна — 11 см, орнамент — на верхней части тулова комбинация из двух параллельных и ломанно-волнистой прерванной линией (рис. 5, 11).

Второй погребенный находился в средней части камеры на спине, под некоторым углом к длинной ее оси, ноги вытянуты, кости рук и грудной клетки частично смещены. Череп сдвинут в северо-восточный угол камеры. Первоначально костяк, видимо, лежал головой на ССВ, в обратную первому погребенному сторону. Параллельно со вторым слева размещался третий, также частично смещенный скелет. Кости четвертого погребенного были перемещены и сдвинуты к ногам второго и третьего костяков. Пятый костяк был смещен вплотную к северо-восточной стенке. Интересно, что все черепа указанных костяков находились рядом в северо-восточном углу камеры. Мы не располагаем данными для разделения погребального инвентаря, кроме описанного выше по отдельным погребениям. Поэтому приводим общее описание находок. В катакомбе найден ряд предметов из бронзы. Это литой «колесовидный» амулет с выпуклой центральной частью (рис. 5, 20); овально-уплощенный в сечении браслет с несомкнутыми рас-

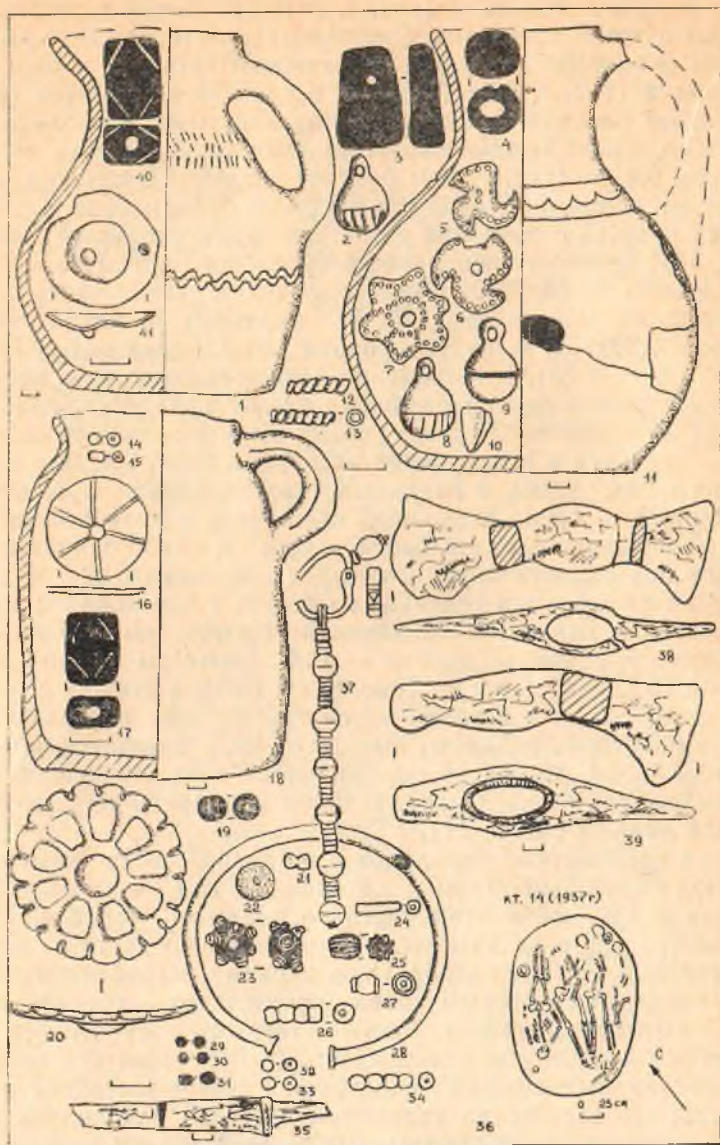

Рис. 5. 1—35 — находки из катакомбы № 14; 36 — план катакомбы № 14; 37—41 — находки из катакомбы № 14

ширешными валикообразными концами, диаметром 6,6 см (рис. 5, 28); две серьги с подвижными бусинными колонками и кольцами с шарнирными застежками (рис. 5, 37); четыре литых бубенчика с прорезями и орнаментом из насечек в нижней части (рис. 5, 2, 8) и один бубенчик с углубленной поперечной линией по корпусу (рис. 5, 9), овальная выпуклая пластинка-накладка (рис. 5, 41); два спиральные пронизки (рис. 5, 12, 13); нашивки с зерневым орнаментом — четыре в виде триквестров и один — шестиугольной звезды (рис. 5, 5—7). В комплекс входят также различные бусы и подвески: трапециевидная, в сечении прямоугольная из гагата (рис. 5, 3); две четырнадцатигранные гагатовые (рис. 5, 17, 40); три раковины — каури (рис. 5, 10); черная стеклянная уплощенно-шаровидная (рис. 5, 4); две четырехчастные стеклянные с внутренним серебрением (рис. 5, 26, 34); бисер, в основном черного цвета, неправильно овальной и цилиндрической формы — 254 шт. (рис. 5, 14—15, 29—33); желто-коричневая круглая бусина (рис. 5, 22); уплощенно-шаровидная каменная с поперечными полосами (рис. 5, 19); три удлиненно-цилиндрических из сиреневого стекла (рис. 5, 24); «бородавчатая» — черная, на выступах — синие глазки с белыми черными обводными полосками (рис. 5, 23); бочонковидная дольчатая темно-коричневого цвета (рис. 5, 25); двухчастная с внутренним серебрением (рис. 5, 21); четыре различных размеров лимонovidные стеклянные с внутренним серебрением (рис. 5, 27).

Найдены также железные изделия: двухлезвийная секира с треугольными, различной длины лезвиями — длина 15,6 см (рис. 5, 38); нож с прямым сточенным лезвием (острие обломано) (рис. 2, 35); массивный топор с треугольно-расширенным, опущенным кверху лезвием и рельефно выделенным обухом, общая длина — 14,7 см (рис. 2, 37). Возможно, к этому же погребению относится еще один сосуд в виде цилиндрической кружки с суженным венчиком и петлевидной ручкой от венчика к верхней части тулова высотой 13,6 см (рис. 5, 18), а также перламутровая подвеска округлой формы с центральным отверстием и орнаментом в виде 6-ти лучей (рис. 5, 16).

Раскопки 1939 года

Катакомба 15 (1/1939)¹. Выявлена в обресе раскопа 1937 года. Раскопана местными жителями. Дромос почти не сохранился, камера овальная в плане с низким сводчатым потолком. Размеры 1,98x1,43x0,95 м, входное отверстие — 0,63x0,45 м, ориенти-

¹ Номер в скобках соответствует нумерации погребений в раскопках 1939 года.

ровка камеры по линии СВ—ЮЗ (рис. 6, 1). В камере — остатки разрушенного костяка, находок не было. Правда, в описи находок 1939 года значится «Кость конечности животного из катакомбы 1». Несколько предметов выявлено на склоне холма рядом с катакомбой: пронизка из лигнита, бронзовый перстень с четырьмя боковыми головками и синей овальной вставкой (рис. 6, 3), бронзовый браслет в сечении уплощенно-сегментовидный с несомкнутыми, несколько расширенными концами, украшенными треугольными углублениями (рис. 6, 2).

Катакомба 16 (2/1939). Располагалась отдельно от остальных в южной части обреза карьера бывшего черепичного завода Дромос разрушен. В плане камера четырехугольная с заovalенными углами, свод стрельчатый (рис. 6, 4). Размеры ее 2,30x1,80x1,80 м. Ориентировка по линии С—Ю. Высота порога — 0,75 м. Входное отверстие — 0,60x0,40 м. Погребение ограблено.

В захоронении обнаружены: овальнорамчатая пряжка (рис. 6, 10), фрагменты кожаного пояса с остатками бронзовых бляшек округлая сердоликовая бусина (рис. 6, 13); бронзовая фибула пластинчатой спинкой длиной 4,3 см (рис. 6, 11); семь бронзовых обтянутых золотым листом, поясных бляшек 3-х видов: прямоугольные с заovalенным концом, украшенные ложной зернью по краю и геометрическим орнаментом в центре щитка (рис. 6, 6); прямоугольные с заovalенным концом, крупной ложной зернью по краю и орнаментом в виде колоса в центре (рис. 6, 5); прямоугольные с орнаментом из ложной зерни (рис. 6, 7); бронзовая булавка с четырнадцатигранной головкой длиной 8,3 см (рис. 6, 12); полая металлическая пуговица (рис. 6, 8); литая бронзовая накладка с рельефным орнаментом (рис. 6, 20); три фрагмента железных ножей (рис. 6, 14—15); шесть фрагментов бронзовых пряжек.

В фондах Государственного Эрмитажа среди предметов из этого комплекса находились также различные стеклянные и сердоликовые бусы. В полевом дневнике А. В. Мачинского данных о бусах в погребении нет. Однако в описи находок 1939 года под № 57 значатся «Бусы: шесть пастовых, одна сердоликовая». Достоверно выделить их из указанного выше набора не представляется возможным.

Катакомба 17 (3/1939). Расчищена рядом с катакомбой 15. Камера обвалилась. В плане овальная, вытянута по линии С—Ю. Размеры: 1,98x1,2 м. Общая глубина от дневной поверхности — 2,38 м. В центральной части камеры лежал костяк на спине с вытянутыми конечностями, череп лицевой частью вверх. Не обнаружены кости правой стопы. Ориентировка — ССВ (рис. 6, 22).

У правого плеча — железная секира с трапециевидно расширенным лезвием и квадратным в сечении обушком (рис. 6, 25). У правого локтя — два фрагмента железного предмета (рис. 6, 24).

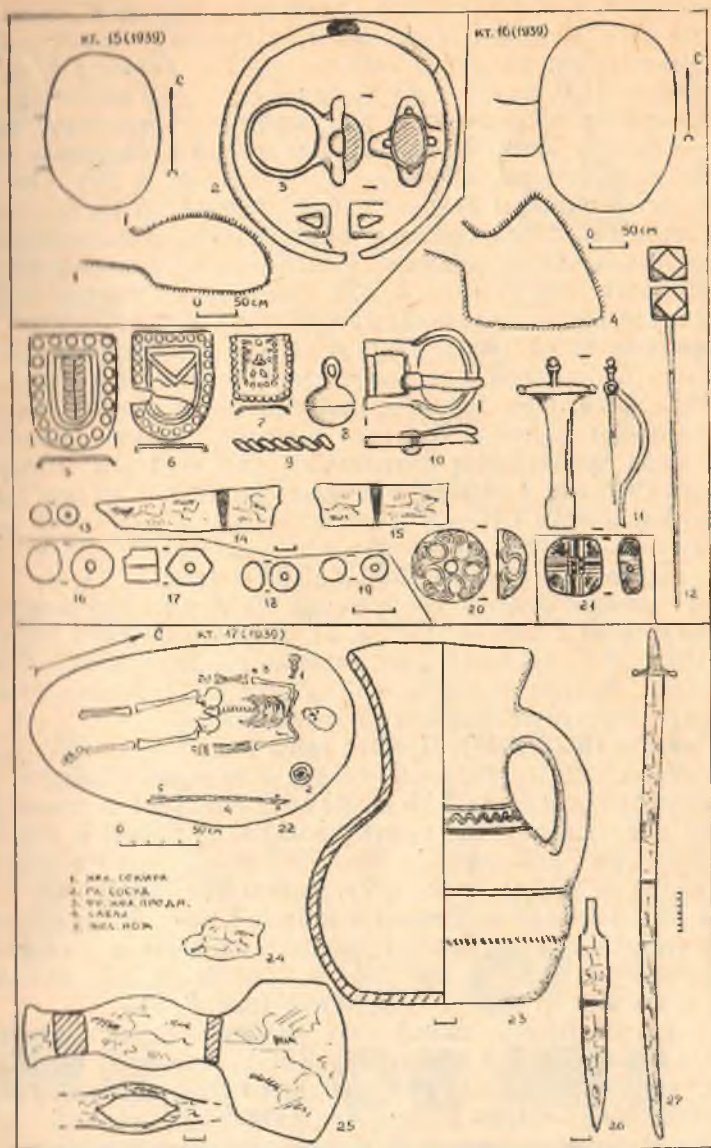

Рис. 6. 1 — план и разрез катакомбы № 15; 2, 3 — находки из катакомбы № 15; 4 — план и разрез катакомбы № 16; 5—21 — находки из катакомбы № 16; 22 — план катакомбы № 17; 23—27 — находки из катакомбы № 17

У левого плеча стоял глиняный кувшин с высокой горловиной, ручкой от верхней части горловины к средней части тулова и оттянутым сливом; размеры: высота — 17,2, диаметр венчика — 7,3, тулова — 13,0, дна — 8,8 см; орнамент — на переходе от горловины к тулову прочерченные две прямые поперечные линии и волнистая между ними, на тулове поперечные вдавленные линии и ниже продольные пролощенные полоски (рис. 6, 23). Возле восточной стенки камеры лежала сабля длиной 80 см со слабоизогнутым клинком, перекрестьем с овальными утолщениями на концах и подтреугольным череном с небольшим уклоном в сторону режущей части клинка (рис. 6, 27). Под нижней частью сабли находился железный однолезвийный нож (рис. 6, 26).

Катакомба 18 (4/1939). Обнаружена в северо-западном конце обрыва над площадкой, где ранее стоял черепичный завод. Катакомба ограблена. При дочистке найдены кости погребенного с деформированным черепом. Камера в плане неправильно-овальной формы. Свод значительно возвышался над входным отверстием, которое примыкало к камере под углом к длинной ее оси, ориентированной по линии ССВ — ЮЮЗ. Размеры: 1,84x1,39x1,20 м, высота порога — 0,32 м, входное отверстие — 0,50x0,38x0,25 м. Лаз закрывала плита размерами 0,52x0,36x0,05 м (рис. 7, 1).

Внутри погребального сооружения найдены: бронзовый колесовидный амулет с ушком (рис. 7, 2). В описи находок также значатся «Бусы: 2 — тройные, 1 — двойная и 3 бисеринки, 2 ракушки-подвески. Фрагмент бронзовой бляшки. Пронизка бронзовая спиральная. Фрагмент бронзового браслета».

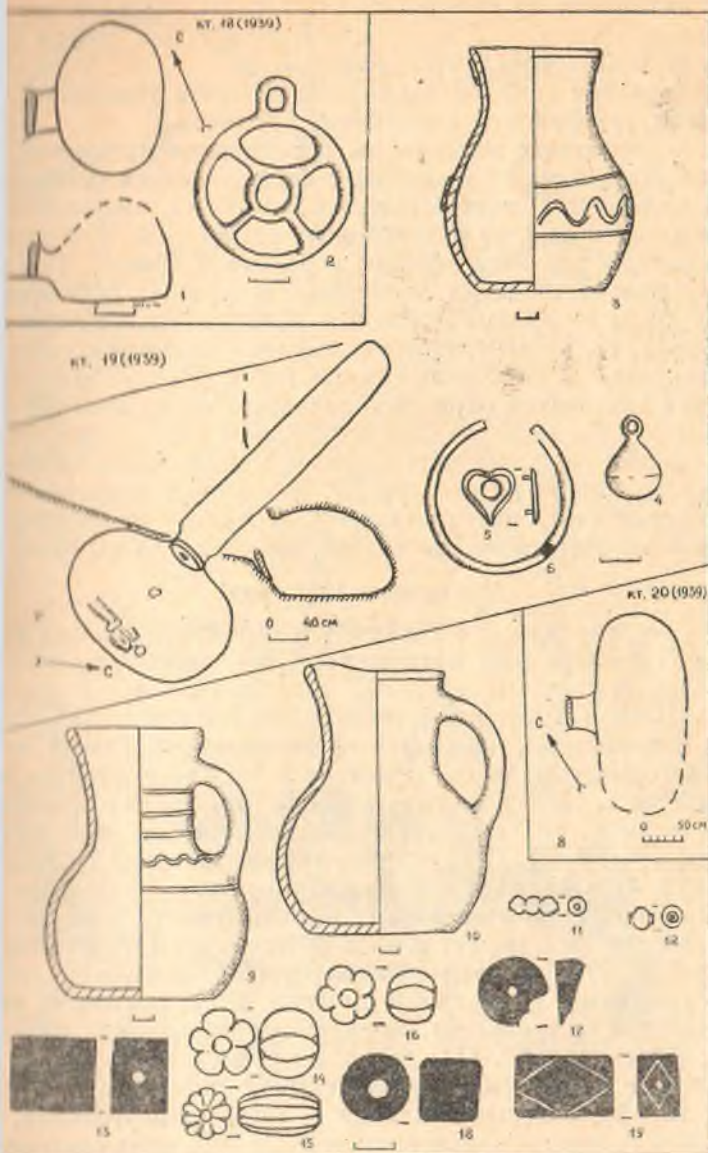
Катакомба 19 (5/1939). Дромос имел вид наклонной траншеи длиной около 2,80 м, шириной — 0,45—0,50 м, наибольшей глубиной у входного отверстия 1,76 м. Камера овальной в плане формы с низким покатым сводом, ориентирована по длинной оси ССВ — ЮЮЗ. Размеры камеры — 1,79x1,20x0,88 м; высота порога — 0,40 м, входа — 0,47 м (рис. 7, 7). Катакомба ограблена.

Вход был заложен жерновом, сползшим вниз. В центре камеры на полу глиняный кувшинчик коричневого цвета с обломанной ручкой, высотой 11,9 см, на тулове орнамент из вдавленных прямых и волнистой поперечных линий (рис. 7, 3).

У стенки, противоположной лазу, детский скелет. Погребенный лежал на спине головой на ССВ. Кости немного смещены. У нижней челюсти бронзовая грушевидная пуговица (рис. 7, 4).

В заполнении камеры обнаружен детский бронзовый браслет в сечении уплощенно-овальный, с несомкнутыми концами диаметром 3,7 см (рис. 7, 6). В заполнении дромоса найдена сердцевидная бронзовая накладка с круглым отверстием и штифтами для крепления на оборотной стороне (рис. 7, 5).

Катакомба 20 (6/1939). Расположена рядом с предыдущей глубже ее. Камера разрушена и ограблена. В плане — овальная

1, 7 — план и разрез катакомбы № 18; 2 — находка из катакомбы № 18; 3 — находки из катакомбы № 19; 4 — находка из катакомбы № 19; 5 — находка из катакомбы № 19; 6 — находка из катакомбы № 19; 7 — план и разрез катакомбы № 19; 8 — план и разрез катакомбы № 20; 9—19 — случайные находки на территории могильника

сильно вытянутая по длинной оси. Размеры: 2,50x1,07 м; ширина входного отверстия — 0,36 м. Ориентировка по линии СВ—Ю (рис. 7, 8). В лазе выявлен плоский камень.

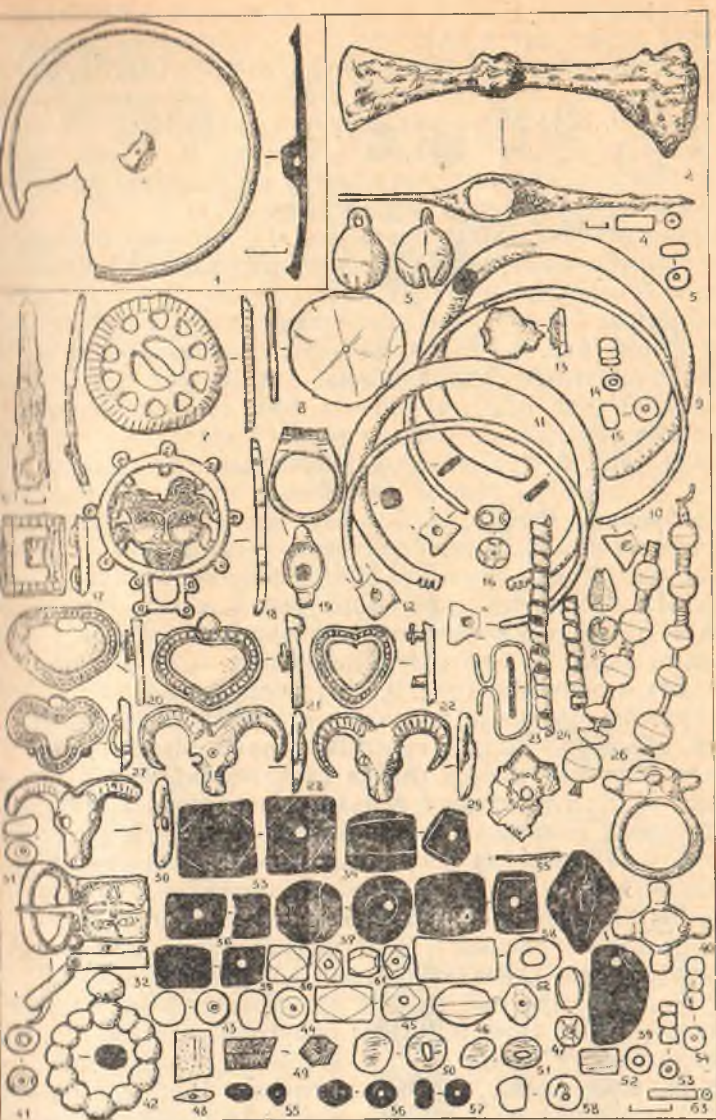
Из инвентаря сохранились: три фрагмента глиняного сосуда, две бусины, три фрагмента железного предмета.

Кроме описанных материалов, в коллекции предметов из могильника Дуба-Юрт, хранящейся в фондах отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, имеются и другие предметы, возможно, из разрушенных погребений. Это четыре железных секиры различной формы и размеров (рис. 1, 4—7); бронзовые трубка от конского начельника и крупный бубенчик (рис. 1, 2—3); бусы — призматической и цилиндрической формы из галата (рис. 7, 13, 17—19), крупнодольчатые из фаянса (рис. 7, 14—16), стеклянные с внутренним серебрением (рис. 7, 11—12). Один маленький кувшинчик охристо-коричневого цвета высотой 13,6 см с орнаментом в виде трех вдавленных параллельных полос по горловине и одной по верхней части тулова, между двумя нижними линиями — волнистая полоса (рис. 7, 9). Второй кувшинчик также охристо-коричневого цвета со сливом и ручкой от средней части венчика к верхней половине тулова, высотой 13,2 см (рис. 7, 10).

Материалы 1986 года

Как уже отмечалось, в 1986 году в ходе строительных работ на окраине Дуба-Юрт был разрушен ряд катакомбных погребений. Значительную часть материалов удалось собрать и с помощью рабочих ПМК-3 «Чечингводстроя» и местных жителей, участвовавших в извлечении предметов из открывшихся камер, восстановить некоторые комплексы, описание которых приводится ниже.

Комплекс 1. В его состав входила железная двулезвийная секира длиной 18,2 см с треугольными, сильно расширенными лезвиями (рис. 8, 2). Сохранились также фрагмент железного ножа (рис. 8, 6) и большое количество предметов из бронзы: литой бубенчик с прорезью и насечками в нижней части корпуса (рис. 8, 3); литой солярный амулет в виде круга со схематизованными лучами (рис. 8, 7); браслеты с разомкнутыми концами: один — в сечении овальный, диаметр 6,9 см (рис. 8, 9), другой — квадратный в сечении, с тройными поперечными нарезками на концах, диаметр 6,4 см (рис. 8, 11); два плоских в сечении (концы одного расширены, с округлыми углублениями), диаметры 7,1 и 6,3 см (рис. 8, 10, 12); поясные накладки — пять прямоугольной, одна сердцевидной, пять — трехлепестковой формы, ориентированные ложной зернью, со штифтами на оборотной стороне (рис. 8, 11, 20—22, 27); фрагмент фигурной накладки (рис. 8, 13); кольцевидный амулет с личиной (рис. 8, 18); два перстня — один с овальной (рис. 8, 19), второй — с крестообразно оформленной головкой (рис. 8, 40) со вставками; три литые головки баранов с отверстиями

с. 8. 1 — находка из разрушенной катакомбы; 2—58 — комплексе № 1
1986 года

ями для крепления (рис. 8, 28—30); спиральные пропизки (рис. 9, 24); части двух серег в виде колонок, составленных из пяти полных шариков с цилиндрическими разделителями (рис. 8, 26); фрагменты 3 нашивок шестиконечной формы с орнаментом из ложнозерни (рис. 8, 35); литое украшение в виде кольца с овальным выступом (навершие булавки (?)) (рис. 8, 42); поясная скоба (рис. 8, 23); овалнорамчатая пряжка с прямоугольным щитком с растительным орнаментом на нем (рис. 8, 32).

Помимо перечисленных предметов к комплексу относились также перламутровая подвеска в виде округлой пластинки с центральным отверстием и отходящими от него лучами (рис. 8, 8); разнообразные бусы. Среди последних крупные гагатые различных форм (рис. 8, 33—34, 36—39); двадцать две округлые уплощенно-округлые сердоликовые, две из них инкрустированы белой пастой (рис. 8, 31, 41, 43—44, 58), две сердоликовые полусферические (рис. 8, 60—61); из горного хрусталя — четырнадцать тигранная (рис. 8, 45), пять эллипсоидных с продольными гранями (рис. 8, 46—47). Много стеклянных: трехчастные с внутренним серебрением (рис. 8, 14, 53—54); плоская сиреневатая (рис. 8, 48), призматическая темно-коричневого цвета (рис. 8, 49), овальная сине-фиолетовая (рис. 8, 50), деформированная коричневая (рис. 8, 51), цилиндрическая коричневая с сиреневым отливом (рис. 8, 4, 52), биконическая полупрозрачная зеленоватая (рис. 9, 25), аналогичные по цвету бочонковидная с остатком глазка (рис. 9, 24) и округлая (рис. 9, 16); цилиндрическая красная, орнаментирована плоскими глазками с обводами, центр глазка красный, обводы — белый, зеленый, белый (рис. 9, 1); голубая глазчатая округлая, центр глазка светло-желтый, обвод — красный (рис. 9, 2); глазчатая с глазками неправильной формы, фон и центр глазка темно-красные, обводы — зеленый, желтый, зеленый (рис. 9, 3); желтая «бородавчатая», глазки серебристые, обводы белые (рис. 9, 4); темно-синяя округлая, глазки желтые (рис. 9, 5); уплощенно-округлая темно-синяя, глазчатая, глазки белые, обводы — красный и желтый (рис. 9, 6); коричневая округлая с рельефными глазками, глазки коричневые, обводы желтые (рис. 9, 7); две округлые черные с частыми глазками, глазки синие, обводы белые (рис. 9, 8, 13); округлая полосчатая, полосы серо-коричневые и белые (рис. 9, 9); бочонковидная полосатая — полосы голубые, белые, серые, коричневые (рис. 9, 10); округлая полосатая, цвет полос — черный, серый, красный, белый (рис. 9, 11); дисковидная голубого цвета с белыми полосками — разводами (рис. 9, 12); округлая с серыми, красными и желтыми полосками и глазком (рис. 9, 14); сигаровидная уплощенная с полосками — разводами, цвет полос — зеленый, желтый, красный (рис. 9, 15); птицевидная полосатая, цвет полос — красный, желтый, светло-зеленый (рис. 9, 16); уплощенно-шаровидная глазчатая

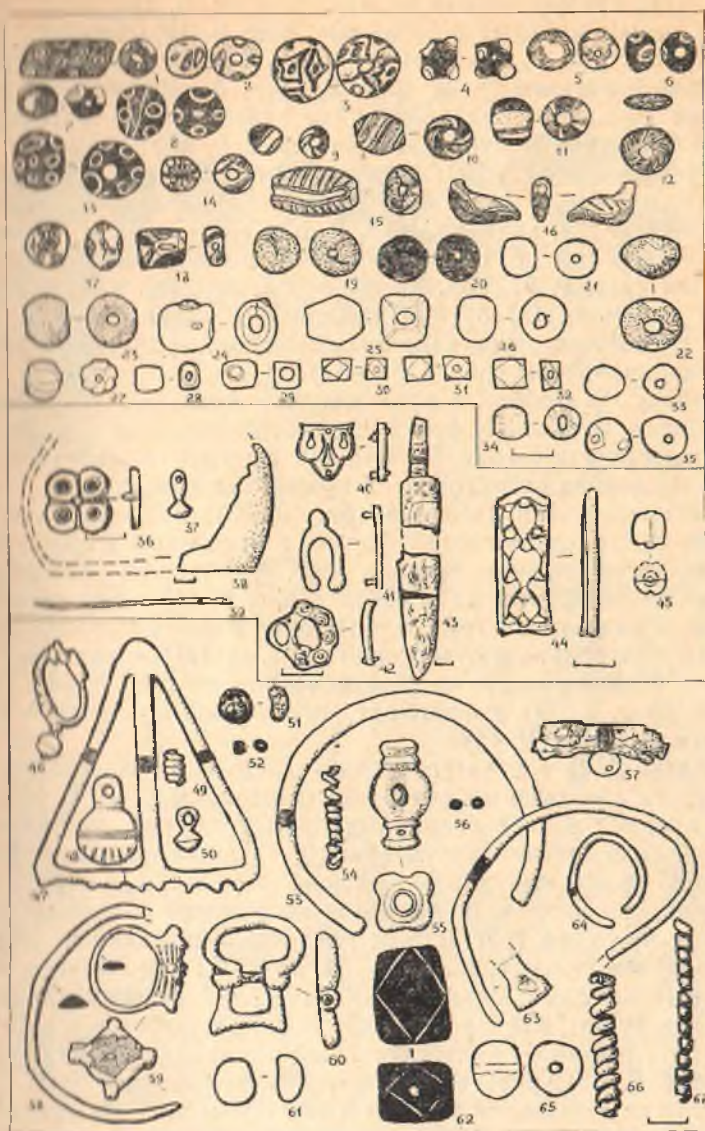

Рис. 1—35 — комплекс № 1 1986 г.; 36—45 — комплекс № 2 1986 года,
46—67 — комплекс № 3 1986 года

(рис. 9, 17); прямоугольная мозаичная (рис. 9, 18). Есть и одноцветные бусы: округлые коричневые (рис. 9, 19); черная (рис. 9, 20); голубые (рис. 9, 21—22); синяя с блестящим отливом (рис. 9, 22); темно-болотного цвета (рис. 9, 23); бочонковидная с продольными дольками, полупрозрачная зеленоватого оттенка (рис. 9, 27); квадратная полупрозрачная (рис. 9, 28); голубая аналогичной формы (рис. 9, 29); четырнадцатигранные из сиреневато-коричневого стекла (рис. 9, 30—32); неправильно-округлые: синяя, коричневая, зеленая (рис. 9, 33—35); синяя и зеленая цилиндрические (рис. 8, 63); прозрачные цилиндрическая и бипирамидальная (рис. 9, 24, 25). Кроме этого, найдена цилиндрическая крупная каменная (?) бусина желтоватого цвета (рис. 8, 62), черные стеклянные, усеченно-биконической, удлиненно- и уплощенно-овальной форм (рис. 8, 55—57).

Комплекс 2. Собран в ходе осмотра остатков погребения. В него входили несколько фрагментов сероглиняного сосуда с лощеной поверхностью (рис. 9, 38); два фрагмента железного ножа со следами дерева от рукояти и ножен на поверхности (рис. 9, 43); бронзовая литая пуговица (рис. 9, 37); семь литых поясных накладок четырехлепестковой формы с прорезями и центральным штифтом на оборотной стороне (рис. 9, 36); три «У»-образные накладки со штифтами на обороте (рис. 9, 41); две серебряные накладки в виде личин (рис. 9, 40); одна с фестончатым краем и овальным центральным отверстием (рис. 9, 42); наконечник пояса со стилизованной растительной орнаментацией (рис. 9, 44); бронзовая игла (рис. 9, 39) и фрагмент стеклянной дольчатой бусины зеленого цвета (рис. 9, 45).

Комплекс 3. В состав его входят следующие бронзовые предметы: серьга с подвесным серебряным шариком (рис. 9, 46); непонятный предмет в виде спаренных прямоугольных треугольников из овального в сечении прута (рис. 9, 47); два литых бубенчика с прорезью внизу, выпуклым пояском и насечками (рис. 10, 4); аналогичный по форме, но меньший по размеру бубенчик (рис. 9, 48); литая пуговица (рис. 9, 50); различные по длине и диаметру спиральные пронизки (рис. 9, 49, 54, 66—67); три браслета с несомкнутыми концами: один — овальный в сечении диаметром 6,7 см (рис. 9, 53); второй плоский, конец расширен с углублением (рис. 9, 63); третий — подтреугольный в сечении (рис. 9, 58); пронизка (рис. 9, 55); перстень с боковыми головками (рис. 9, 59); литая пряжка с овальной рамкой и рамчатым щитком (рис. 9, 60); височное колечко (рис. 9, 64); колесовидный амулет (рис. 10, 1); фрагмент другого амулета с уплощенными выпуклинами в местах соединения лучей с кольцами (рис. 10, 2); фрагмент амулета с изображением коня или всадника в круге (рис. 10, 3); фрагмент зеркала из белого сплава с орнаментом из 3-х concentрических валиков и наклонными отрезками между ними.

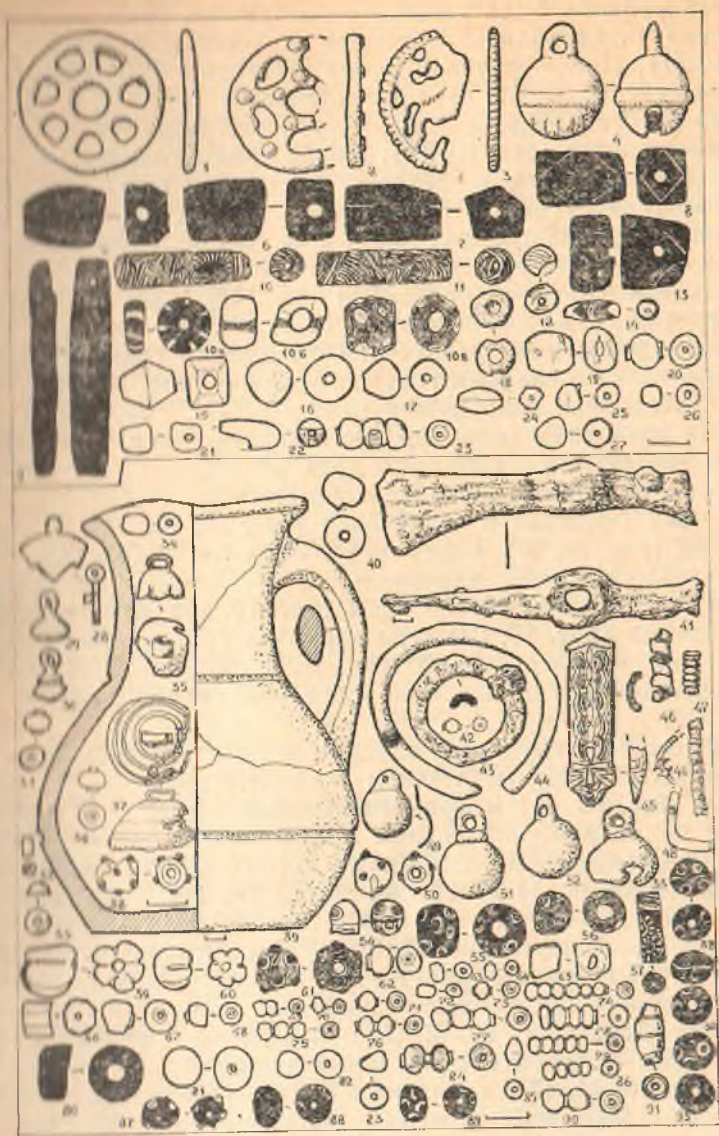

Рис. 10. 1—27 — комплекс № 3 1986 года; 28—90 — комплекс № 4 1986 года

В захоронении были также разнообразные бусы. Круглая сердоликовая «приварилась» окисью к обломку железного предмета (рис. 9, 57). Представителен набор гагатových бус: четырнадцатигранные (рис. 9, 62; 10, 8); призматические (рис. 10, 6, 7); эллипсоидной граненой формы (рис. 10, 5); подтрапещевидная со скрушенными гранями (рис. 10, 13); в виде прямоугольной в сечении подвески с отверстием в верхней части корпуса (рис. 10, 9). Одна округлая бусина изготовлена из горного хрусталя (рис. 10, 65). Много стеклянных бус: две черные цилиндрические бусины с белыми полосками-разводами (рис. 10, 10—11); красно-черная кольцевидная с белыми полосками (рис. 10, 10а); прямоугольная голубого цвета с красной полосой (рис. 10, 10б); сильно ирризованная бочонковидная темно-серая с желтыми глазками (рис. 10, 10в); округлая со следами голубых глазков (рис. 10, 18); коричневая бочковидная уплощенная (рис. 10, 19); голубая округлая с белыми разводами (рис. 10, 12); сигаровидная с полосами желтого, темно-синего и серого цвета (рис. 10, 14); усеченно-бипирамидальная из полупрозрачного желтоватого стекла (рис. 10, 15); бочковидная конические — зеленая и коричневая (рис. 10, 16, 17); лимонovidная синяя (рис. 10, 20); подпрямоугольная синяя (рис. 10, 21); обломок светло-зеленой сигаровидной (рис. 10, 22); крупная трехгранная с внутренним серебрением (рис. 10, 23); семь эллипсоидных граненых (рис. 10, 24); три округлых прозрачных (рис. 10, 25, 27); две черных бисерины (рис. 9, 52, 56). Найдены также две стеклянные вставки от перстней зеленого и голубого цветов (рис. 9, 51, 61).

Комплекс 4. В его состав входили железный топор 15 см с удлиненно-подтреугольным лезвием и прямоугольным в сечении обушком (рис. 10, 41) и фрагментированный глиняный кувшин с высоким цилиндрическим горлом и округлым туловом. Цвет поверхности сосуда серый, с пятнами густого белого налета, обычно остающегося после испарения жидкости. Тесто мелкопористое с примесью дробленого известняка, при формовке сосуда применялся гончарный круг (рис. 10, 39). Ряд предметов изготовлен из бронзы: литые пуговицы (рис. 10, 29—30); шесть крупных бубенчиков с прорезью в нижней части корпуса, у двух экземпляров — валяк вокруг ушка (рис. 10, 51—53); половинка половой пуговицы (рис. 10, 49), фрагменты спиральных пронизей различного диаметра (рис. 10, 46, 47); накладка с подтреугольным щитком и ушком (рис. 10, 28); литое, в сечении дуговидное кольцо с железными петлями (рис. 10, 43); браслет округлый в сечении (рис. 10, 44); литой наконечник пояса, покрытый сложной растительно-геометрической орнаментацией (рис. 10, 45). Среди находок много разнообразных бус: сердоликовые округлой формы разных диаметров (рис. 10, 83); гагатова кольцевидная (рис. 10, 80); фаянсовые дольчатые (рис. 10, 59—60); многочастные (двух-трех-четырёх-

ти шести) с внутренним серебрением (рис. 10, 69, 74, 78—79, 84). Обнаружены бусы из одноцветного стекла: три двойных синевато-белые (рис. 10, 90), двойная и тройная коричневого (рис. 10, 76, 77) и тройная синего цветов (рис. 10, 75). В этот же комплекс входят семь лимонovidных мелких бусин с внутренним серебрением (рис. 10, 31, 70) и позолотой (рис. 10, 70, 73); аналогичной формы, но более крупные с серебрением (рис. 10, 67), шесть бусин голубого и зеленоватого стекла (рис. 10, 62) и две из сиренево-коричневого (рис. 10, 68), две мелкие округлые ирризованные (рис. 10, 63, 64); цилиндрическая с синим отливом (рис. 10, 32); полупрозрачная шестигранная (рис. 10, 66); многогранная с белым цветом (рис. 10, 65); усеченно-биконическая ирризованная (рис. 10, 85); сигаровидная беловатая с поперечными рельефными полосками (рис. 10, 91); цилиндрическая синяя глазчатополосатая, центры глазков желтые, обводы, реснички и полоски беловатые (рис. 10, 57); пять серых округлых с бело-голубыми глазками (рис. 10, 56); аналогичная по форме, но коричневая с бело-голубыми глазками (рис. 10, 93); уплощенно-округлая синезеленая с поперечной полосой, глазки серые, обводы и полоса — белые (рис. 10, 92); такая же, но с коричневым фоном (рис. 10, 58); серая глянцевая с частыми глазками бело-голубого цвета (рис. 10, 55); три белые с выпуклыми бело-голубыми глазками (рис. 10, 50, 54); коричневая с голубыми глазками и белыми обводами (рис. 10, 61).

Комплекс 5. Из инвентаря погребения сохранилось немного вещей. Среди них: три бронзовых разомкнутых браслета — два плоских с подтреугольно-расширенными концами с углублениями (рис. 11, 1, 4), третий — подтреугольный в сечении, концы загнуто-прямые (рис. 11, 2); массивный бронзовый бубенчик с прорезью в верхней части корпуса и насечками (рис. 11, 3); другой бубенчик, меньший, отличался отсутствием пояска на корпусе и наличием кольца вокруг ушка (рис. 11, 10); два обломка железных предметов (рис. 11, 5, 7); фрагмент стеклянного сосуда (рис. 11, 6); часть фиалки от серьги из полых серебряных шариков (рис. 11, 11); золотые спиральные пронизи и овальное в сечении колечко (рис. 11, 9, 17, 6 в). К тому же комплексу относятся и бусы: три округлые из горного хрусталя (рис. 11, 13); эллипсоидная из дымчатого кварца (рис. 11, 20); гагатовая четырнадцатигранная с двумя отверстиями (рис. 11, 18); фаянсовые дольчатые голубого и серого с коричневыми полосами цветов (рис. 11, 14, 19), а также стеклянные — лимонovidная с внутренним серебрением (рис. 11, 16); глазчатая голубого цвета с выпавшими глазками (рис. 11, 15); обломок сигаровидной голубого цвета с мелкими глазками (рис. 11, 66); крупная уплощенно-округлая из зеленого стекла и полупрозрачная овальной формы бусины (рис. 11, 12, 15).

Комплекс 6. В его составе немало предметов: железный топор с подтреугольным расширяющимся лезвием и обломанным

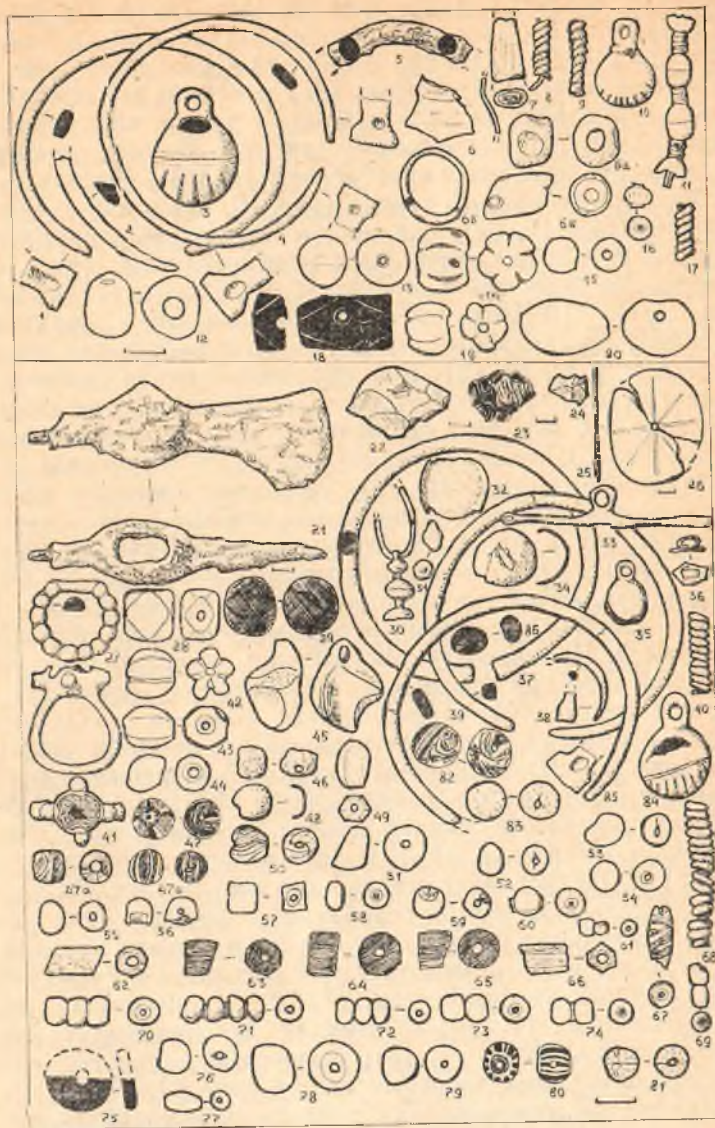

Рис. 11. 1—20 — комплекс № 5 1986 года; 22—81 — комплекс № 6 1986 года

бусином, что позволило зафиксировать интересную технологическую деталь — центральный стержень (рис. 11, 21); три кремневых скола (рис. 11, 22—24); два округлых плоских перламутровых диска с центральными отверстиями и линиями, отходящими от них (рис. 11, 25—26); различные бронзовые предметы — пятьдесят поясных накладок в виде рифленных колец (рис. 11, 27); протез с боковыми головками (рис. 11, 41); шесть браслетов, из которых четыре подпрямоугольных в сечении с разомкнутыми концами (рис. 11, 37), один трапециевидный в сечении с заостренными концами (рис. 11, 39) и один плоский, целый конец которого украшен углублением (рис. 11, 85); стержневидная бусинка с боковой петлей (рис. 11, 33); спиральные пронизи различных диаметров (рис. 11, 40, 68); два литых бубенчика с пороченой в нижней части, украшенные насечками (рис. 11, 34); меньший по размеру неукрашенный бубенчик (рис. 11, 35); обломки двух серег с подвижными бусинными концами (рис. 11, 30); обломки различных предметов (рис. 11, 32, 41, 36, 48); колечко с расширенным концом (рис. 11, 38); шарик бубенчика (рис. 11, 31); костяная подвеска (рис. 11, 45).

К этому же комплексу относятся и разнообразные бусы: сигаровидная сердцевидная (рис. 11, 77); стеклянные — восемь двух-, четырех-, шестигранные с внутренним серебрением и позолотой различных диаметров (рис. 11, 61, 69, 70—74); четыре округлые сиренево-коричневого цвета (рис. 11, 83); аналогичная, но более крупная (рис. 11, 29); четырнадцатигранная голубого цвета (рис. 11, 71); лимонovidные крупные с внутренним серебрением (рис. 11, 70); пять подцилиндрических и призматических темно-голубых (рис. 11, 63—65); две призматических темно-сиреневых (рис. 11, 64, 66); зеленая эллипсоидная со слабо выраженными гранями (рис. 11, 43); неправильно-округлая из коричневого стекла (рис. 11, 44); пять полосато-мозаичных с полосками красного, синего, зеленого и желтого цветов (рис. 11, 47—47б, 80); крупная с желтыми, красными и коричневыми полосками (рис. 11, 82); несколько спирально-округлых из синего, зеленого и фиолетового стекла (рис. 11, 52—56); подквадратная синяя (рис. 11, 57); сигаровидная полосатая — полосы серые и коричневые (рис. 11, 67); обломок цилиндрической (рис. 11, 51); биконическая с охристо-желтыми разводами (рис. 11, 50). Кроме перечисленных бус найдены разноцветная дольчатая зеленовато-голубая (рис. 11, 42); обломок меньшей черной кольцевидной бусины (рис. 11, 75); эллипсоидная с обранкой из горного хрусталя (рис. 11, 49); стеклянная с перстнем вставка от перстня (рис. 11, 86).

Часть вещей из разрушенных погребений была собрана работниками Дуба-Юртовской фабрики художественной керамики и сохранилась ее директором Арсанукаевым А. А., которому авторы выражают свою признательность.

В состав этой коллекции входят шесть сосудов. Первый — кувшин со сливом и ручкой, прикрепленной к нижней части венчика и средней части тулова. Высота его — 17 см, диаметры венчика — 8, тулова — 13,3, дна — 9,5 см. Цвет поверхности красновато-бурый, тесто с примесью дробленой ракушки, при изготовлении сосуда использовался гончарный круг (рис. 12, 1). Второй сосуд — кружка с шаровидным туловом и петлевидной ручкой. Высота ее — 9,9 см, диаметры венчика — 9, тулова — 13,6, дна — 8,7 см. Цвет поверхности серый, изготовлен с применением гончарного круга (рис. 12, 5). Третий сосуд — кувшин с бочкообразным туловом и раструбистым венчиком. Ручка прикреплена одним концом к верхней части горла, другим — к верхней части тулова. Высота сосуда — 17 см, диаметры венчика — 9 см, тулова — 13,1 см, дна — 9,6 см. Цвет поверхности желтовато-оранжевый, тесто с примесью песка, при изготовлении кувшина применялся гончарный круг. В верхней части тулова прочерчены две небрежные горизонтальные линии (рис. 12, 7).

Четвертый сосуд — кувшин с отбитым венчиком и ручкой. Сохранившаяся высота — 12,5 см, диаметры горла — 6, тулова — 14, дна — 9,5 см. Поверхность сосуда буро-красного цвета, в изломе видна трехслойная структура стенок. Кувшин изготовлен на гончарном круге из теста с примесью крупного песка. Орнамент состоит из двух прямых горизонтальных линий и двух «волн» между ними (рис. 12, 9). Пятый сосуд — кувшин с туловом усеченно-биконической формы, часть венчика со сливом отбита. Ручка имеет подтреугольную форму. Размеры кувшина: высота — 14,5 см, диаметры венчика — 6,5 см, тулова — 13,3 см, дна — 8 см. Цвет поверхности оранжево-красный, в изломе сосуда — красный. Кувшин изготовлен на гончарном круге из теста с примесью песка и ракушки. Орнамент состоит из отрезков «волны» и горизонтальной линии, впереди на тулове прочерчен крест (рис. 12, 14).

Шестой сосуд — это грубо слепленный кувшин с отбитым венчиком и ручкой. Сохранившаяся высота — 17,5 см, диаметры горла — 8,5, тулова — 14,4, дна 10 см. Цвет поверхности красный, тесто с примесью крупнодробленой ракушки. Орнамент состоит из нескольких небрежно прочерченных волн (рис. 12, 15).

Кроме сосудов, рабочие фабрики собрали различные металлические изделия. Среди них: железная двулезвийная секира с подтреугольными лезвиями длиной 18,3 см (рис. 12, 13); бронзовые предметы: кольцевидная рифленая накладка от пояса (рис. 12, 2); шестиконечные штампованные нашивки с декором из ложной зерни двух видов (рис. 12, 3, 19); крупный, диаметром 8 см, диск с отверстиями для крепления, украшенный ложной зернью и полусферическими выпуклинами (рис. 12, 22); литой умбон с полуконусом в центре и двумя отверстиями (рис. 12, 23); обломок иглы

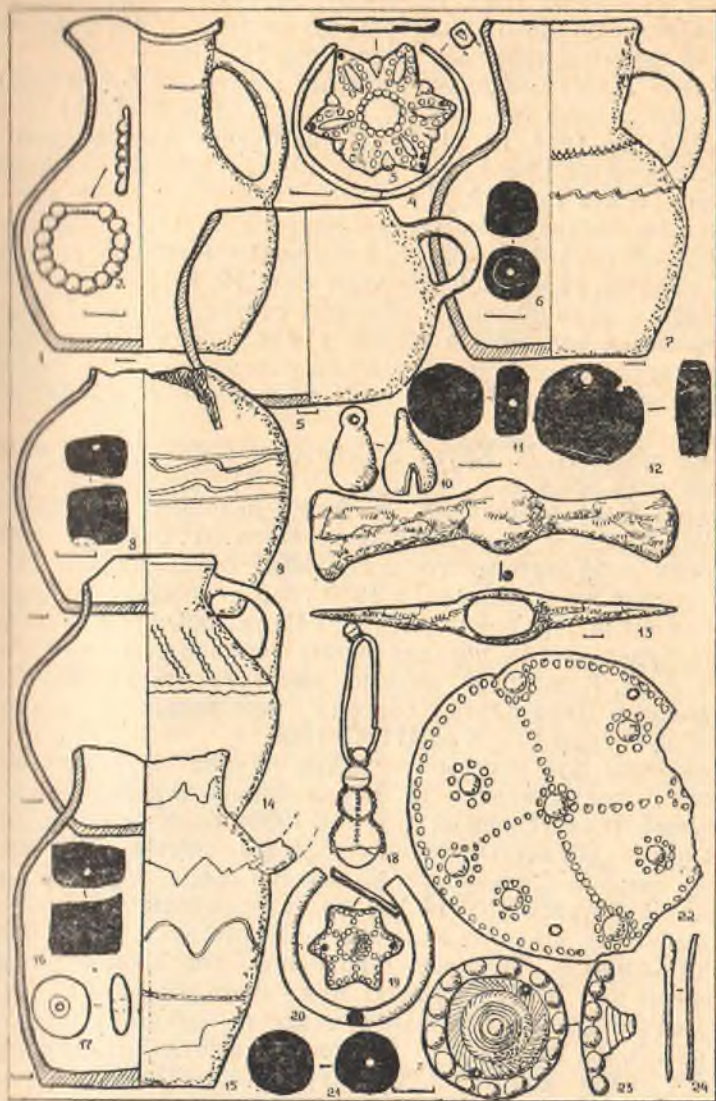

Рис. 12. 1—24 — находки из разрушенных катакомб 1986 года

(рис. 12, 25); два браслета с несомкнутыми концами, один в сечении округлый, второй — плоский, с подтреугольным углублением на одном из концов (рис. 12, 4, 20); зеркало с центральным уступом и валиком по краю диаметром 6,5 см (рис. 8, 1); бубенчик грушевидной формы с прорезью внизу (рис. 12, 10).

Найдено также несколько крупных гагатowych бусин различных форм: бочковидной (рис. 12, 6), прямоугольной (рис. 12, 8, 16), таблетковидной (рис. 12, 11, 12). Одна бусина дисковидной формы изготовлена из белого камня (рис. 12, 17), другая — шаровидная из черного стекла (рис. 12, 21).

Отдельно следует упомянуть золотую серьгу с неподвижно закрепленной бусинной колонкой из полых шариков разных диаметров, обильно украшенных зернью (рис. 12, 18).

В связи с ограниченным объемом статьи, основной целью которой является введение в оборот публикуемых материалов, представляется возможным детально рассмотреть категории находок, погребальный обряд, поэтому остановимся кратко лишь на вопросах их хронологии.

В свое время А. П. Круглов датировал дуба-юртовские материалы 1936 года временем не ранее IX в. [1]. Позднее дата этих комплексов была расширена В. А. Кузнецовым до VIII—IX вв. [10, С. 26]. В одном из архивных отчетов о работах 1937 года хронология дуба-юртовского могильника определялась IX—X вв. [6]. В итоговой же информации 1939 года нижняя временная граница некрополя была углублена до VI—VII вв., основная же часть погребений отнесена «к последующему времени, но не позднее X в.» [7]. А. С. Каманцева, видимо, уже опираясь на все материалы раскопок в Дуба-Юрте, отнесла могильник к памятникам аланской культуры IX—X вв. [11, С. 150].

Основанием для пересмотра даты начала функционирования некрополя в документации 1939 года послужила находка в одной из катакомб (как теперь ясно — 16/1939) бронзовых фибулы и бляшек пояса, обтянутых тонким золотым листом. В 1984 году одним из авторов статьи было высказано предположение, что этот комплекс датируется не VI—VII вв., а временем не ранее второй половины VIII в., судя по наличию в его составе круглой металлической пуговицы и булавки с граненой головкой — предметы характерных (по А. К. Амброзу) для этого столетия [8, с. 114, 115]. Сейчас аналогии бляшкам поясного набора [12, рис. 61, 115; 18, рис. 6, 23, 24], пряжке [19, рис. 1], фибуле [12, рис. 62, 9, 113, 116] в целом корректируют дату в сторону небольшого удращения — первой половины VIII в. Показательно, что эта катакомба располагалась в стороне от основной массы погребений, вскрытых в 1937 и 1939 годах, обозначая, видимо, ранний участок некрополя. Впрочем, захоронений этого времени было больше, чем косвенно свидетельствуют амулет — единственный сохранившийся

ия предмет из катакомбы 18 (рис. 7, 2) и серьга из сборов в год (рис. 8, 18), точные аналогии которым известны в погребениях Мартан-Чуйского 2-го могильника VIII в. [8, с. 102—104]. Стоит отметить, что и подпрямоугольная форма камеры со сводчатым сводом чаще встречается в катакомбных могильниках второй половины VIII в. Среднего Притеречья [8, с. 161—162]. Таким образом, наиболее ранние материалы, обнаруженные в Дуба-Юрте, относятся к VIII в.

Что касается основной массы находок из раскопок 1937, 1939 гг., то их датировку в рамках IX—X вв., предложенную ранее, спешно следует считать верной. Этим же временем определены и сборы 1986 года.

Большинство предметов материальной культуры из Дуба-Юрта находит прямые аналогии в погребениях IX — начала X в. территориально близкого, расположенного в 15 км западнее в той же ландшафтной зоне, Мартан-Чуйского 1-го могильника [14; 15].

Не разбирая сейчас детально хронологию публикуемых материалов, заметим, что в рамках указанного периода погребения в дальнейшем можно более четко дифференцировать. Например, предметы из катакомбы 7 кажутся относительно ранними; они в виде всадника (рис. 2, 16), датируемый не позднее начала IX в. по аналогиям в Гоусте [16, с. 116; 8, с. 107]; наконечник (рис. 2, 3), тождественный мартан-чуйским не ранее второй половины VIII в. — IX в. [13, рис. 3, 44, 14, рис. 2, 12, 21, 42]; шпильки (рис. 2, 14) с декором в стиле мартан-чуйского периода середины VIII в. [13, рис. 2, 5, 7; 8, с. 122].

Остальные материалы в целом укладываются в рамки IX (в основном второй половины этого столетия) и начала X в., находя точные аналогии, часто точные аналогии и в иных, помимо Мартан-Чуйского некрополя Северного Кавказа. Так, например, наконечник (рис. 3, 30) тождествен дзигвисскому, относящему к IX в. [12, рис. 61, 19], двулезвийные секиры (рис. 1, 6, 7, 38 и др.) близки находкам в Верхнем Прикубанье (Мошечья, Балабанка и др.) [20, рис. 11, 3—5]. Аналогии публикуемым материалам, браслетам, амулетам есть в Рагете [22, рис. 2, 2, 3], Фуртоуге [1, Кименке, Хуламе [21, рис. 19, 24].

Верхняя хронологическая грань дуба-юртовских материалов определяется близостью Т-образных секир, разнообразных блях и шпильки уборов, бус (в том числе крупных гагатовых), серег с подвижными колонками, деталей поясных наборов, характерных ступеней с боковыми головками, металлических браслетов инвентаря таких погребений Мартан-Чуйского 1-го могильника, как 10, 29, датируемых рубежом IX—X вв., началом X в. [17]. Эти категории инвентаря продолжают встречаться и в более поздних погребениях Мартан-Чуйского 1-го могильника, но уже в сопровож-

дении предметов, характерных для второго этапа этого некрополя — стеклянных браслетов, бус с восьмеркообразным орнаментом из перекрещивающихся нитей, специфической орнаментации на деталях поясных наборов и других вещей [17, с. 8], которых публикуемых коллекциях нет.

Дуба-Юрт, по существу, является вторым после Мартан-Чуйского пунктом в Чечено-Ингушетии, давшим обильные и в значительной части документированные материалы IX—X вв., что заметно расширяет базу дальнейших хронологических изысканий в связи с древностями заключительного этапа эпохи раннего средневековья и ощутимо углубляет представления о материальной культуре аланского населения плоскостной зоны Среднего Притеречья.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ **Круглов А. П.** Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии лет 1936 года // Записки ЧИНИИИЯЛ. Т. 1. Грозный 1938.
- ² Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945, С. 87.
- ³ Фонд ЧИРКМ, старый архив, опись 5, папка 69.
- ⁴ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, 1937, № 293.
- ⁵ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, 1939, № 165.
- ⁶ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1937, № 242.
- ⁷ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 45, 1939, № 54.
- ⁸ **Мамаев Х. М.** Население плоскостной зоны Среднего Притеречья в эпоху раннего средневековья (материальная культура по данным погребальным памятникам). Дис... канд. ист. наук. Грозный, 1985.
- ⁹ Фотоархив ЛОИА АН СССР. 0.1408.8—19, 67—84, 88—95; 0.1470. 16—0.1207. 9—15, 62—76.
- ¹⁰ **Кузнецов В. А.** Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962.
- ¹¹ **Каманцева А. С.** Гончарная печь в селении Дуба-Юрт // КСИИМК, М. 1959.
- ¹² Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- ¹³ **Виноградов В. Б., Мамаев Х. М.** Аланский могильник у сел. Мартан-Чу в Чечне (материалы 1970—1976 гг.) // Вопросы археологии и этнографии верной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
- ¹⁴ **Виноградов В. Б., Мамаев Х. М.** Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977—1978 гг.) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
- ¹⁵ **Савенко С. Н.** Раскопки Мартан-Чуйского 1-го могильника в 1980 г. // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
- ¹⁶ **Ковалевская В. Б.** Изображение коня и всадника на средневековых предметах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии восточной Европы. М., 1978.
- ¹⁷ **Мамаев Х. М.** Население плоскостной зоны Среднего Притеречья в эпоху раннего средневековья (материальная культура по данным погребальных памятников). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1985.
- ¹⁸ **Абрамова М. П.** Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа. СА, 1982, 2.
- ¹⁹ **Распопова В. И.** Основания для датировки металлических изделий Панджикента // КСИА, 158. М., 1979.
- ²⁰ **Ложкин М. Н.** Аланы на Урупе // Вопросы археологии и этнографии верной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

Чеченов И. М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Абхазии-Билкарни. З. Нальчик, 1987.

Виноградов В. Б. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 году // АЭС 11, Грозный, 1968.

Мужухоев М. Б. Раскопки средневековых могильников в горной Ингушетии в 1983 году // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии, Грозный, 1987.

Авторы признательны старшему научному сотруднику ЧИРКМ Н. Н. Вековой за помощь в сборе материалов 1986 г.

Р. А. ДАУТОВА, Д. Ю. ЧАХКИЕВ

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО МАВЗОЛЕЯМ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

До настоящего времени к наименее изученным позднесредневековым погребальным сооружениям Чечено-Ингушетии относят мавзолеи, всестороннее научное осмысление которых несомненно позволит осветить многие пока еще слабоисследованные важные стороны прошлой истории, материальной и духовной культуры не только непосредственно чеченцев и ингушей, но и населения всего Северного Кавказа [см., например: 1; 2; 3]. Поэтому недовольное значение приобретают добытые в последние годы новые разнотипные полевые материалы о сравнительно редких для Северокавказского региона т. н. ядрообразных (или круглоплано-вых) мавзолеях этого времени горной Ингушетии (Назрановский уезд), часть из которых приводится в настоящей статье [3; 4; 5].

В 1985 году археологическим отрядом ЧИИИСФ было проведено охранное стационарное исследование ядрообразного мавзолея, расположенного на юго-западной окраине небольшого средневекового башенного поселка Гоуст в Джейраховском ущелье горной Ингушетии, подвергающегося сильному естественному разрушению и, по сообщению местного жителя Р. Х. Ахильгова, подвергнутому разграблению содержимого его погребальной камеры ристами и чабанами (рис. 1). Данный мавзолей еще никем не изучался, в специальной литературе даже не упомянут. Вместе с тем, у старожилов Джейраховского ущелья мавзолей именуется «Салам-Каш» («Могила Салама») и с ним связаны отдельные отрывочные весьма интересные сюжеты ингушских героико-исторических песен «илли», а также различные легенды. По этим источникам, записанным нами в разные годы, в башенном поселке Гоуст некогда (не более 250—300 лет тому назад) проживал идеализированный герой по имени Салам, являвшийся представителем преобладавшей феодализирующейся (прежде всего военной) верхушки ингушского общества позднего средневековья. Этот Салам рисуется в фольклорных источниках предводителем небольшой воинской дружины, который прославился своими многочис-

ленными воинскими победами и акциями, личной отвагой, мужеством и благородством. Сообщается, что обычно захватывая богатую добычу он якобы делил ее или же порой всю отдавал бедным и многодетным вдовам. Был он высокого роста, могучего телосложения и обладал нечеловеческой силой. Но в итоге героически пал на поле сражения, защищая честь и свободу своих сородичей, не успев даже обзавестись семьей. «Похоронили его с большим почестями в наземной гробнице, специально возведенной для него, в родном поселке Гоуст. Здесь же в его честь было построено очень красивое «шу» (столпообразное святилище — Р. Д., Д. Ч.) которое, к сожалению, уже не сохранилось»¹.

Впоследствии в мавзолее начали хоронить своих усопших представители двух местных родственных фамилий — Ахильговы и Цицкиевы².

Такова бытующая отрывочная фольклорная информация об этом ядрообразном мавзолее, которую нам удалось собрать.

Мавзолей у поселка Гоуст круглоплановый, ориентирован лезом на северо-восток. Он сложен из частично обработанных и тщательно подогнанных друг к другу массивных песчаниковых камней на известково-глинистом связующем растворе. Снаружи его стены дополнительно подвергнуты штукатурке желто-белого цвета (частично уже не сохранилась), а изнутри — в местах стыковки камней сделана обмазка — затирка известковым раствором.

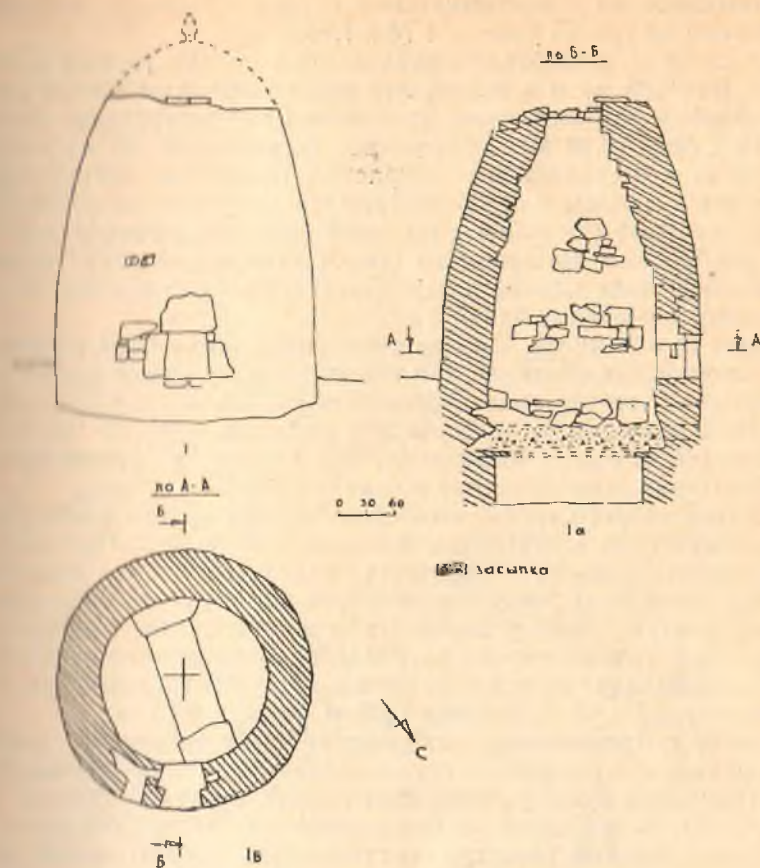
Стены мавзолея кверху все больше суживаются, купол возведен напуском камней (т. е. техникой ложного свода) и перекрыт большой поврежденной плоской плитой круглой формы. Вся верхняя часть сооружения также сильно повреждена, частично рухнула в погребальную камеру. По сообщению Р. Х. Ахильгова, еще несколько лет назад мавзолей венчал массивный конусовидный камень.

В центре фасадной северо-восточной стены (сохранившаяся высота 3,50 м), на высоте 0,48 м от поверхности земли, у мавзолея расположен трапециевидный лаз (высота 0,50 м, ширина верхней части 0,44 м, а нижней 0,51 м). Он двустворчатый (ширина первой 0,18 м, второй 0,32 м). Толщина стены мавзолея на уровне лаза — 0,50 м. В боковых стенках лаза находятся небольшие пазы для крепления засова. Близ восточной стороны лаза из стены выпал камень.

В северо-восточной стене, на высоте 1,75 м от земли, у мавзолея выступают на 15 см два камня — песчаника, между которыми

¹ Информация жителей Джейраховского ущелья: 107-летнего старожилки сел. Ольгеты И. Ш. Гетагазова и 85-летнего уроженца сел. Дугарги Х. Ч. Куштова летом 1977 года, 95-летнего долгожителя сел. Лежги Х. Л. Хисиева осенью 1978 года, 75-летнего уроженца сел. Фалхан С. М. Дзарахова в том 1985 года.

² Сообщения Х. Ч. Куштова, С. М. Дзарахова и Р. Х. Ахильгова.

Р и с. 1. Мавзолей у поселка Гоуст

...водится отверстие (8x10 см). Толщина этих камней 10 см, ширина первого 14 см, а второго — 10 см.

В северо-западной стене мавзолея, в центральной ее части, открываются три небольших сквозных отверстия.

Внутри погребальной камеры мавзолея — навал из остатков обломов, выпавших из стен и купола камней и плит, разрозненные и ломанные человеческие кости (иногда со следами мумификации костей), а также следы «деятельности» туристов и чабанов (обломки газет, консервные банки, битое стекло и др.). Непотревоженных костячков погребенных обнаружить здесь не удалось: содержимое камеры перевернуто неоднократно, костячки погребен-

ных находятся не в анатомическом порядке. Размеры погребальной камеры на уровне лаза — 1,78 x 1,83 м.

Все остатки погребений подразделены на три горизонтальных пласта (по 0,20 м) и в результате предпринятой охранной расчистки обнаружены следующие предметы и зафиксированы явления.

Пласт № 1 (0,20 м). Количество погребенных 29, из которых 12 детских и 6 старческого возраста³. Предметы погребально-инвентаря в данном пласте обнаружить не удалось: разграблено только, как уже отмечалось, по всей площади погребальной камеры разбросаны выпавшие из стен и купола мавзолея камни, плиты, истлевшие мелкие части деревянных гробов, скелетов, битое стекло, консервные банки и др.

Пласт № 2 (0,20 м). Состоит также из мелких костей разрозненных человеческих скелетов, камней, досок и др. Здесь удалось зафиксировать остатки трех деревянных гробов, в двух из которых прослеживаются части человеческих скелетов (рис. 2). У последних заметны следы мумификации. Все три гроба ориентированы (с небольшими отклонениями) по линии С—Ю.

Остатки первого гроба, выдолбленного из целого куска древесины, отмечаются в центральной полосе пласта № 2. При расчистке внутри его удалось обнаружить отдельные части одиночного (видимо, женского) захоронения: части ног и рук, позвоночника грудной клетки. Череп у костяка не сохранился. Он был ориентирован на юг. Костяк в гробу располагался вытянуто на левом боку. Части ног выходят за пределы гроба. Длина сохранившейся части колоды—гроба 1,45 м, ширина 0,35 м, высота 0,15 м.

В этом потревоженном захоронении были встречены следующие предметы: а) в районе грудной клетки костяка — миниатюрная стеклянная бусина фиолетового цвета округлой формы (рис. 2, 21; 3, 7); б) в районе не сохранившихся таза и берцовых костей — серебряный перстень со стеклянной прямоугольной вставкой — «глазком» (рис. 2, 1; 3, 1); железный замок фабричной боты (рис. 2, 14; 4, 5); деревянный гребень с двусторонними зубцами (рис. 2, 8; 4, 4); бронзовая пластина — оконечность части кожаного поясного ремня (рис. 2, 5; 3, 2); в) в северной части гроба — две однотипные плоские серебряные подвески с серпидиновидными орнаментированными пластинками (рис. 2, 4, 15; 3, 12, 13). Первая из них располагалась за пределами гроба, непосредственно у его западной стенки.

Второй детский гробик (или люлька) отмечен в юго-западной части пласта № 2. Он также выдолблен из целого куска древесины и сильно поврежден (рис. 2). Его размеры: длина 0,88 м, ширина 0,27 м, высота 0,19 м. Костяк не обнаружен, а найдены в нем

³ Количество совершенных захоронений и их примерный возраст определены по сохранившимся, а также фрагментам черепов и берцовым костям скелетов.

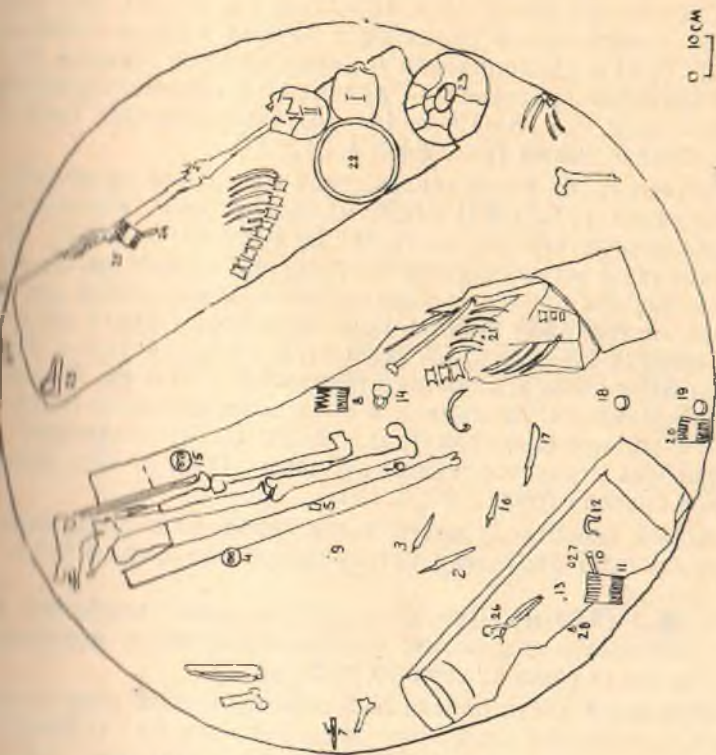

Таблица N

Р и с. 2. Пласти № 2 погребальной камеры мавзолея

игольница в виде поврежденного бронзового стержня с материей и одной стальной иглой внутри (рис. 2, 10; 3, 4); деревянный гребень с двусторонними зубцами (рис. 2, 11; 4, 2); П-образная бронзовая поясная подвеска (рис. 2, 12; 3, 10); фиолетовая стеклянная бусина (рис. 2, 13; 3, 6); поврежденные железные шарнирные ножницы (рис. 2, 26; 4, 1); два бронзовых наперстка (рис. 27—28; 3, 8—9).

Между первым и вторым гробами в пласте № 2 зафиксированы: четыре железных черенковых однолезвийных ножа без сохранившейся рукояти (рис. 2, 2—3, 16—17; 3, 16—17, 19, 20); небольшой ножик с деревянной рукоятью с нитями и матерчатой частью (рис. 2, 7; 3, 11); сердоликовидная бусина округлой формы (рис. 9); две бронзовые подвески — лунницы с орнаментированными пластинами (рис. 2, 18—19; 3, 14—15); деревянный гребень с двусторонними зубцами (рис. 2, 20; 4, 3).

От третьего гроба сохранилась лишь массивная прямоугольная доска основания (1,22 x 0,31 x 0,05 м), на которой располагались два поврежденных черепа, часть грудной клетки и кости праворуки со следами мумификации разрозненных скелетов. В южной части доски гроба отмечены перевернутые вверх дном две деревянные миски токарной работы, одна из которых почти полностью истлела (рис. 2, 22—23; 4, 6). Диаметры их устья 21,2 и 23,5 см, диаметр дна 19,0 и 8,0 см, высота соответственно 9,4 и 8,8 см. В северной части доски найдены: игольница в виде поврежденного бронзового стержня с материей внутри (рис. 2, 24; 3, 5); истлевший деревянный гребень с двусторонними зубцами (рис. 2, 25); железное П-образное кресало (рис. 2, 29; 3, 18).

У северной (короткой) части доски гроба, близ лаза мавзолея, встречена плоская бронзовая пуговица круглой формы (рис. 2, 3, 3).

Пласт № 3 (0,20 м). Данный пласт оказался наиболее ценным вещевыми находками, определенная часть которых условно проникла сюда из верхних пластов.

В центральной части пласта № 3 отмечен сильно поврежденный открытый деревянный гроб прямоугольной формы (1,68 x 0,38 м), ориентированный по линии С—Ю (рис. 5). Северная, южная, восточная его стенки — доски с внешней стороны покрыты многочисленной резной линейно-геометрической орнаментацией, а западная располагает подобными орнаментами с внутренней стороны. Короткие северная и южная стенки состоят из трех досок. Южная стенка гроба практически полностью истлела.

В результате визуального осмотра гроба установлено, что в нем было одновременно совершено по вертикали два захоронения (по-видимому, вначале мужское, а затем женское), расположенные друг от друга рядом небольших деревянных досок. К

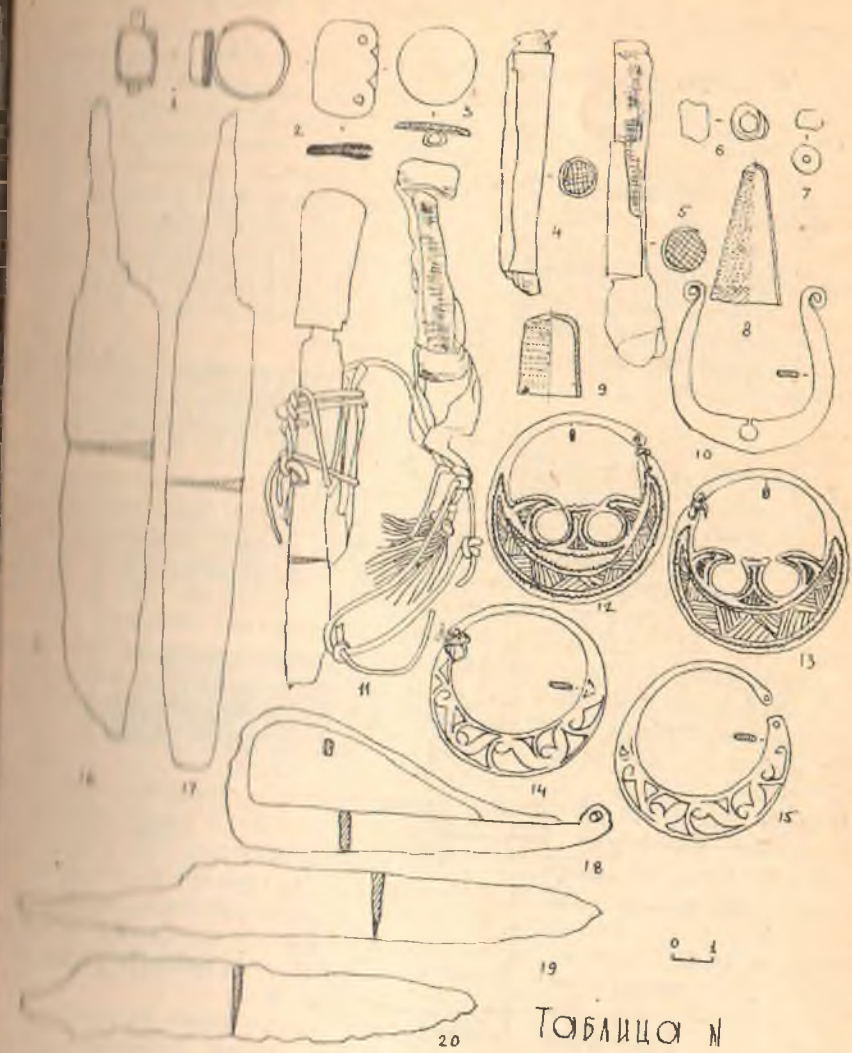
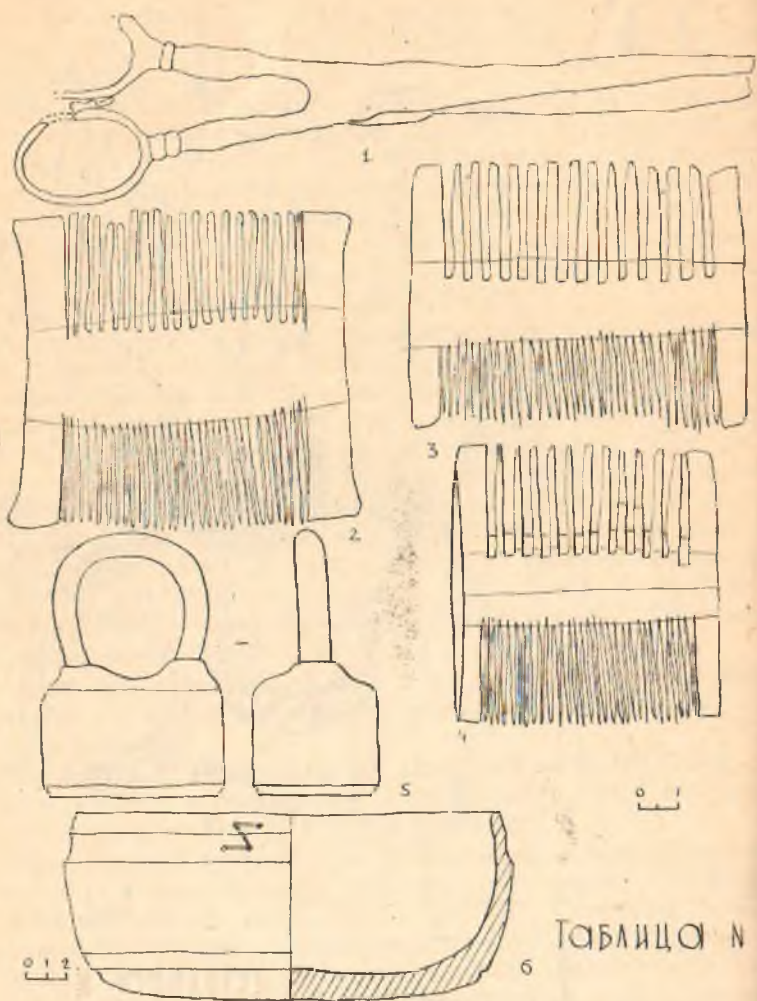

Таблица №

Рис. 3. Находки из пласта № 2

Р и с. 4. Инвентарь из пласта № 2

ли часть плоской доски — крышки от гроба (1,05 x 0,31 м) находилась непосредственно у восточной стенки гроба.

Была предпринята в отдельности расчистка каждого погребения этого гроба.

Погребение № 1. Оно, как уже отмечалось, по-видимому, было неслучайно и сильно пострадало: от костяка сохранились в центральной части гроба одна берцовая кость, а в северной — части гроба и правой ноги.

В погребении удалось зафиксировать следующие предметы.

В восточной части гроба: перевернутая вверх дном деревянная миска (21,4x10,0x8,6 см) токарной работы (рис. 5, 1; 7, 17), бронзовый наперсток с отверстием для подвешивания (рис. 5, 29; 6, 1), две граненые бусины из бесцветного стекла (рис. 5, 28, 32; 6, 13—14), две граненые стеклянные бусины светло-серого цвета (рис. 5, 30, 33; 6, 12, 17), малахитовый амулет (3,0x2,5 см) с отверстием для привешивания (рис. 5, 31; 6, 11), сердоликовая бусина округлой формы (рис. 5, 34; 6, 9).

В центральной части гроба: железный однолезвийный черенный нож без сохранившейся рукояти (рис. 5, 2; 6, 25); две сердоликовые бусины округлой формы (рис. 5, 3, 13; 6, 10, 16); фрагмент деревянного гребня с двусторонними зубцами (рис. 5, 5; 6, 11); граненая бусина из темно-серого стекла (рис. 5, 6; 6, 20); сильно поврежденная и полуистлевшая деревянная миска (19,0 x 10,0 x 6,8 см) токарной работы, перевернутая вверх дном (рис. 5, 1); две граненые «лунные» бусины (рис. 5, 8, 18; 6, 15, 18); серебряная восьмипластная плоская подвеска с серповидной орнаментированной пластиной (рис. 5, 14; 6, 1); округлая бусина из бесцветного стекла (рис. 5, 15; 6, 7); железные пружинные ножницы (рис. 5, 16; 6, 25); деревянный гребень с двусторонними зубцами (рис. 5, 17; 6, 21); бронзовый чистильщик с «глазком» из сердолика (рис. 5, 19; 6, 3), два бронзовых кольца (рис. 5, 20, 26; 6, 2); фрагмент каменного оселка с отверстием для подвешивания (рис. 5, 21; 6, 8); фрагмент граненной бусины из бесцветного стекла (рис. 5, 22); фрагменты перстца из отдельного бронзового кольца и «глазка» из фиолетового стекла в бронзовой оправе (рис. 5, 23, 24; 6, 4); прямоугольная граненная бусина синего цвета с тремя отверстиями (рис. 5, 27; 6, 19).

В северной части гроба: перевернутая вверх дном полуистлевшая деревянная миска (20,0 x 8,5 x 7,5 см) токарной работы (рис. 5, 4); фрагмент перевернутой вверх дном деревянной миски (7,0 x 7,2 x 6,2 см) токарной работы (рис. 5, 9); фрагмент бронзовой миниатюрной пряжки (рис. 5, 25; 6, 5); две деревянные бусины токарной работы (16,2x9,3x6,0 см, 16,5x9,2x7,0 см), (рис. 5, 10—11; 7, 15—16); поврежденный железный однолезвийный черенковый нож в черных кожаных ножнах (рис. 5, 12; 6, 23).

Горст - 85

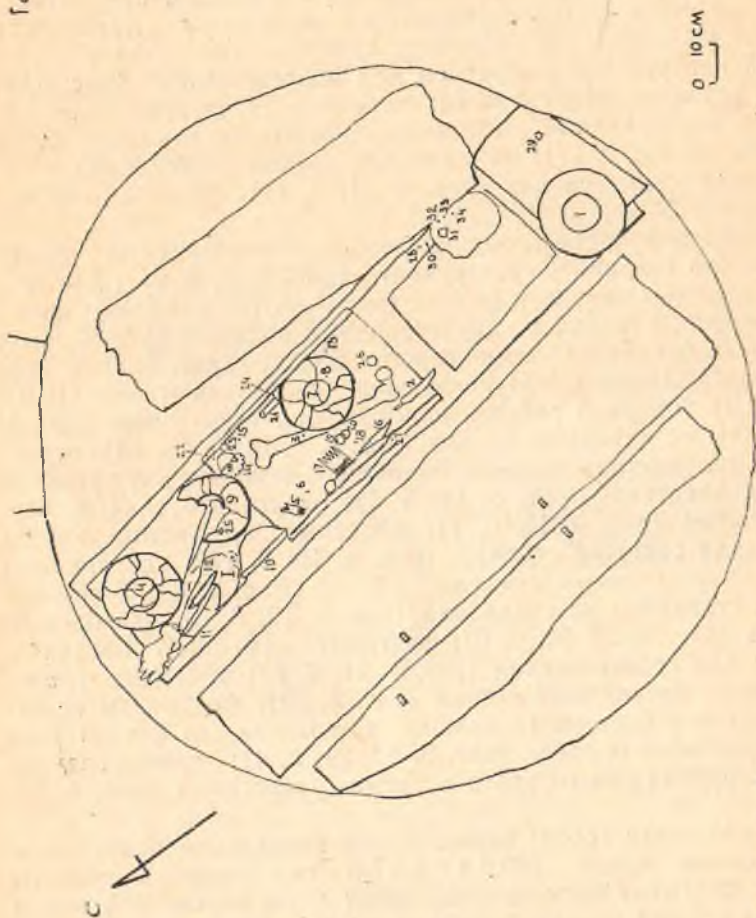
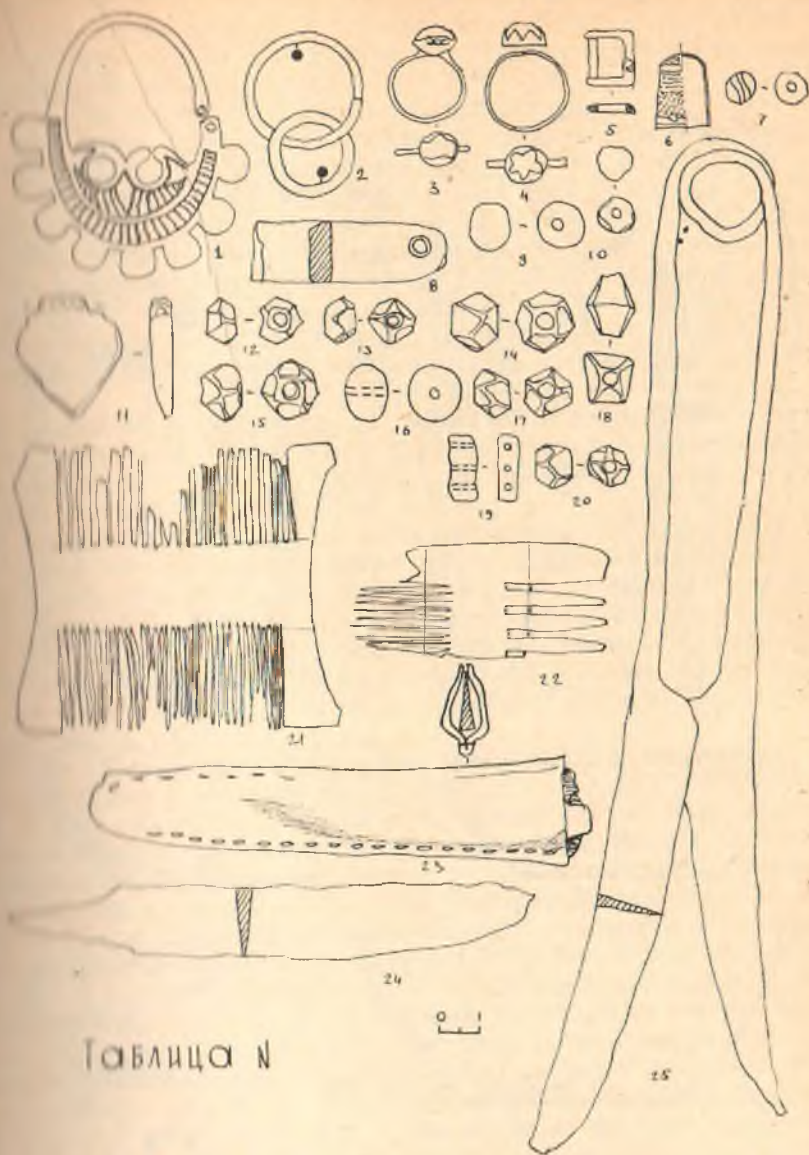

Таблица N

Р и с. 6. Находки из пласта № 3

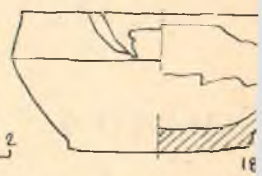
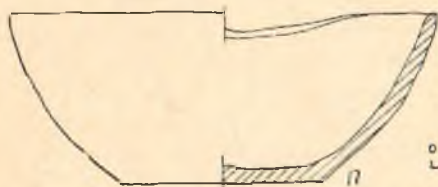
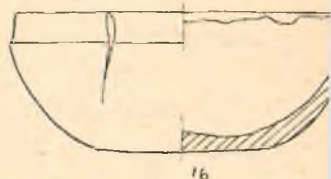
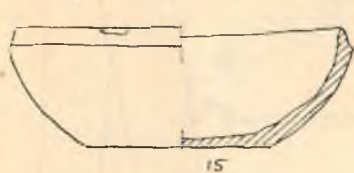
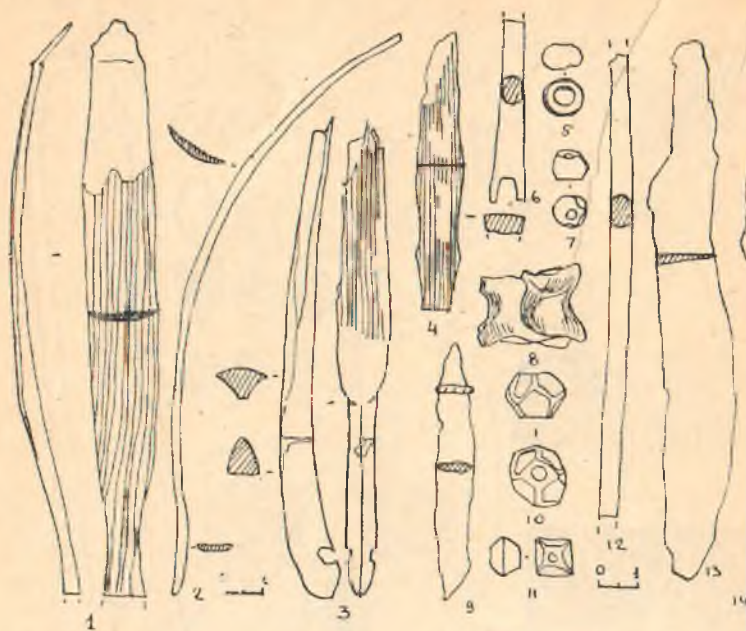

ТАБЛИЦА N

Рис. 7. Вещи из пласта № 3

Погребение № 2. Мужское одиночное захоронение со следами частичной мумификации расположено вытянуто на спине и зафиксировано головой на юг (рис. 8). Костяк погребенного сильно поврежден: череп раздавлен, отсутствуют кости грудной клетки, части рук и ног, а остальные полуистлели.

В результате проведенной расчистки данного мужского погребения были найдены следующие предметы.

В центральной части гроба, близ восточной ее стенки: сердоликовая бусина округлой формы (рис. 7, 5; 8, 42); миниатюрный железный однолезвийный черенковый ножик с бронзовым перехватом без сохранившейся рукояти (рис. 7, 9; 8, 43); бараний астрагал (рис. 7, 8; 8, 44); поврежденный железный однолезвийный железный нож без сохранившейся рукояти (рис. 7, 13; 8, 45); граненая бусина из бесцветного стекла (рис. 7, 11; 8, 46).

В районе берцовых костей погребенного зафиксированы: фрагменты деревянной основы и две роговые обкладки сложносоставного лука (рис. 7, 1—4; 8, 35—36), два фрагмента древка стрелы с крючком для тетивы (рис. 7, 6, 12; 8, 47).

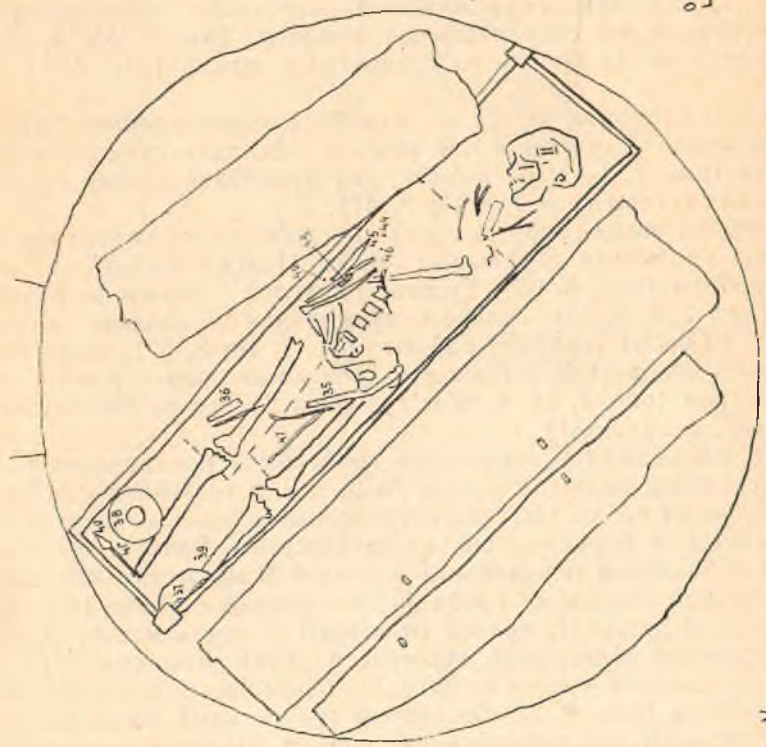
В северной части гроба, в ногах погребенного: практически полностью истлевшая деревянная миска (13,0 x 4,8 x 5,0 см) токарной работы (рис. 8, 38); бусина округлой формы из синего стекла (рис. 7, 7; 8, 39); сильно поврежденная деревянная миска (14,1 x 9,1 x 7,0 см) токарной работы (рис. 7, 18; 8, 37); железный бронзовый наконечник стрелы с узко-ромбовидным пером и отогнутой острой частью (рис. 7, 14; 8, 40); граненая бусина из бесцветного стекла (рис. 7, 10; 8, 41).

После завершения исследования гроба была предпринята расчистка остальной площади пласта № 3, т. е. в восточной и западной сторонах от гроба. Останки погребенных и здесь находятся не анатомическом порядке, сильно повреждены. Вместе с погребенным инвентарем перемешаны с землей и мелкими камнями.

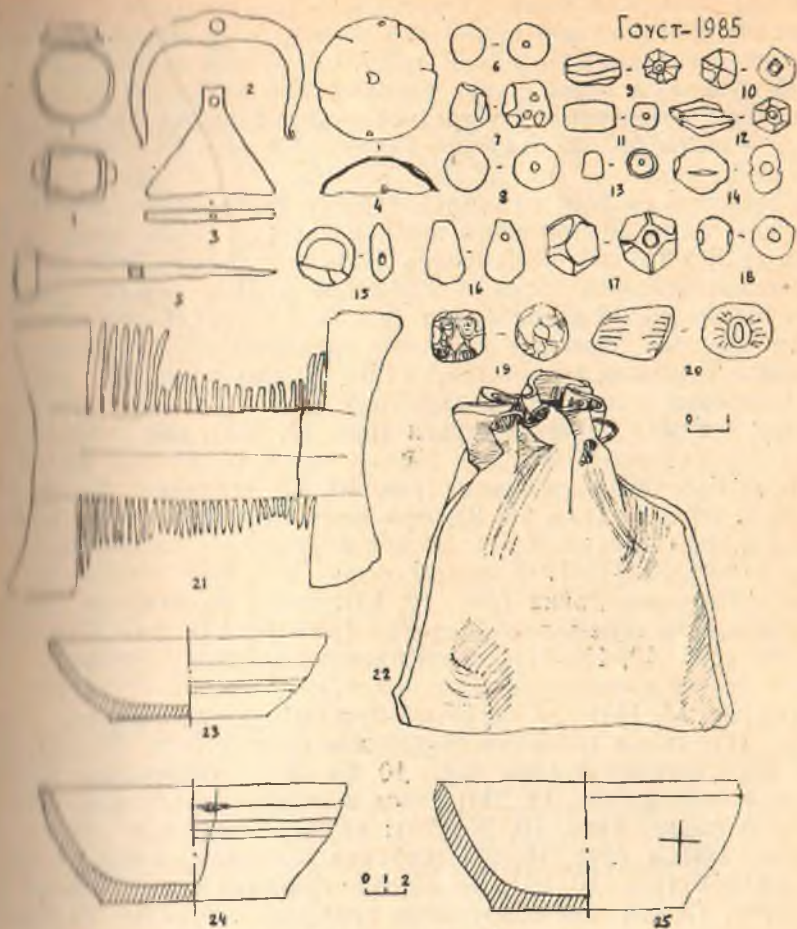
В восточной стороне от гроба зафиксированы останки 10 усопших (в т. ч. 4 детских), причем от одного — часть мумии. Здесь были встречены: серебряный перстень с прямоугольным «глазчатом» из оранжевого стекла (рис. 9, 1); бронзовая П-образная полая подвеска (рис. 9, 2); бронзовый треугольный плоский амулет с отверстием для подвешивания (рис. 9, 3); серебряная полукруглая бляха округлой формы от женского головного убора «мур-хурс» (рис. 9, 4); железный гвоздь с массивной квадратной шляпкой (рис. 9, 5); три сердоликовые бусины округлой формы (рис. 9, 6, 8, 18); две «глазчатые» бусины из разноцветной (зеленой, синей, красной, желтой, оранжевой) пласты (рис. 9, 7, 19); овальная вытянуто-ребристая бусина (рис. 9, 9); граненая «бусина» бусина (рис. 9, 10), стержневидная сердоликовая бусина (рис. 9, 11); граненая ромбовидная сердоликовая бусина (рис. 9, 12).

Говст-85

0 10 CM

Гованица II

Р и с. 9. Инвентарь из пласта № 3

11) миниатюрная бусина округлой формы из фиолетового стекла (рис. 9, 13); бочковидная бусина из фиолетового стекла (рис. 9, 4); фрагмент уплощенно-плоской сердоликовой бусины округлой формы (рис. 9, 15); каплевидная сердоликовая бусина (рис. 9, 11); граненая бусина из светло-серого стекла (рис. 9, 17); гагаиной бусина с насечками (рис. 9, 20); поврежденный деревянный расчес (9,9 x 6,9 см) с двусторонними зубцами (рис. 9, 21); небольшая фрагмент граненой сердоликовой бусины, кист (9,1 x

х 8,5 см) из черной кожи, внутри которого находятся 4 барахла астрагала и небольшой серо-зеленый шелковый мешочек-кончик с растительной орнаментацией (рис. 9, 22); три деревянные монеты (на туловах у первых двух расположены по 4 ряда concentric круговых линий, а у третьей — 3 небольших креста) карной работы (14,2x7,9x4,2 см, 15,6x9,2x5,8 см и 15,1x9,6x6,4 см) (рис. 9, 23—25).

В западной стороне от исследованного гроба пласт № 3 закрывали две доски аналогичного же деревянного гроба, одна из которых (1,29 x 0,19 м) сохранилась лишь наполовину (рис. 8). Размеры сохранившейся доски — 1,55 x 0,34 м. Под этими досками отмечены останки 8 погребенных (в т. ч. 4 детских) не в анатомическом порядке. Здесь же найдены: практически полностью сохранившаяся левшая деревянная миска (12,5 x 4,6 x 5,5 см) токарной работы; два бронзовых и два железных кольца (рис. 10, 1—2); фрагмент бронзовой дужки сетчатой серьги (рис. 10, 6а), две бронзовые треугольно-сетчатые плоские серьги (рис. 10, 6—7); фрагмент округлой бронзовой пуговицы (рис. 10, 8); «глазок» из черной керамики (рис. 10, 9); фрагмент конусовидного наперстка (рис. 10, 10); две бронзовые серьги в виде ? — вопросительный знак (рис. 10, 11—12); миниатюрная округлая бусина из лотистого стекловолокна (рис. 10, 13); две однотипные округлые бусины из сине-зеленого стекла (рис. 10, 14); два бронзовых амулета (рис. 10, 15—16); поврежденная плоская пуговица округлой формы с петелькой (рис. 10, 17); бронзовый наперсток (рис. 10, 18); три «лунные» бусины округлой формы (рис. 10, 19—21); синяя граненая стеклянная бусина (рис. 10, 22); две граненые «лунные» бусины (рис. 10, 23, 30); бронзовая бусина округлой формы (рис. 10, 24); синяя и зеленая стеклянные бусины округлой формы (рис. 10, 25—26); крупная округлая бусина из матового стекла (рис. 10, 27); крупная глиняная бусина с голубой поливой (рис. 10, 28); уплощенно-граненая сердоликовая бусина (рис. 10, 29); две однотипные граненые бусины из темного коричневого стекла (рис. 10, 31); синяя граненая стеклянная бусина (рис. 10, 32); каменный оселок (9,6 x 1,2 см) с отверстиями для подвешивания и насечками на коротких сторонах (рис. 10, 33); четыре однолезвийных черенковых ножа (один из них представлен лишь фрагментами, а у другого черенок обломан) без сохранившейся рукояти (рис. 10, 34—36); поврежденный железный однолезвийный черенковый ножик без сохранившейся рукояти (рис. 10, 37); деревянный гребень с двусторонними зубцами (рис. 10, 38).

Каменный ящик. После завершения расчистки пласта № 3 было установлено, что погребальная камера мавзолея имеет под собой плотно утрамбованную земляную засыпку с мелкими камнями, достигающую глубины в центре 0,25 м. После удаления этой засыпки

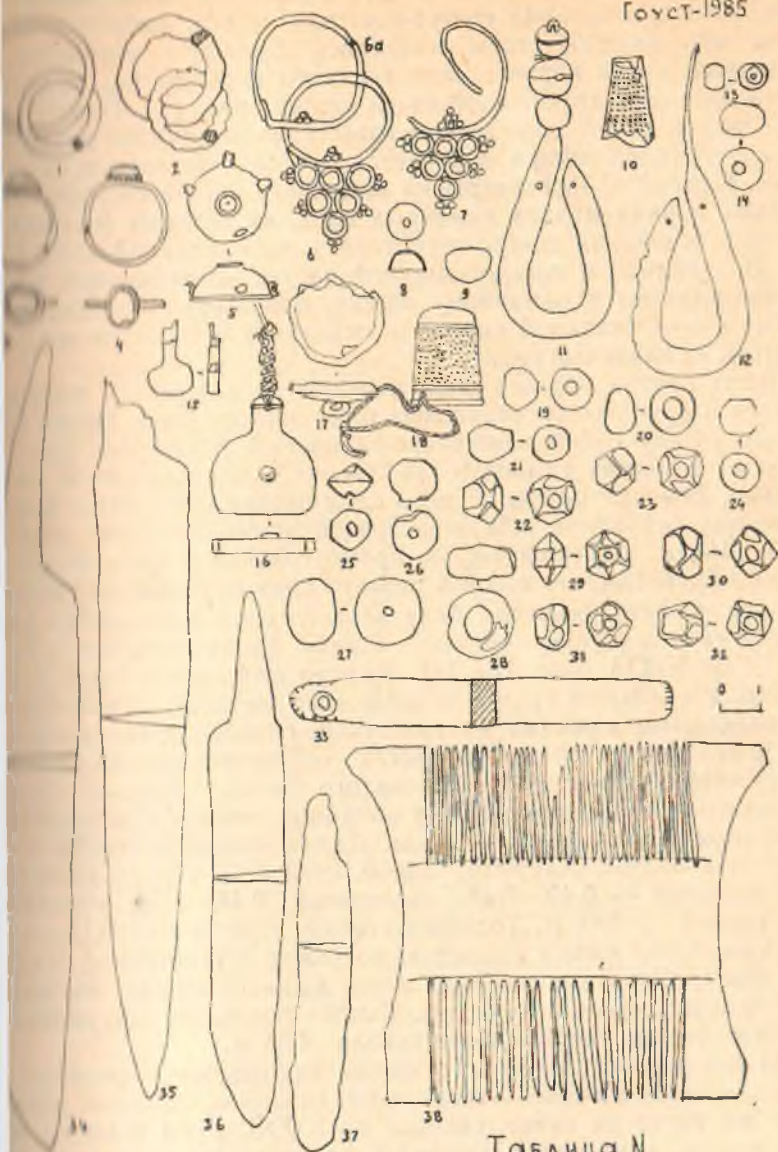

Таблица N

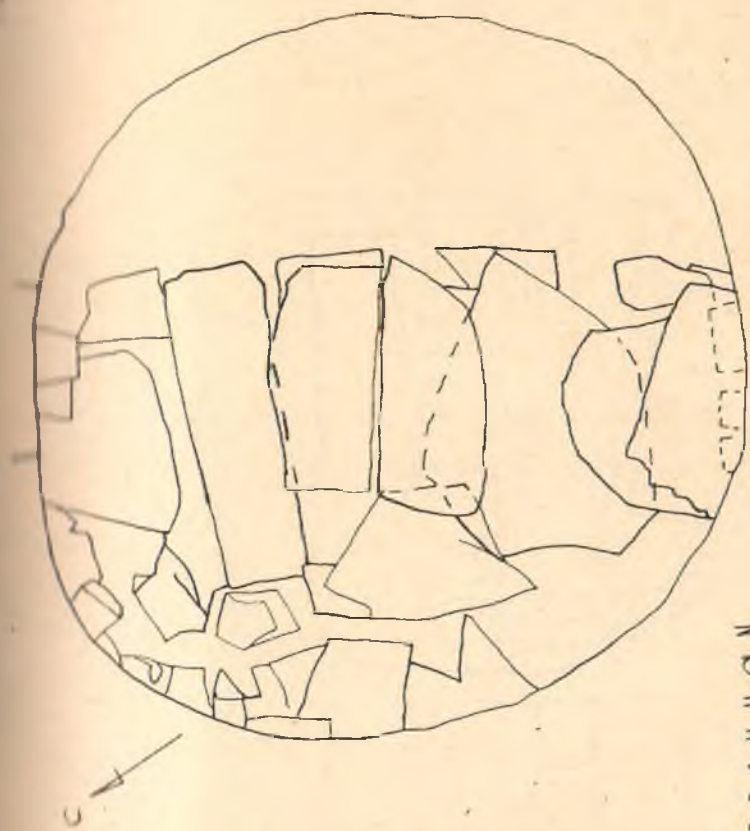
Р и с. 10. Находки из пласта № 3

ки в центральной полосе скального основания погребальной меры, из-под основания северо-восточной стены мавзолея к югу юго-западной стены, появились крупные и массивные песчаниковые плиты первого слоя плоского перекрытия, выдолбленного в скальном грунте каменного ящика (рис. 11). Плиты склеены между собой посредством известково-глинистого раствора. Вся конструкция ящика отличается особой тщательностью выполнения. Первый слой перекрытия каменного ящика состоит из крупных и ряда мелких каменных плит, из которых боковые плиты под основания северо-восточной и юго-западной стен мавзолея. В западной и северо-западной частях погребальной камеры непосредственно к каменному ящику, примыкают отдельные массивные камни скальной породы и основания стен, а на остальных участках — скальный грунт.

После снятия первого слоя перекрытия каменного ящика, явились 6 крупных песчаниковых плит второго слоя, также склеенные между собой известково-глинистым раствором (рис. 12). Причем в местах стыковки последний использовался весьма обильно. Боковые плиты второго слоя перекрытия также выступают из-под основания северо-восточной и юго-западной стен мавзолея. Плиты большей частью прямоугольной формы, более тщательно обработанные, нежели первого слоя перекрытия ящика.

В результате удаления плит второго слоя перекрытия открылась камера и стенки каменного ящика, ориентированного по линии ССВ—ЮЮЗ (рис. 13—14). Камера для ящика была искусственно выбита в скальном грунте и обложена неплохо обработанными песчаниковыми камнями на известково-глинистом связующем растворе хорошего качества. В местах соединения камней прослеживается также штукатурка желтоватого цвета. Кладка стенок каменного ящика порядковая: у западной, южной и восточной стен — в три слоя, а у северной — в два. Длина западной стенки — 1,10, восточной — 2,00, северной — 0,50, южной — 0,51 м. Высота западной стенки — 0,43—0,49, восточной 0,48—0,50, северной 0,43, южной — 0,48 м. Толщина стенок достигает 0,15—0,17 м. Дно каменного ящика скальное, покрытое штукатуркой желтоватого цвета. Южная и северная части ящика выходят за пределы погребальной камеры мавзолея. Высота последнего от уровня дна ящика до сохранившейся части купола 4,35 м.

На дне данного каменного ящика находилось одиночное потревоженное мужское захоронение (рис. 14). Костяк располагался вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ. Руки немного согнуты в локтях, а их кисти покоились на берцовых костях (близ лодыжек) усопшего. В итоге проведенного обследования обнаружено, что костяк установлен, что погребенный (возраст которого достигал 36—40 лет) был для своего времени довольно высокого роста (свыше 1,90 м), крепкого телосложения. Он несомненно был

Таблица

рис. 11. Плиты 1-го слоя перекрытия каменного ящика Гоустекского мавзолея

Гоуст-85

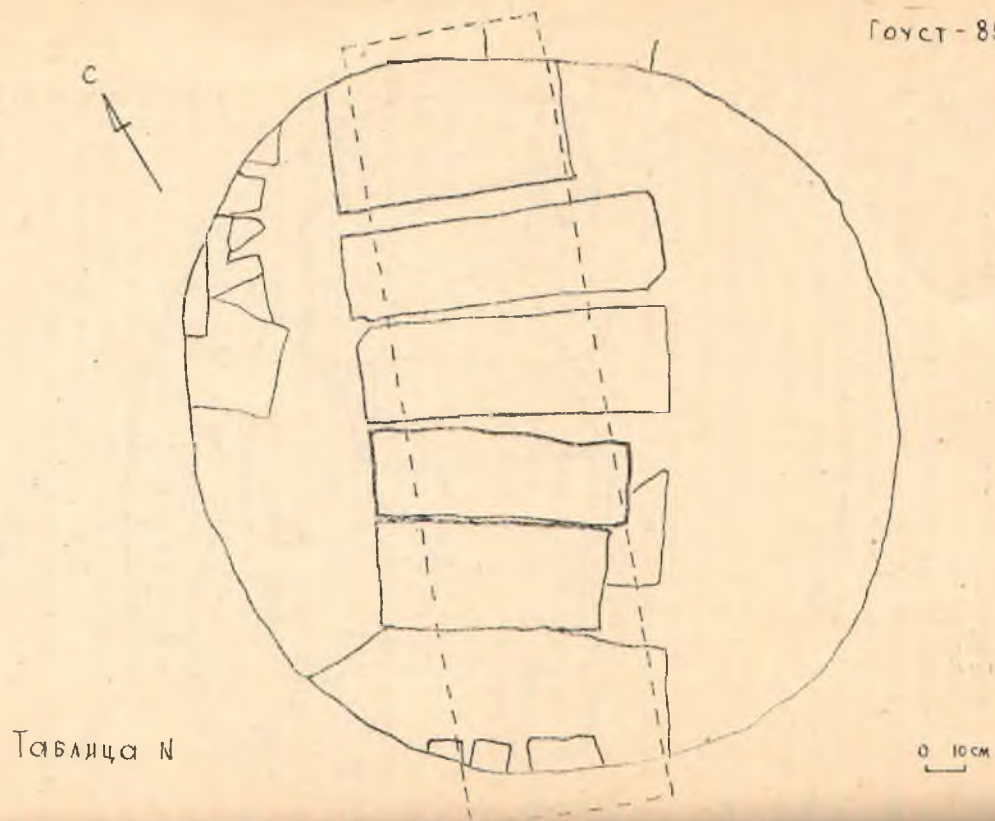

Таблица №

Рис. 12. Плиты 2-го слоя декоративного камня

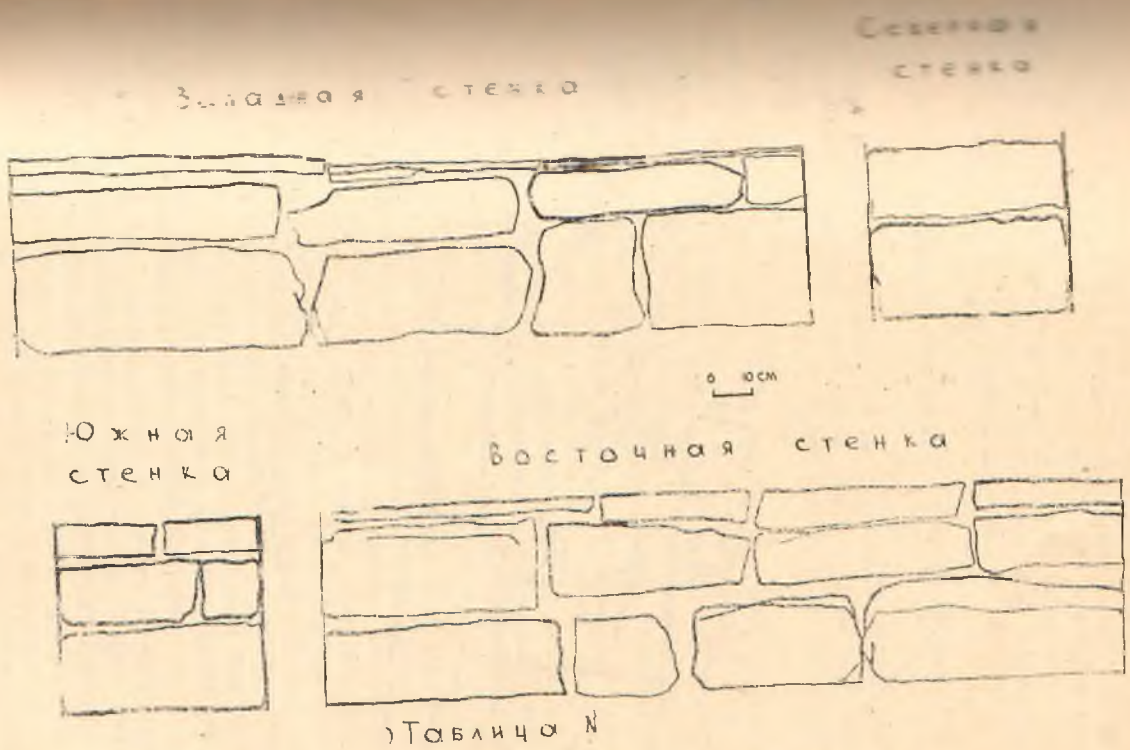
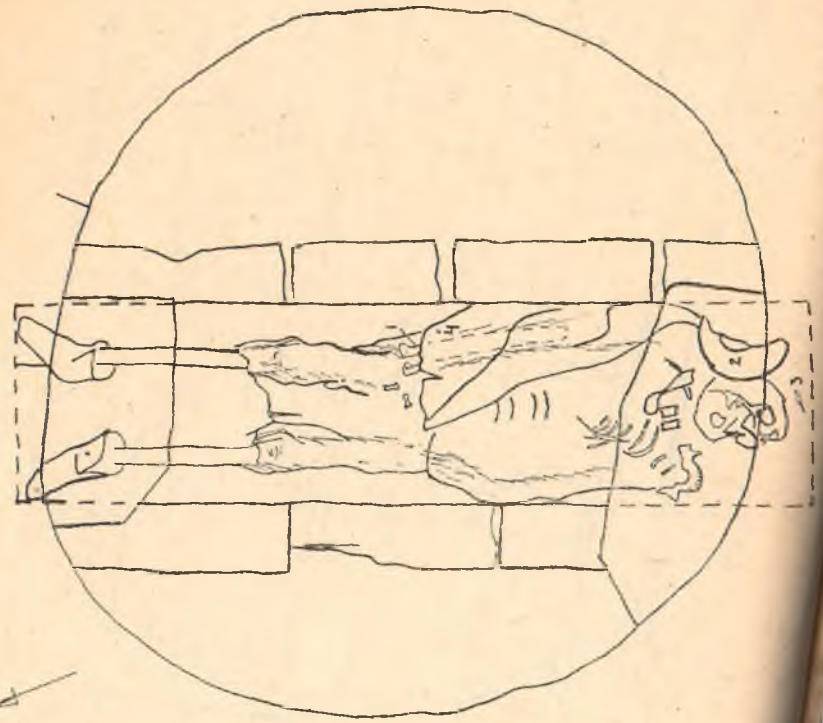

Таблица №

Рис. 13. Стенки каменного ящика мавзолея у поселка Гоуст

ГОУСТ - 85

0 10 см

с

Таблица № 1

его череп, стянутый полуистлевшей розовой шелковой полой — жгутом, в нескольких местах носит явные следы ударов ударного оружия.

На погребенном была весьма дорогая одежда, которая однако к моменту времени уже практически полуистлела. Он имел рубашку из плотной шелковой ткани коричневого цвета (с прямым краевым поротом) с богатой растительной орнаментацией и вышитыми изображениями мифических животных, искусно вышитые золотным шитьем, а также широкие шаровары из тонкого светло-серого шелка и кожаные черные чуваки (рис. 14, 1).

Кроме того, усопшего сопровождал следующий погребальный инвентарь.

В районе черепа находились часть истлевшей деревянной миски (19,3x8,2x7,6) токарной работы и сильно поврежденное железное шило (длиной 6,5 см) с деревянной рукоятью (рис. 14, 2, 3, 4, 5).

В правой кисти руки, под прикрытием накидки погребенного, находился крупный и массивный железный боевой нож (общая длина 38,4 см, длина клинка 26,2 см, ширина 3,5 см) с деревянной рукоятью (рис. 14, 1; 15, 7). Он был в полуистлевших деревянных ножнах (рис. 15, 2—4). Рядом с боевым ножом обнаружена сердошковая бусина округлой формы (рис. 14, 4; 15, 6).

Таким образом, здесь мы столкнулись с тем очень редким случаем, когда бытующие фольклорные сюжеты о конкретном местном историческом персонаже получили достаточно веские реальные подтверждения и дополнения археологическими материалами.

Конструктивные особенности исследованной постройки в комплексе с фольклорными источниками наглядно свидетельствуют, что вначале в скальном грунте было совершено одиночное мужское каменнотерраценовое захоронение, а затем над ним воздвигнуто своеобразное надмогильное сооружение (т. е. мавзолей) с учетом возможности использования камеры последней (после создания слоя земляной засыпки) для совершения дополнительных коллективных погребений потомков и родственников именованного усопшего. По крайней мере, лаз мавзолея не имеет заметных следов дальнейшего устройства в северо-восточной стене.

Наличие же у рассматриваемого мавзолея погребальной камеры с относительно небольшими параметрами было связано, на наш взгляд, как с малочисленностью населения данного поселка в этот период, так и сравнительно редким явлением присутствия рослых личностей в целом в ингушском позднесредневековом обществе. Именно поэтому же, горцы-строители славились своим мастерством наиболее экономного и рационального использования дорогих строй-

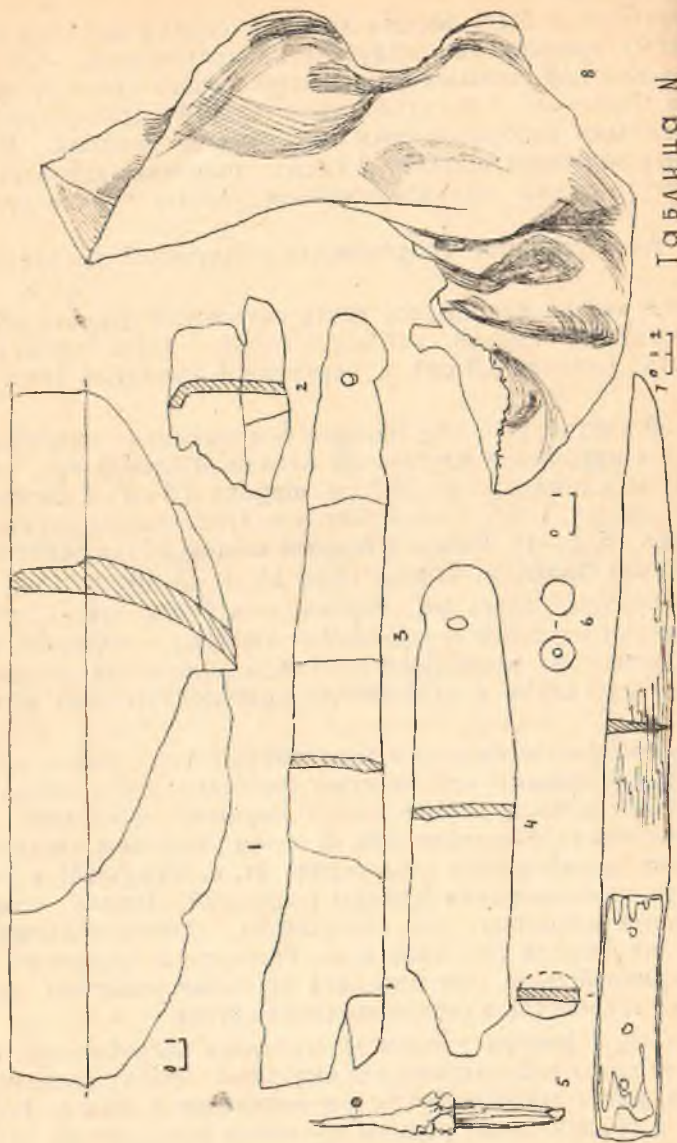

ТАБЛИЦА N

проводил с внимательным учетом конкретных местных условий и потребностей заказчиков.

Абсолютная датировка отмеченного мужского захоронения в гробнице ишике, как и содержимого погребальной камеры мавзолея затруднена тем обстоятельством, что большинство из встречаемых вещевых находок имеют значительно широкий хронологический диапазон бытования. Ситуация осложнена еще и тем, как это можно было видеть, что захоронения в камере были уже сильно потревожены. Вместе с тем, есть веские основания отнести данное каменное захоронение к концу XVII в. [5, с. 158]. Об этом прежде всего свидетельствует проведенный анализ собранных архивных источников, а также заключение специалистов по сопоставленным сравнительно редким даже для нашей страны историческим образцам одежды усопшего⁴. Последние встречены по-прежнему в средневековых древностях Чечено-Ингушетии и не имеют даже близких аналогов среди уже довольно представительной собранной коллекции образцов одежды вайнахов этого времени (сравни: 5, с. 159; 6, с. 51—53 и сл.; 7, с. 94—95 и сл.; 8, с. 79 и сл.; 9, с. 100—101; 10, с. 120; 11, с. 62—68]. Судя по сохранившимся пышным сюжетам орнаментации на шелковой мужской накидке, последняя имеет явно иранское происхождение, где подобные дорогие ткани с обильным золотным шитьем получили достаточно широкое распространение во второй половине XVI—XVII в. и довольно часто отправлялись на экспорт (в том числе на Кавказ и в российские города). Несомненно, что в горы Ингушетии иранские ткани попали прежде всего в результате разнообразных торговых контактов, возможностей для которых в данное время было предостаточно [см., например: 7, с. 141 и сл., рис. 42—44, в, с. 73; 12; 13, с. 108—109; 14; 15, с. 8]. В частности, здесь нельзя не отметить тот факт, что сам башенный поселок Гоуст расположен вблизи древней важной торговой дороги — магистрали через Чардыньское устье.

Образец найденного массивного и крупного однолезвийного каменного ножа также имеет сравнительно позднее происхождение: аналогичного типа экземпляры обычно отмечаются в местных мужских погребениях вайнахов XVII—XVIII вв. [16, с. 72—74].

Потревоженные захоронения в погребальной камере мавзолея можно суммарно датировать концом XVII—XVIII в. На это, например, со всей очевидностью указывают такие весьма поздние по времени предметы, как фабричного типа бронзовая пуговица (рис. 3, 3); игольница со стальной иглой (рис. 3, 4); шарнирные пуговицы (рис. 4, 1); железный замок (рис. 4, 5); бронзовые на-

⁴ Авторы глубоко признательны за консультации старшему научному сотруднику Института Востоковедения АН СССР, кандидату искусствоведения И. В. Горелику и специалистам отдела тканей ГИМа.

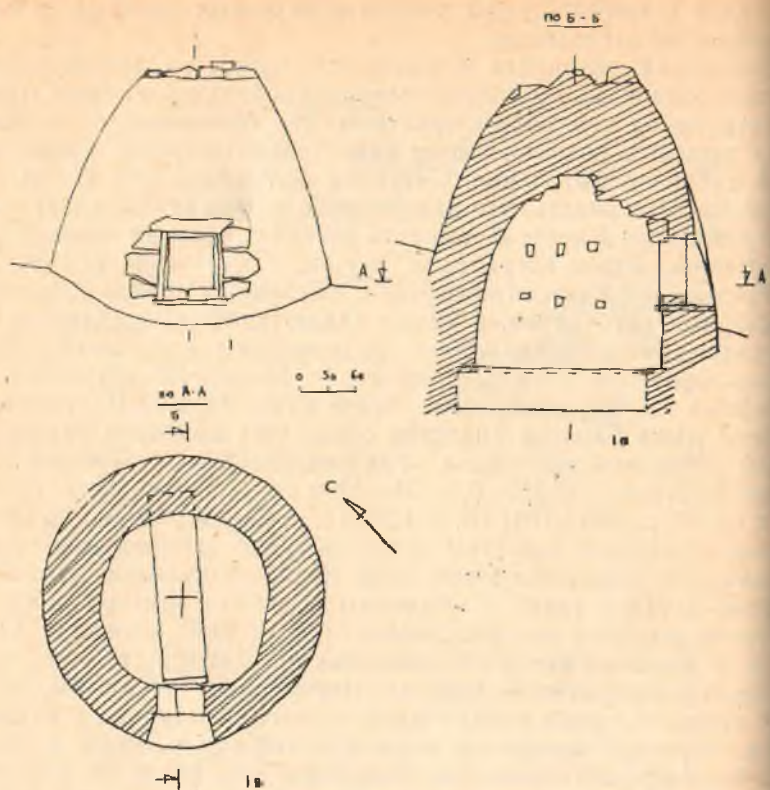
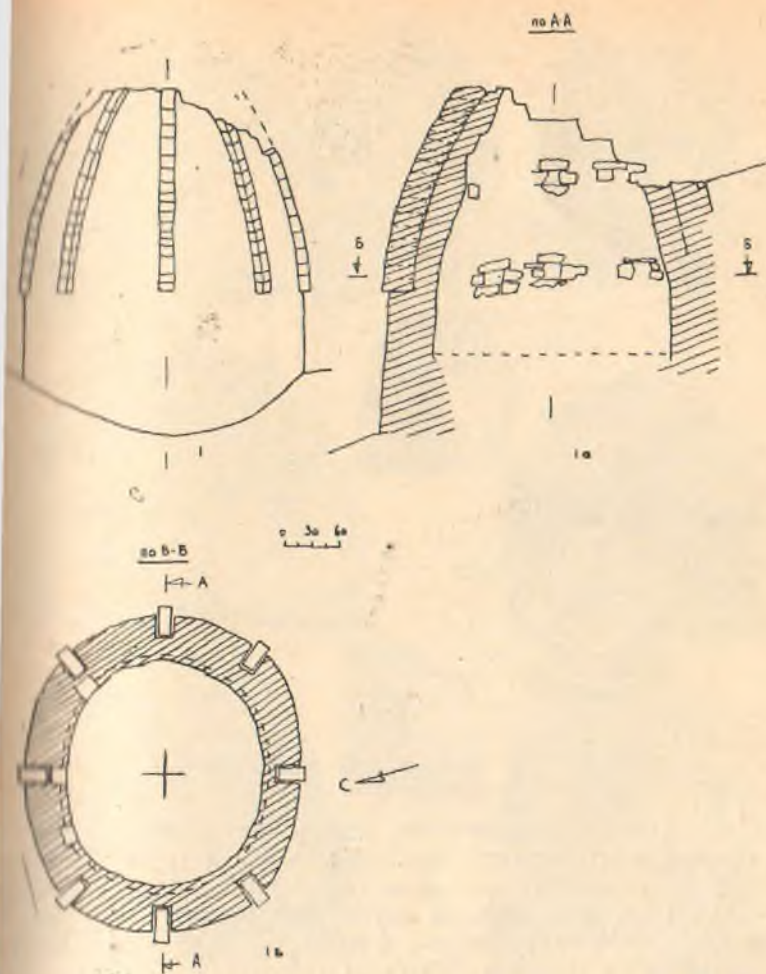

Рис. 16. Мавзолей у поселка Мелерз

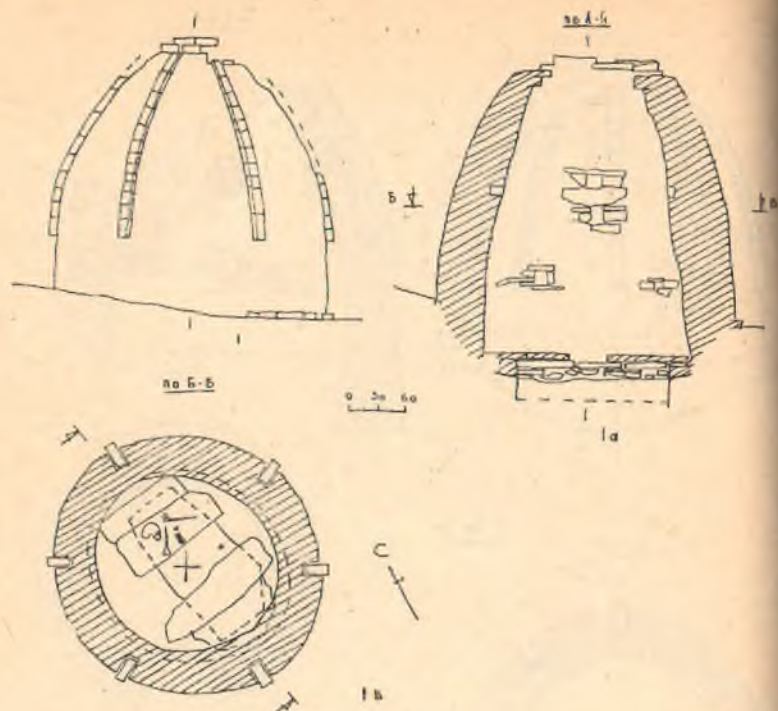
перстки (рис. 6, 6; 10, 18); железный гвоздь (рис. 9, 5), а также позднейших типов серебряные и бронзовые подвески и серьги (рис. 3, 12—15; 10, 6—7, 11—12); железный наконечник стрелы (рис. 7, 14); бронзовый амулет (рис. 9, 3); серебряная бляха головного убора «кур-харс» (рис. 9, 4) и др. [3, с. 89; 4, с. 117, 118; 5, с. 158—159; 7, с. 97 и сл.; 8, с. 62 и сл.; 9, с. 100; 10, с. 113, с. 108, 17, с. 48; 18, с. 64—69; и др.].

Следует отметить, что всего в горной зоне Ингушетии насчитывается 22 мавзолея отмеченного типа (со своими определенными конструктивными особенностями и видовыми различиями): по одному экземпляру в башенных поселках Верхний и Нижний Джейр, Фуртоуг, Гоуст, Мецхал, Мелерз, Морч, Кейрах, Эрзи, Тарш, Хани, Салги, Тумгой, Гаппи, Нижний Лейми и Цори, а по два — Эгикал, Таргим и Вовнушки (3; 4; 5, с. 158—159; 6, с. 19, 44, 50, 106—107, 136; 7, с. 93, рис. 19, 1—2; 8, с. 52, рис. 7, 13—14;

Р и с. 17. Мавзолей в поселке Эрзи

19, с. 26 и сл.; 20, с. 293—295; 21, с. 26—27, 30—31, 33—35, 39, 46; 22, с. 127, рис. 13, 4—5; и др.). Причем к настоящему времени эти сооружения в поселках Нижний и Верхний Джейрах, Юг, Мецхал, Морч, Эгикал (1 экз.), Таргим (1 экз.) и Цоритинские не сохранились, а в остальных — сильно повреждены или полуразрушены (рис. 16—19). Собранные нами фольклорные материалы по вышеперечисленным мавзолеям также свидетельствуют об их сравнительно малом

Р и с. 18. Мавзолей близ поселка Кейрах

возрасте, о связи с конкретными особо почитаемыми представителями прежде всего знатной военной прослойки (военачальники наиболее выдающиеся воины-наездники) местного общества XVII—XVIII вв. В последнем случае это, например, мавзолей «Тэнка-Каш» («Могила Тэнка») в Кейрахе, «Албахча-Каш» («Могила Албахча») в Нижнем Лейми, «Оуша-Каш» («Могила Оуша») в Эгикале и др. Наряду с мавзолеями, в честь этих именитых усопших возводились и столпообразные святилища. Это, например, можно видеть в поселках Гоуст, Мецхал, Салги, Гаппи, Нижний Лейми, Эгикал и др. В отдельных случаях известны даже строители этих построек: Дяди Льянов в Фуртоуге, Ханой Хини в Нижнем Лейми, Тэт-Батык Эльдиев в Таргиме и Салги (см., например: 6, с. 75; 23).

Таковы некоторые материалы по редким ядрообразным (круглоплановым) мавзолеям горной Ингушетии, собранные нами в последние годы. Стационарное исследование этих разрушающихся памятников — важная задача.

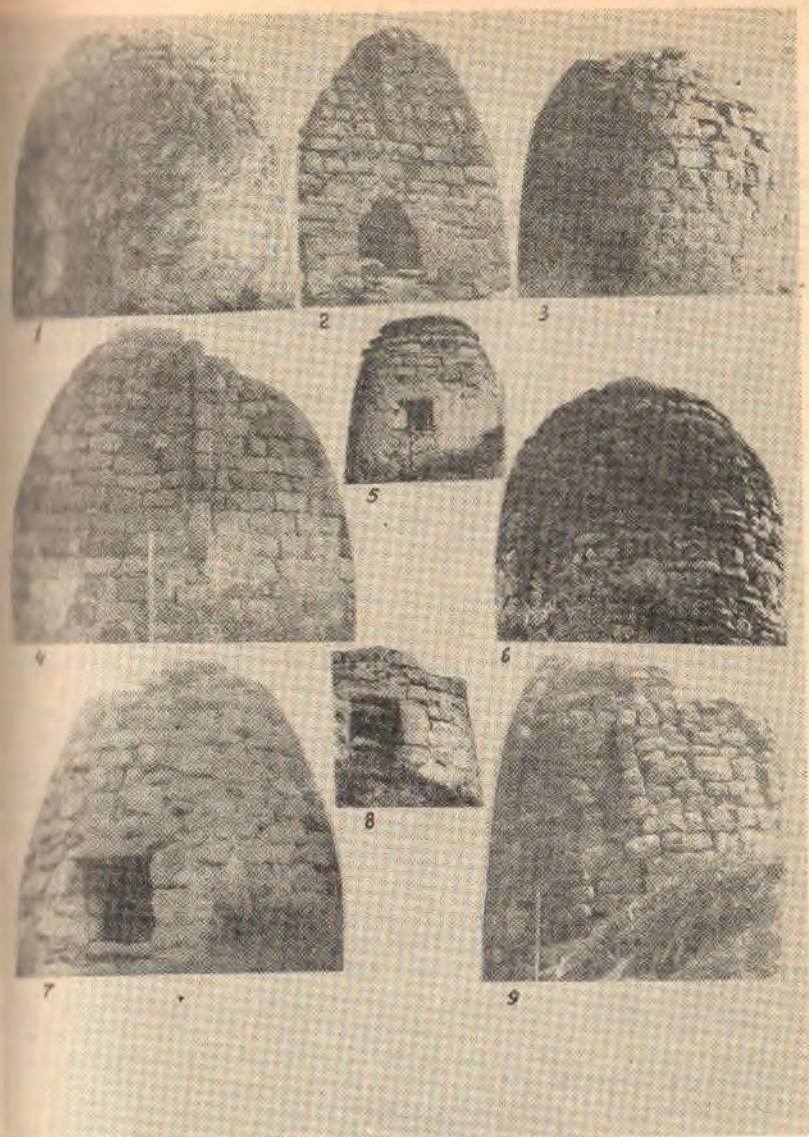

Рис. 19. Мавзолеи горной Ингушетии (1 — Гоуст, 2 — Фуртоуг, 3 — Тарш, 4 — Кейрах, 5 — Таргим, 6 — Вовнушки, 7 — Мелерэ, 8 — Эгикал, 9 — Эрзи)

- ¹ Даутова Р. А. Мавзолеи Северного Кавказа // Вклад молодых ученых специалистов ЧИАССР в развитие общественных наук: Тез. докл. конф. Грозный, 1984.
- ² Даутова Р. А., Мамаев Х. М. Мавзолеи Северного Кавказа (история учения и проблемы) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа, Грозный, 1984.
- ³ Даутова Р. А. К вопросу о датировке круглоплановых мавзолеев Чечено-Ингушетии // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
- ⁴ Даутова Р. А. Раскопки в горной Ингушетии // АО—1982. М., 1984.
- ⁵ Чахкиев Д. Ю. Исследования в горной Ингушетии // АО—1985. М., 1987.
- ⁶ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
- ⁷ Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
- ⁸ Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный, 1977.
- ⁹ Виноградов В. Б. Работы в горной Ингушетии // АО — 1979. М., 1980.
- ¹⁰ Чахкиев Д. Ю. Исследования в горной Ингушетии // АО—1980. М., 1981.
- ¹¹ Виноградов В. Б. Первоочередная задача в изучении портняжного промысла у позднесредневековых вайнахов (по материалам раскопок). // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
- ¹² Фехнер М. В. Торговля русского государства со странами Востока. М., 1952.
- ¹³ Марковин В. И. Некоторые итоги исследования склепов горной Ингушетии (по материалам раскопок 1966 года) // Памятники эпохи раннего железа средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
- ¹⁴ Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V — середины XIX века. Ростов-на-Дону, 1984.
- ¹⁵ Виноградов В. Б., Чахкиев Д. Ю. Историко-архитектурные объекты 102-го Всесоюзного горно-пешеходного маршрута по Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
- ¹⁶ Чахкиев Д. Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XIII—XVIII вв.) // археолого-этнографическое исследование. Дис. ... канд. ист. наук. Грозный, 1986. — Архив научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ им. М. В. Ломоносова, 1987, д. № 555.
- ¹⁷ Семенов Л. П. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал. // ИИЧИНИИЯЛ, т. 2, вып. 1. Грозный. 1960.
- ¹⁸ Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа // Изв. СКНЦВШ, 1977, № 1.
- ¹⁹ Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии. // МАН, вып. 1. М., 1888.
- ²⁰ Щерблякин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. // Изв. ИНИИК, вып. 1. Владикавказ, 1928.
- ²¹ Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966.
- ²² Марковин В. И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- ²³ Щерблякин И. П. Полевой дневник за 1929 год. — Архив ЧИРКМ, 1929. ОС—4880/17 г.

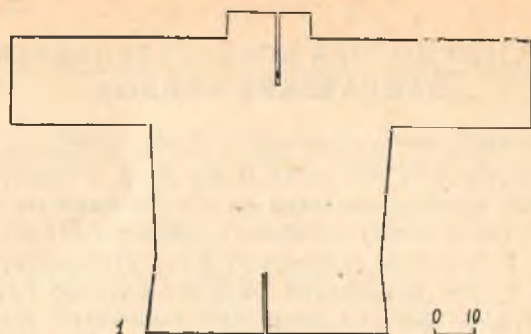
КОЛЬЧАТЫЙ ДОСПЕХ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ВАЙНАХСКИХ ВОИНОВ

К числу наименее изученных видов позднесредневекового (XIII—XVIII вв.) вооружения чеченцев и ингушей относится защитный доспех, надежно предохранявший на протяжении многих веков тело воина от ударов наступательного оружия. Однако накопленные исходные материалы позволяют констатировать, что в рассматриваемое время в качестве оборонительного снаряжения части местных воинов служил железный кольчатый доспех — кольчуга и кольчатые панцири, сравнительно редко встречаемые на археологических объектах Чечено-Ингушетии, преимущественно в виде фрагментов. К сожалению, последние, а также зафиксированные целые образцы кольчатых доспехов, в большинстве сильно повреждены коррозией или вовсе бесследно утеряны, что в значительной степени затрудняет их обследование, анализ и реконструкцию. К тому же, при публикации авторами своих находок в специальной литературе не давалась обязательно необходимая в таких случаях подробная информация о них, допускалась путаница образцов кольчуг с кольчатыми панцирями. Но несмотря на эти негативные факты в настоящее время появилась возможность в определенной степени осветить этот немаловажный для науки вопрос.

Целая, но сильно поврежденная, кольчуга была обнаружена нами в 1982 году в нише-тайнике полуподземного склепа № 2 горноингушского башенного поселка Верхний Лейми (Назрановский район) в комплексе второй половины XIII в., состоящем только из разнообразных предметов вооружения (шлем, налокотник, сабля, лук, колчан со стрелами, боевой нож), [1, с. 60—68]. Здесь, при отсутствии костяка погребенного воина, кольчуга была предварительно сложена вдвое по ширине. Покрой ее представлял вид рубашки с прямыми рукавами (длина 35 см, ширина 22 см) немного ниже локтя (рис. 1, 1). Ворот кольчуги квадратный, разрезной, с воротником, который возвышается над уровнем плеч на 6 см. Ширина горловины 21 см. Разрез ворота, немного сдвинутый влево и без подполка, имеет глубину 18 см.

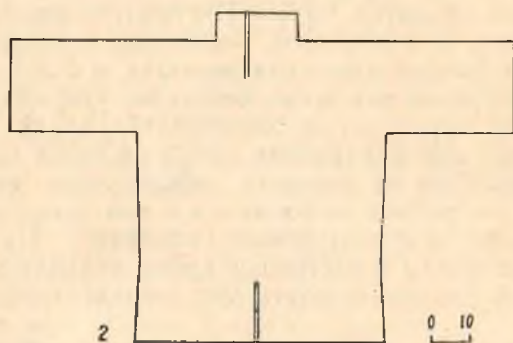
Ширина кольчуги с рукавами 130 см, в талии 56 см, по подолу 60 см. Последний спереди и сзади имеет небольшие разрезы (соответственно в 16 и 18 см). Длина этой кольчуги 74 см. Вес ее (с учетом коррозированнойности) 6,250 кг.

Кольчатое плетение одинарное. Кольца железные, средней величины, круглые по форме и округлые в поперечном сечении. Они сворочно-клепаные: одно склепанное («на гвоздь») кольцо прошивается в четыре сварные. Склепанные кольца имеют незначи-

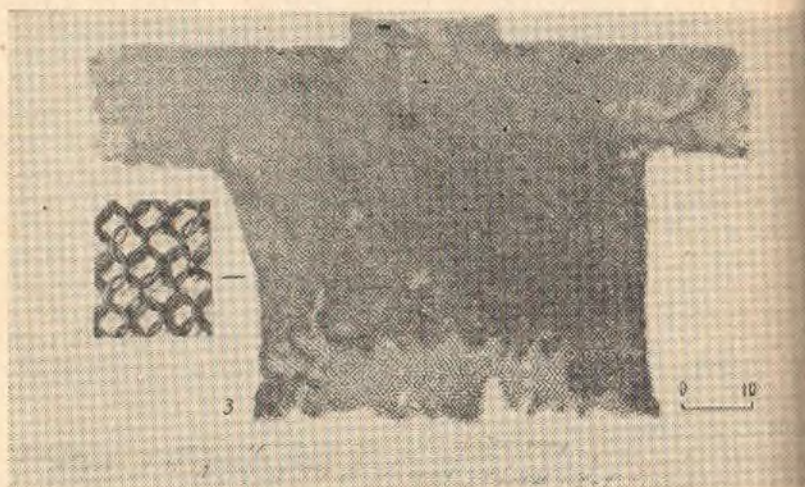
1

0 10

2

0 10

3

0 10

Р и с. 1.

1—2 — покроя кольчуг из сел. В. Лейми и В. Алкун, 3 — кольчатый панцирь из сел. Махкеты

тельный мысовидный выступ и по своим размерам (диаметр 11,5—12,0 мм, толщина 2,5—3,0 мм) немного уступают сварным (диаметр 13,0—14,0 мм, толщина 3,0—3,5 мм).

В погребальной камере данного же верхнелеймийского склепа Л. Н. Семеновым в 1937 году были найдены «...восемь кусков кольчуги из массивных колец», впоследствии так и не опубликованные, а затем утерянные [1, с. 63; 2, с. 23]. Наряду с ними присутствовали и другие образцы вооружения (шлем, налокотники, щиты, шестопер, наконечник копья, стрелы), датированные автором XIV в. [1, с. 63; 2, с. 24].

Еще один целый, но также сильно поврежденный экземпляр кольчуги был встречен нами в богатом ингушском воинском капищанском погребении начала XV в. близ башенного поселка Верхний Алкун (Сунженский р-он) в 1987 году. Кольчуга была предварительно сложена вчетверо и оставлена у головы погребенного воина. В комплексе с ней здесь присутствовали шлем, налокотники, секира, лук, колчан со стрелами, сабля, боевой нож, зоджордынские монеты и керамика. Покрой кольчуги — рубаха с прямыми рукавами (длина 32 см, ширина 23 см). Ворот ее квадратный, разрезной, с воротником. Последний возвышается над уровнем плеч на 7 см. Ширина горловины 20 см. Разрез ворота зашит вправо, без подполка, глубиной 17 см. (рис. 1, 2).

Ширина кольчуги с рукавами 126 см, в талии 60 см, по подолу 62 см. Спереди и сзади подола расположены разрезы глубиной 16 см. Длина кольчуги 76 см. Вес 6,550 кг.

Кольчатое плетение одинарное. Железные кольца средней величины, круглые по форме и округлые в поперечном сечении. Они сварочно-клепанные. Размеры склепанных («на гвоздь») колец — диаметр 9,5—10,0 мм, толщина 1,6—1,9 мм, а сварных — диаметр 10,0—10,5 мм, толщина 1,9—2,2 мм.

При расчистке в 1966 году наземной башнеобразной склеповой усыпальницы № 8 у поселка Фалхан в горной Ингушетии (Назрановский р-он) В. И. Марковиным были зафиксированы, вместе с налокотником и саблей, остатки спекшейся кольчуги «...из мелких склепанных колечек» XVIII в. [3, с. 19; 4, с. 103, 108].

Фрагменты кольчуги вместе с наконечником стрелы были обнаружены в 1968 году С. Ц. Умаровым в склепе-пещере XIII—XV вв. близ горночеченского башенного поселка Итир-Кале (Ачхой-Мартановский р-он), [5, с. 132, 140]. Плетение у этих фрагментов одинарное. Кольца средней величины, круглые по форме и в поперечном сечении, сварочно-клепанные [5, с. 144, рис. 2, 9]. Немного позднее, при исследовании С. Ц. Умаровым поселения, подземных и полуподземных склепов Цеча-Ахка в горной Чечне (Ачхой-Мартановский р-он) были встречены около 200 фрагментов примерно от шести кольчуг [6, с. 11, 15, 16; 7, с. 20, 23; 8,

с. 303, 305; 9, с. 53]. Датируются они XIII—XV вв. и большей частью уже не сохранились. Однако автор отмечает, что найденные фрагменты имели одинарное плетение, небольшие по величине (диаметром 6,0—8,0 мм) сварочно-клепанные кольца, которые были круглыми как по форме, так и в поперечном сечении¹. Обследованные нами сохранившиеся фрагменты (более 20 экземпляров кольчуг, происходящие из раскопок Цеча-Ахкинского поселения) также имеют одинарное плетение, сварочно-клепанные кольца. Последние круглые по форме (диаметр 11,0—12,0 мм) и в поперечном сечении проволоки (диаметр 1,6—1,9 мм). Эти фрагменты были найдены С. Ц. Умаровым вместе с другими предметами вооружения (наконечники стрел, боевые ножи, налокотники и т. п.).

Небольшой фрагмент кольчуги, состоящий из мелких сварочно-клепанных колец, был зафиксирован в 1973 году М. Х. Багаевым при расчистке одного из подземных склепов XIII—XV вв. обширного Шуанского («Мохде») некрополя в горной Ингушетии [10, с. 42—43, рис. 11, 7]. Его плетение одинарное, а железные кольца по форме (диаметр 8,5 мм) и в поперечном сечении (диаметр 2,5 мм) круглые. Из предметов вооружения в погребальной камере присутствовали только боевые ножи.

На этом же могильнике и позднее отмечались мелкие части кольчуг, относящиеся в целом к XIV в. Так, при изучении здесь в 1980 году детского захоронения в нише-камере одного из подземных склепов среди разнообразного сопутствовавшего погребального инвентаря (в том числе и образцов оружия — палаш, лук, стрелы, боевой нож) был встречен и небольшой фрагмент кольчуги одинарного плетения [11, 101—106]. Кольца его средней величины, сварочно-клепанные, округлые по форме (диаметр 10 мм) и круглые (диаметр 1,8 мм) в поперечном сечении. А в 1982 году при расчистке полуподземной склеповой усыпальницы № 128 XIV в, были найдены Р. А. Даутовой (наряду с фрагментами сабли, лука, стрел и др.) мелкие части плетения кольчуги из аналогичных сварочно-клепанных колец [12, с. 117].

Небольшой фрагмент кольчуги одинарного плетения был зафиксирован в 1979 году В. Б. Виноградовым в погребении ингушского воина XVII—XVIII вв. наземной склеповой постройки № 7 у горнобашенного поселка Верхний Оздик (Назрановский р-он) среди прочих предметов вооружения (лук, стрелы, боевой нож) [13, с. 17—19, рис. 53, 25; 14 с. 100]. Кольца сварочно-клепанные, округлые в сечении. Сварные кольца по форме круглые и по своим размерам (диаметр 12,5 мм, толщина 1,1 мм) превосходят склепанные (диаметр 11,0 мм, толщина 0,8 мм). Последние имеют округлую форму и склепаны «на гвоздь».

¹ Автор признателен С. Ц. Умарову за предоставленную информацию. См. также: 8, с. 303—305.

Наряду с кольчугами в позднем средневековье вайнахскими воинами использовались и кольчатые панцири, которые по покрою подразделяются на два типа: 1) рубашка, надеваемая через голову; 2) распашонка или распашная рубаха.

К первому типу относится прежде всего кольчатый панцирь XV—XVII вв., случайно найденный в окрестностях чеченского сел. Махкеты (Веденский р-он) в 1966 году [9, с. 53—54; 15, с. 276—278]¹. Покрой этого панциря — рубашка с короткими, выше локтя, рукавами (рис. 1, 3). Ворот его квадратный, разрезной, с подвышающимся над уровнем плеч на 5 см воротником. Ширина горловины 19 см. В передней части воротника выступают два небольших прямоугольных кольчатых отрезка для застежки. Сзади воротник имеет продольный разрез глубиной 6 см. Разрез ворота, глубина которого 15 см, немного сдвинут вправо и без подполка.

Рукава кольчатого панциря прямые (длина 18 см, ширина 10 см). Ширина панциря с рукавами 95 см, в талии 56 см, по подолу 60 см. Поврежденный подол, по-видимому, спереди и сзади имел разрезы. Длина панциря 62 см. Вес 3,500 кг.

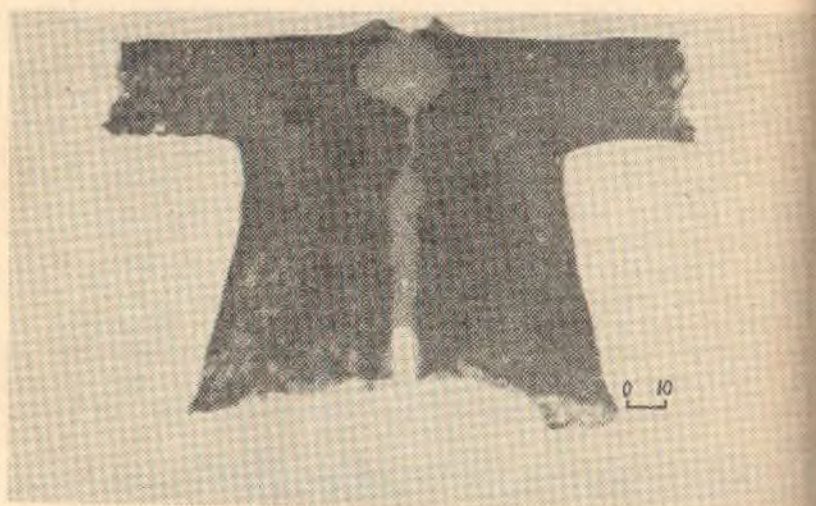
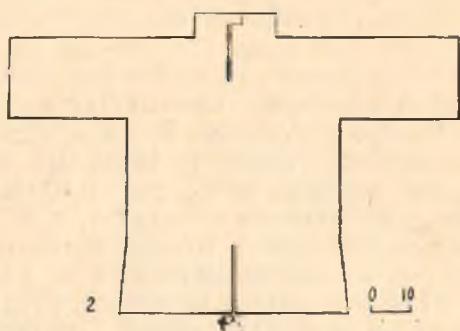
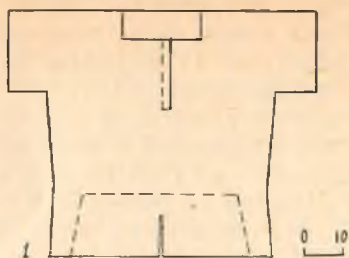
Плетение кольчатого панциря одинарное, т. е. каждое кольцо соединено с четырьмя соседними. Кольца несколько различаются по толщине: наиболее массивные находятся на плечах и груди, а менее массивные (т. е. тонкие) — на подоле, рукавах и на воротнике. На остальных же участках панциря расположены кольца средней толщины. Железные кольца средней величины. Их размеры: диаметр 10,0—10,5 мм, ширина 1,0—1,1 мм, толщина 0,6—0,7 мм. Кольца имеют овальную форму, плосковатые, склепаны «на шпиль».

Еще один целый, но сильно поврежденный, кольчатый панцирь XVI—XVII вв. первого типа был также случайно найден М. Х. Багаевым близ чеченского сел. Зандак (Ножай-Юртовский рон) в 1977 году². Как удалось установить позднее, происходит он с территории разрушающегося позднесредневекового грунтового могильника, откуда известны еще наконечники стрел, ножи, женские украшения и керамика.

Покрой данного кольчатого панциря — рубаха с короткими (длина 10 см, ширина 20 см) прямыми рукавами (рис. 2, 4). Ворот его квадратный (длина 20 см, ширина 7 см), разрезной (глубина 18 см) с небольшим (ширина 2 см) подполком. Воротник отсутствует. Части ворота застегивались слева направо при помощи двух железных крючков, расположенных по их удельным краям.

¹ Следует заметить, что в последней статье махкетинский кольчатый панцирь редакция журнала «Советская археология» неправомерно переименовала в кольчугу.

² Автор глубоко признателен М. Х. Багаеву (ЧИГУ им. Л. Н. Толстого) за любезно предоставленную возможность ознакомиться с этой неопубликованной находкой.

Р и с. 2.
 1—2 — покрое кольчатых панцирей из сел. Зандак и Фалхан; 3 — кольчатый панцирь из сел. Кулары

Ширина панциря с рукавами 78 см, в талии 54 см, по подолу 56 см. У последнего спереди отмечается разрез (глубина 10 см). Сзади подол срезан (48 x 16 см), видимо, для удобной посадки в седле. Длина кольчатого панциря 62 см. Вес 4,950 кг.

Плетение панциря одинарное. Расположение колец неодинаковое: наиболее массивные находятся на груди и плечах, а менее массивные — на подоле и рукавах. Железные кольца овальной формы, плоские, склепаны «на шип». Размеры наиболее массивных колец: диаметр 12,5—12,9 мм, ширина 2,8—3,0 мм, толщина 0,3—0,5 мм. А менее массивные кольца имеют размеры: диаметр 11,0—11,5 мм, ширина 1,0—1,3 мм, толщина 0,8—1,1 мм.

И, наконец, третий целый и также сильно поврежденный кольчатый панцирь первого типа был нами встречен в 1985 году (наряду с фрагментами налокотников, шлема, саблей и наконечниками стрел XVI—XVII вв.) в одном из потревоженных наземных склепов уже упомянутого могильника около горноингушского башенного поселка Фалхан [16, с. 159]. Панцирь здесь находился не на теле погребенного воина, а был предварительно свернут вчетверо и уложен в стороне.

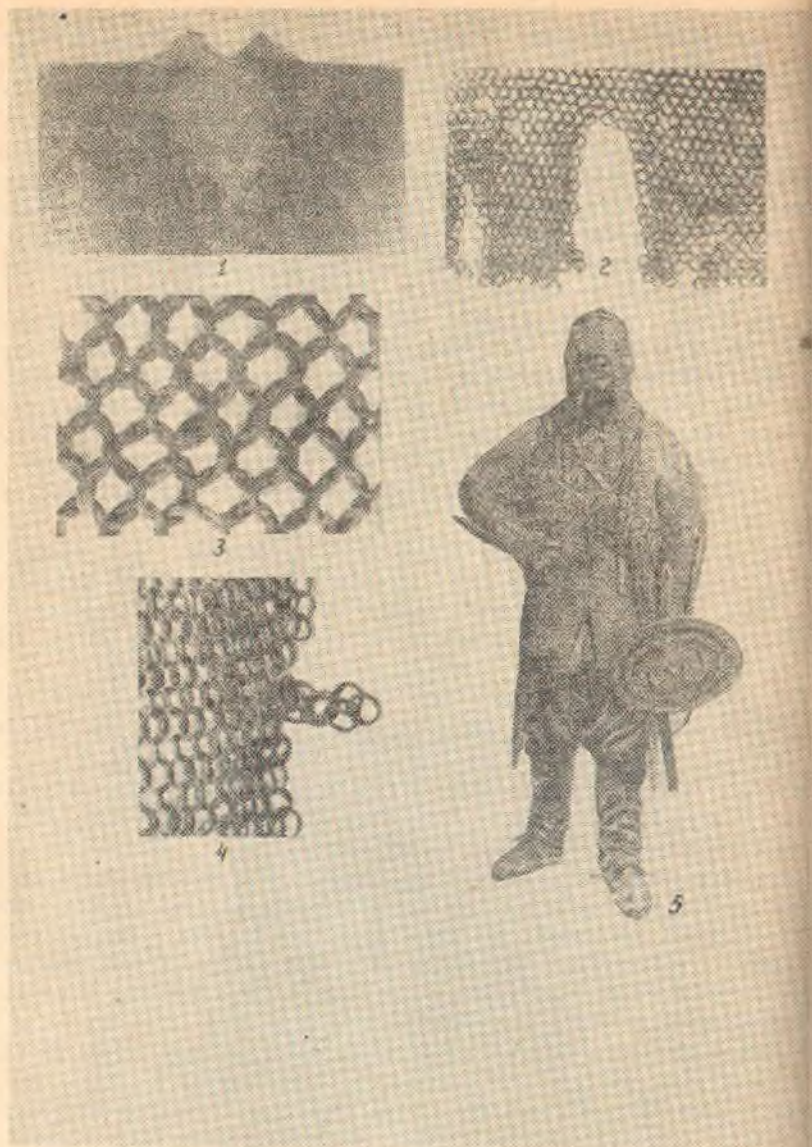
Покрой этого кольчатого панциря — рубашка с прямыми (длина 30 см, ширина 21 см), достигающими локтей, рукавами (рис. 2, 2). Ворот квадратный, разрезной, с возвышающимся над уровнем плеч на 6 см воротником. Ширина горловины 20 см. Разрез ворота незначительно сдвинут вправо и имеет глубину 17 см. Он без подполка. Как и у махкетинской находки, в передней части воротника выступают два прямоугольных кольчатых отрезка для застежки.

Ширина панциря с рукавами 114 см, в талии 54 см, по подолу 88 см. На последнем спереди и сзади находятся разрезы глубиной 17 см. Длина панциря 70 см, а вес 4,180 кг.

Плетение кольчатого панциря одинарное. Расположение колец неодинаковое: наиболее массивные (диаметр 11,0—11,5 мм, ширина 2,2—2,5 мм, толщина 0,6—0,7 мм) — на плечах и груди, менее массивные (диаметр 7,5—8,5 мм, ширина 1,3—1,5 мм, толщина 0,5 мм) — на подоле, рукавах и на воротнике. Кольца округлой формы, плоские, склепаны «на шип».

Кольчатый панцирь XVII—XVIII вв. второго типа был случайно найден вместе с частью кремневого пистолета в 1972 году на берегу р. Сунжа близ чеченского сел. Кулары (Грозненский р-он), [9, с. 54; 17, с. 9]. По своему покрою и внешнему виду данный панцирь представляет большой интерес, не имеющий аналогов в нашей стране.

Он в виде распашной рубахи с прямыми (длина 25 см, ширина 22 см) до локтей рукавами и фигурным отложным воротником (рис. 2, 3; 3, 1—4). Спереди от воротника на всю длину этой ру-

Р и с. 3.
1—4 — детали кольчатого панциря из сел. Кулары; 5 — знатный чеченский
воин конца XVIII в.

банки проходит разрез. Сзади отложного воротника также располагается разрез глубиной 8 см. Диаметр горловины 19 см.

Ширина кольчатого панциря с рукавами 108 см, в талии 64 см, по подолу 72 см. Последний сзади имеет разрез глубиной 11 см. Длина панциря 72 см. Вес 5,850 кг.

Для соединения обеих передних сторон панциря служила цепочка из колец, расположенная книзу от отложного воротника, на правой части распашной рубахи. На левой же части панциря находится небольшой квадратный участок, где и закреплялась соединительная кольчатая цепь.

Плетение кольчатого панциря одинарное. На рукавах и подоле расположены менее массивные кольца (диаметр 10,3 мм, ширина 1,1 мм, толщина 0,7 мм), среди которых изредка встречаются и более массивные, что является, по-видимому, следствием предпринятой починки панциря. На плечах и груди (под отложным воротником) находятся взаимоперекрещивающиеся прямоугольные участки, состоящие из наиболее массивных колец (диаметр 10,5—11,0 мм, ширина 1,6 мм, толщина 1,0 мм). Железные кольца плосковатые, почти округлой формы, склепаны «на шип» (немного продолговатый).

Небольшой фрагмент кольчатого панциря был случайно отмечен в 1976 году на окраине чеченского сел. Майртуп вместе с наконечниками стрел, боевым ножом и другими предметами материальной культуры XV—XVII вв. [18, с. 58]. Плетение его одинарное. Кольца средней величины (диаметр 10,1—10,4 мм, ширина 1,1—1,2 мм, толщина 0,6—0,7 мм), овальной формы, плосковатые, склепаны «на шип». Из этого же селения происходит и более крупный фрагмент кольчатого панциря, обнаруженный также случайно в 1986 году на территории разрушающегося грунтового мавзольника XV—XVII вв.⁴ Плетение его одинарное. Железные кольца средней величины (диаметр 9,6—9,8 мм, ширина 1,4—1,5 мм, толщина 0,8—0,9 мм), овальной формы, плосковатые, склепаны «на шип».

Еще один фрагмент кольчатого панциря, по всей вероятности относящийся к XVIII в., был найден случайно вместе с наконечником стрелы в окрестностях ингушского сел. Пседах (Малгобекский р-он) в 1978 году [18, с. 58]. Его плетение одинарное. Кольца средней величины (диаметр 10,0 мм, ширина 1,1 мм, толщина 0,5 мм), овальной формы, плосковатые, склепаны «на шип».

Таким образом, вышериведенные находки с территории края наглядно свидетельствуют о бытовании в позднем средневековье у найнахских воинов в качестве оборонительного доспеха коль-

⁴ Найден учеником местной средней школы М. Гамаевым. В настоящее время оба найденных фрагмента хранятся в майртупском школьном краеведческом музее, организованном учителем истории Б. А. Ахмадовым.

чуг и кольчатых панцирей. Безусловно, появление последних связано с дальнейшей эволюцией известных на Кавказе ранее образцов кольчуг, с назревшей потребностью их существенной модификации в противовес развитию наступательного оружия. Имея практически одинаковый покрой и одинарное плетение, эти виды защитного вооружения, однако, существенно различались своими конструктивными особенностями. Попытаемся проследить это на наличных материалах (в связи с чем им и была дана столь подробная, детальная характеристика), ибо в научной литературе продолжают сохраняться разногласия по этому важному вопросу.

Прежде всего разница, на наш взгляд, заключается в самой системе изготовления колец: у кольчуг они, как правило, сварочно-клепаные, а у кольчатых панцирей — только склепанные. Последняя система, как уступка более простой, быстрой и однообразной технологии, зародившись еще в домонгольское время, особенно широкое распространение имела в Московской Руси (вплоть до конца XVII в.), [19, с. 6; 20, с. 287—288; 21, с. 61, 157—159; 22, с. 13—14 и сл.; 23, с. 40—41; 24, с. 316]. В Европе же кольчатые панцири стали производиться оружейниками лишь в начале XV в. [15, с. 277; 22, с. 13—14; 25, р. 202].

Отличались кольчуги от кольчатых панцирей и в технике, по способу крепления колец: двустороннее («на гвоздь») в большинстве случаев у первых, одностороннее («на шип») — у вторых. Так, при соединении немного расплюснутых концов кольца в панцире они не склепывались гвоздем, проходящим сквозь оба пробитых отверстия, как это обычно было в кольчуге, а крепились посредством специального шипа (иногда различных форм), укрепленного на одном из концов проволоки. Затем шип вгонялся острием в другой расплюснутый конец кольца. Как справедливо подчеркивал впервые обративший на это внимание Н. В. Гордеев, данный способ крепления значительно проще и быстрее, чем крепление «на гвоздь» в кольчуге, но он менее устойчив, так как верхняя шипа, пройдя толщу второго конца проволоки, чаще всего расклепывалась, как при креплении «на гвоздь» в кольчуге, едва проходила или сгибалась, не пробив толщу металла [21, с. 79—80]. И все-таки, кольца у наличных экземпляров панцирей довольно прочно и хорошо склепаны и даже подвергнуты дополнительной сварке при нагреве в момент, видимо, горячей ковки. Изготовить крепление для кольчатых панцирей мастер-оружейник мог гораздо быстрее, чем для кольчуг, несмотря на то, что для одной кольчуги их необходимо не менее 20 000, а для панциря — 50 000 и более [21, с. 59—60; 22, с. 13; 26, с. 94; 27, с. 155].

Кольца у кольчатых панцирей плосковатые в поперечном сечении, в отличие от колец кольчуг, сделанных обычно из круглой проволоки. Кольца панцирного доспеха отковывались из специальной, более усовершенствованной матрицы, вследствие чего при

полока из круглой становилась немного сплюснутой, что придавало большую прочность кольцу [26, с. 81]. Как установил А. Н. Кирпичников, плоские кольца стали производиться русскими оружейниками около 1200 года и по сравнению с проволочными они, не увеличивая веса панцирей, значительно расширяли железное поле, прикрывавшее тело воина-владельца [22, с. 14; 23, с. 40—41].

Существенная разница между кольчугами и кольчатыми панцирями наблюдается и в форме колец. Если у кольчуг они круглой формы, то у панцирей — в основном овальной или округлой. Последнее придавало большую эластичность кольчатой ткани панцирей по сравнению с кольчугами.

В отличие от кольчуг, кольца у панцирей мельче (правда, незначительно), что было следствием необходимости более эффективного противостояния появившимся новым типам узких броневой бойных наконечников стрел, пик, дротиков, а также других образцов позднесредневекового наступательного оружия. В силу этих же причин и у обнаруженных находок кольчуг (особенно периода наивысшей внешней угрозы со стороны пришлых монголо-татарских орд — XIII—XV вв.) кольца не отличаются крупными размерами.

Очевидно существовала и разница в общем весе между кольчугами и кольчатыми панцирями: последние легче кольчуг⁵. Видимо, кольчатые панцири были удобнее при ношении, а также (что немаловажно) дешевле кольчуг.

Своеобразное распределение колец в панцире также не было случайным, а преследовало определенные цели: во-первых, сделать его более легким и удобным, а во-вторых, наиболее прочным в уязвимых местах, не прикрытых другими видами защитного вооружения. Поэтому в более уязвимых местах панциря оружейник усиливал плетение наиболее массивными кольцами, в менее же уязвимых — облегчал доспех мелкими. У анализируемых панцирей наиболее массивные кольца расположены на груди и плечах, а менее — на подоле, рукавах и воротнике. Правда, последнее явление поначалу вызывает недоумение, поскольку действию образцов наступательного оружия кроме плеч и груди чаще всего подвергалась и шея воина. Очевидно, особого усиления воротника кольчатого панциря не требовалось лишь в тех случаях, когда шея воина находилась под дополнительной защитой металлической сетки-бармицы наличного наголовья.

Перечисленные надежные защитные свойства и качества кольчатых панцирей способствовали их популярности и быстрому распространению, начиная по крайней мере уже с XV в, и вплоть до

⁵ Следует подчеркнуть, что одной из характерных отличительных черт северокавказских кольчуг и кольчатых панцирей позднего средневековья был их сравнительно легкий общий вес [28, с. 5].

конца позднего средневековья, у населения Северного Кавказа, Дагестана и горной Грузии, где важную роль играла мобильная и маневренная конница [9, с. 53—54; 15, с. 276—278; 28, с. 7, 14—17; 29, с. 142; 30, с. 281—302; 31; 32, с. 66, 71, 75, 77 и сл.; 33, с. 102, 127, 296; 34, с. 67; 35, с. 18; 36, с. 49, 117 и сл.]. По письменным источникам впервые кольчатые панцири у северокавказских воинов упоминаются западноевропейским путешественником и исследователем Дж. Интериано (посетившего во второй половине XV в. Черкесию), который сообщает: «Они (т. е. черкесы. — Д. Ч.) спят с так называемым ими панцирем, то есть кольчужной рубахой под головой вместо подушки, и с оружием наготове и пробудившись внезапно, тотчас надевают на себя этот панцирь и оказываются сразу же вооруженными» [36, с. 43—44, 49]. И позднее, даже в XIX в., кольчатые панцири неоднократно упоминаются западноевропейскими путешественниками, а также другими исследователями в комплексе воинского снаряжения горцев Северного Кавказа, Дагестана и Грузии [36, с. 116—117, 601—602 и сл.; 37, с. 103, 105, 122, 327 и сл.; 38, с. 118; 39, с. 265; 40, с. 122, 41, с. 244].

Отмечаются кольчатые панцири и в материалах, характеризующих складывание русско-вайнахских дружественных взаимоотношений. Так, в конце XVI в. предводителю одного из чеченских племен Ших-Мурзе Окоцкому от имени царя русского за верную службу, среди прочих даров, посылаются также и «пансыр пять рублей» [42, с. 108]. Указанная стоимость доспеха была весьма значительной суммой по тем временам. А в 1605 году, во время посещения Москвы вайнахским посольством во главе с Батай Мурзой Окоцким, по специальному разрешению царя, были закуплены многочисленные («...на себя и на 15 человек»), изъяты из свободного торгового обмена (т. е. «заповедные»), высокосортные и дорогие полные комплекты русского защитного вооружения, в числе которых упоминаются и кольчатые панцири [42, с. 520, 43; 44, с. 184]. Безусловно, и позднее, при неоднократном посещении Москвы вайнахскими представителями, ими приобретались русские образцы воинского оборонительного снаряжения [45, с. 111; 46, с. 252]. Не исключена вероятность, что некоторые из рассматриваемых находок кольчатых панцирей являются именно этим приобретенным русским товаром. Возможно, что и наиболее ранние русские образцы кольчатых панцирей (в частности, золотоордынского времени) были известны, наряду с другими видами оружия, вайнахским мастерам-оружейникам.

Один кольчатый панцирь упоминается и среди закупленных у горцев края товаров на Амир-Аджиюртовском меновом дворе в 1847 году, который входил в комплект защитного доспеха, оцененного в 30 рублей серебром [47, с. 23]. Здесь же приводятся отрывочные сведения и о закупке кольчуг [47, с. 26]. Последние та-

же оставались на вооружении вайнахских воинов и их соседей до конца позднего средневековья: они не были полностью вытеснены популярными панцирями и продолжали бытовать у горцев Северного Кавказа, Дагестана и Грузии даже в XIX в. [9, с. 54; 21, с. 135, 138—139; 28, с. 5—8 и сл.; 29, с. 142; 30, с. 281—302; 31, 33, с. 296; 36, с. 63, 210, 227, 266, 308, 335, 363, 383 и сл.; 41, с. 244; 48, с. 141 и сл.; 49, с. 107; 50, с. 126—127, рис. 53; 51, рис. 24—25; 52, с. 290 и сл.; 53, с. 183, 210 и сл.; 54, с. 112; 55, с. 57, 67, 70].

Кольчуги, как и кольчатые панцири, надежно предохраняли своих владельцев и в период распространения на Кавказе (правда, пока еще несовершенных) позднесредневековых образцов ручного огнестрельного (фитильного и кремневого) оружия: свинцовые шаровидные пули лишь в очень редких случаях в состоянии были пробить кольчатое плетение, да и то с очень близкого расстояния. В связи с этим представляет большой интерес свидетельство Г.-Ю. Клапрота, наглядно характеризующее прочность северокавказских кольчатых доспехов в начале XIX в. Он сообщает: «Их кольчуги большей частью очень ценны; среди них есть очень хорошо сделанные. Чтобы их испробовать, их кладут на телянку и стреляют из пистолета. Как правило, пули не пробивают их, лишь телянок после этого слегка пошатывает. Под кольчугой они носят на войне еще одежду на вате, от которой пули отскакивают еще лучше» [36, с. 266].

Подобные свидетельства XIX в. не единичны. В частности, фигурируют и прочные, пуленепробиваемые образцы кольчатых доспехов вайнахских воинов периода т. н. Кавказской войны [57, приложение VI, с. 118—129]. Иногда для создания дополнительных защитных качеств воин использовал одновременно надевшие друг на друга оба рассматриваемые вида кольчатого доспеха, имевших в целом не столь большой вес. По всей вероятности, именно куларинская находка кольчатого панциря предназначалась для надевания на кольчугу (или же другой панцирь), иначе не было смысла в его распашном покрое. Подобным образом, например, поступали воины-мамлюки, у которых широко были распространены аналогичные распашные кольчатые доспехи⁶.

Практически все обнаруженные фрагменты и целые экземпляры кольчуг с обеих сторон носят следы плотной (простеганной?) матерчатой разноцветной ткани, которой, видимо, для удобства ношения и скрытности было принято раньше покрывать (или, вернее, обшивать) изнутри и снаружи эти доспехи. У кольчатых же панцирей, по-видимому, такая традиция отсутствовала⁷.

⁶ Автор глубоко признателен за консультацию старшему научному сотруднику ИВ АН СССР, кандидату искусствоведения М. В. Горелику.

⁷ Любопытно, что посетивший в конце XVII в. Черкесию западноевропейский исследователь Э. Кемпфер отмечал: «Знатнейшие люди страны носят теперь панцири, на которые они надевают шелковые кафтаны» [36, с. 116—117].

Следует также подчеркнуть, что пока не зафиксирован ни один случай, чтобы кольчатый доспех находился непосредственно на теле погребенного вайнахского воина, в то время как в трех случаях (в фалханской усыпальнице, потайной нише верхнелеймийского склепа и верхнеалкунском каменном ящике) он был предварительно сложен и оставлен в погребальном сооружении, непосредственной близости от тела усопшего.

Производство кольчатых доспехов, достигшее высокого развития у позднесредневекового населения Северного Кавказа, Дагестана и горной Грузии, было весьма трудоемким процессом, требовало большой затраты времени [21, с. 138—139; 28, с. 5—13—17 и сл.; 30, с. 281—302; 31; 33, с. 102, 127, 296, 36, с. 227 и сл.; 52, с. 290; 56; 58, с. 64; 59, с. 83—84]⁸. Так изготовление только одного кольчатого панциря состояло из десятка отдельных операций, на которые в общем затрачивалось около 6000 часов времени [26, с. 94—95]⁹. И поэтому эти доспехи, обладавшие в большинстве своем хорошими защитными качествами, высоко ценились у горцев Кавказа и в странах Востока. Наличие же данного доспеха у воина (обычно наряду с другими дорогими образцами оборонительного и наступательного оружия, как это и фиксируется даже в потревоженных местных мужских захоронениях) несомненно свидетельствует о его высоком социально-имущественном статусе в обществе. Ведь в данный период истории за приобретение, например, только одной кольчуги, в зависимости от ее качества, приходилось отдавать от 10 до 200 быков [36, с. 499]. Даже в конце XIX в., когда кольчуга практически вышла на Кавказе из употребления, у хевсур горной Грузии она оценивалась «в 5 коров» [50, с. 127]. Поэтому в погребении кольчатый доспех помещали только в исключительных случаях (например, когда усопший был знатным военачальником или же выдающимся инородцем): обычно он переходил по наследству из поколения в поколение, служил надежным торговым эквивалентом [33, с. 258; 30, с. 308 и сл.; 68, с. 64]¹⁰. В местных захоронениях позднего средневековья наглядно прослеживается (и, особенно, в XVI—XVIII вв.) и обряд символической замены целого образца кольчатого доспеха его отдельным фрагментом [17, с. 14; 68, с. 64]. Прав А. Н. Кирпич-

⁸ Особо высокого мастерства в производстве высококачественных кольчатых доспехов достигли, по крайней мере с IX в., искусные дагестанские оружейники из сел. Кубачи (само название которого означает «делатели кольчуг»), где они изготовлялись вплоть до 30-х годов XIX в. [21, с. 137—139; 32, с. 75; 36, с. 266 и сл.; 56; 60, с. 24—25, 218 и сл.; 61, с. 177; 62, с. 38—39]. Это ремесло было достаточно высоко развито и у средневековых алан Северного Кавказа [63, с. 84—85, 96, 98, 100; 64, с. 105].

⁹ О технике изготовления кольчатых доспехов см.: 65, с. 231; 66, с. 150—152; 67, с. 195—196.

¹⁰ Интересно, что у вайнахов кольчатые доспехи в качестве реликвии сохранялись даже в начале XX в. [69, с. 17].

ников, подчеркивая, что средневековое оборонительное вооружение «появляется там, где создается феодальная власть и строятся замки» [22, с. 7].

Судя по отрывочным фольклорно-этнографическим источникам, вайнахские оружейники также славились своим мастерством и изготовлении кольчатых доспехов, качество и прочность которых порой проверялись непосредственно на мастере. Так, в горной Чечне бытует интересное предание о некогда происшедшей здесь ссоре между маститыми оружейниками на почве профессиональной конкуренции: «Бойгуш и еще один мастер из Нашаха (позднесредневековое горночеченское общество. — Д. Ч.) поспорили, кто из них изготовляет более прочные кольчуги. Чтобы решить спор, они надели на себя свои изделия и стали осыпать один другого ударами. Победу одержал Бойгуш, который разрубил кольчугу соперника и при этом убил его самого» [70, с. 166]. К сказанному следует добавить, что, по-видимому, как и у адыгов [28, с. 7 и сл.; 36, с. 227], в производстве кольчатых доспехов нередко принимали участие и вайнахские девушки, слава о высокосортных изделиях которых получила реальное отражение в ряде грузинских этнографо-фольклорных сюжетов [17, с. 9]¹¹.

Вайнахские фольклорные, этнографические и лингвистические данные свидетельствуют о бытовании у местных позднесредневековых воинов образцов только кольчатого защитного доспеха («кольчуга», «железная кольчуга», «булатная кольчуга», «большой булатный панцирь» и др.), [9, с. 54; 71, с. 363, 373 и сл.; 72, с. 240; 73, с. 232; 73, с. 109; 75, с. 34—35; 76, с. 52; 77, с. 336 и сл.]. Достоверных сведений об употреблении местными воинами в рассматриваемое время доспехов иных типов разнообразные источники не содержат¹².

Подтверждением сказанного служит рисунок знатного чеченского воина конца XVIII в., реалистично выполненный западноевропейским исследователем Я. Потоцким (рис. 3, 5), (78, с. 16; 79, с. 43). На рисунке изображен воин в кольчатом доспехе, имеющем вид рубахи с длинными прямыми рукавами, разрезным воротом с воротником, с разрезом в передней стороне подола. Причем, с боков доспеха до уровня немного ниже колен воина отвисает, видимо, кольчатая ткань, предназначенная для защиты верхней части ног от боковых и тыльных ударов. Несомненно, что эта отвисающая кольчатая ткань наиболее эффективно могла выполнять свое предохранительное назначение при наличии у воина боевого

¹¹ Автор глубоко благодарен грузинским ученым-этнографам Г. В. Джалабидзе и К. К. Чолокашвили за предоставленную ценную информацию на Всесоюзной археологической конференции в г. Душети (ГССР, 10 октября 1984 г.).
() мастерах по изготовлению кольчуг см. также: 77, с. 336 и сл.

¹² Здесь следует заметить, что иногда исследователи железные накладки иверно объявляют «латами» [76, с. 52].

коя. На рисунке заметна у воина и специальная, обычно плотно простеганная, подкольчатая одежда, дополнительно защищавшая тело своего владельца. Для прочного же расположения кольчатого доспеха на теле воина он обтянут различными ремнями.

Таким образом, вышеприведенные разнотипные материалы наглядно свидетельствуют о бытовании у вайнахских воинов в позднем средневековье (и даже в нач. XIX в.) в качестве защитной одежды кольчатого доспеха, обладавшего надежными оборонительными качествами от ударов наступательного оружия (и т. ч. и еще несовершенного огнестрельного).

ЛИТЕРАТУРА

¹ Чахкиев Д. Ю. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (горная Ингушетия) //Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

² Семенов Л. П. Отчет об археологической работе в Чечено-Ингушской АССР в 1937 году. — Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 2, 1937, № 234.

³ Марковин В. И. В стране вайнахов. М., 1969.

⁴ Марковин В. И. Некоторые итоги исследования склепов горной Ингушетии (по материалам раскопок 1966 года). //Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.

⁵ Умаров С. Ц. Археологические исследования в высокогорных районах Чечни в 1968 году //АЭС, т. 4. Грозный, 1976.

⁶ Умаров С. Ц. Отчет 2-го отряда археологической экспедиции ЧИНИИ ЯЛ о полевых работах 1968 года. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 5458.

⁷ Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни, XIII—XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.

⁸ Умаров С. Ц. Материальная культура горной Чечни (XIII—XVII вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Грозный, 1970. — Архив ЧИИИСФ, РФ.

⁹ Даутова Р. А., Чахкиев Д. Ю. Защитное вооружение у позднесредневековых вайнахов //IX Крупновские чтения: Тез. докл. конф. Элиста, 1979.

¹⁰ Багаев М. Х. Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии //Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.

¹¹ Чахкиев Д. Ю., Нарожный Е. И. Детское погребение золотоордынского времени из горной Ингушетии //Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.

¹² Даутова Р. А. Раскопки в горной Ингушетии //АО—1982. М., 1984.

¹³ Виноградов В. Б. Отчет о работах в горной Ингушетии 1-го отряда Предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого в 1979 году. — Архив ЧИИИСФ, 1980, № 546.

¹⁴ Виноградов В. Б. Работы в горной Ингушетии //АО—1979, М., 1980.

¹⁵ Чахкиев Д. Ю. Кольчуга из сел. Махкеты (Чечено-Ингушетия). //СА 1979, № 4.

¹⁶ Чахкиев Д. Ю. Исследования в горной Ингушетии //АО—1985, М., 1987.

¹⁷ Чахкиев Д. Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XIII—XVIII вв.//археолого-этнографическое исследование). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

¹⁸ Бурков С. Б., Вольная Г. Н., Чахкиев Д. Ю. Новые случайные археологические находки из Чечено-Ингушетии //Археология и краеведение — вулу в школе (Тезисы докладов и сообщений Второй региональной научно-практической конференции). Грозный, 1985.

¹⁹ Ленц Э. Э. Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметьева. Спб., 1906.

²⁰ Ленц Э. Э. Указатель отделения средних веков и эпохи Возрождения Ч. 1. Собрание оружия. Спб., 1908.

²¹ Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие XI—XIX вв. М., 1953.

²² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв. — САИ, Е1—36. Л., 1971.

²³ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.

²⁴ Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.

²⁵ Burgess E. A mail shirt from the Hearst collection antiquaries. // Journal of Archaeology. vol. 78, № 3—4. — London, 1958.

²⁶ Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех. // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.

²⁷ Иванов А. Б. Русские доспехи // Памятники Отечества. 1984, № 1.

²⁸ Яхтанигов Х. Х. Экспонаты повествуют. Нальчик, 1984.

²⁹ Вахушти. География Грузии // ЗКОРГО, кн. XXI, вып. V, Тифлис, 1904.

³⁰ Чолокашвили К. К. Грузинские доспехи. Кольчуга // ВГМГ, вып. XIX—V. Тбилиси, 1956.

³¹ Чолокашвили К. К. Этнография Грузии. Оружие. Тбилиси, 1964.

³² Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958.

³³ История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1967.

³⁴ Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972.

³⁵ Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973.

³⁶ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Составитель и автор комментариев В. К. Гарданов. Нальчик, 1974.

³⁷ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М., 1823.

³⁸ Эристов Р. Д. О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе // ЗКОРГО, кн. 3. Тифлис, 1855.

³⁹ Гурко-Княжин В. А. Хевсуры // Новый Восток, кн. 20—21. М., 1928.

⁴⁰ Тедорадзе Г. Пять лет в Пшавии и Хевсуретии. Тбилиси, 1941.

⁴¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.

⁴² Белоруков С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1, 1578—1613 гг. М., 1889.

⁴³ Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Один из северокавказских союзников Руси // Вопросы истории. 1971, № 10.

⁴⁴ Умаров С. Ц. К политической и социально-экономической истории Чечен XVI—XVII веков // АЭС, т. 4, Грозный, 1976.

⁴⁵ Магомадова Т. С. К характеристике торговых связей чеченцев и ингушей с русскими и Россией в XVI—XVII вв. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977.

⁴⁶ Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю. Шлем из селения Ярышмарды (Чечено-Ингушетия) // СА. 1982, № 2.

⁴⁷ Гриценко Н. П. Экономические связи России с Северным Кавказом в 40-х годах XIX века (По материалам Центрального государственного архива Чечено-Ингушской АССР) // Изв. ЧИНИИИЯЛ, т. 2, вып. 1. Грозный, 1960.

⁴⁸ Раде Г. Хевсурия и хевсуры. Тифлис, 1881.

⁴⁹ Ган К. О. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей. Кавказский вестник, вып. 4. Тифлис, 1900.

⁵⁰ Макалатия С. И. Хевсурети. Тбилиси, 1940.

⁵¹ Элашвили В. И. Парикаоба (хевсурское фехтование). Тбилиси, 1956.

⁵² Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа // Историко-этнографическое исследование). — Орджоникидзе, 1968.

⁵³ Равдоникас Т. Д., Смирнова Л. И. Каталог по народам Кавказа // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. МАЭ, вып. 34, Л., 1978.

- ⁵⁴ Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Понтия и Подонья. М., 1979.
- ⁵⁵ Лавров Л. И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924—1978 гг.). Л., 1982.
- ⁵⁶ Аствацатурян Э. Кавказское оружие. М., 1984.
- ⁵⁷ Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых с их ветвями. Тамбов, 1853.
- ⁵⁸ Пфаф В. Б. Материалы для истории осетин. //ССКГ, вып. 3. Тифлис, 1871.
- ⁵⁹ Чолокашвили К. К. Изготовление оружия в городах и горных районах Грузии //Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Аннотации). Тбилиси, 1981.
- ⁶⁰ Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949.
- ⁶¹ История Дагестана. Т. 1. М., 1967.
- ⁶² Аствацатурян Э. Г. История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX—начале XX в. Ч. 1. Дагестан и Закавказье. М., 1977.
- ⁶³ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. — Орджоникидзе, 1971.
- ⁶⁴ История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Орджоникидзе, 1987.
- ⁶⁵ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948.
- ⁶⁶ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) //МИА, № 32. М., 1953.
- ⁶⁷ Колчин Б. А. Оружейное дело древней Руси (техника производства) //Проблемы советской археологии. М., 1978.
- ⁶⁸ Чахкиев Д. Ю., Белхароев А. Х., Шельдешова М. Н. Нерешенные вопросы военного дела населения Чечено-Ингушетии в XIII—XIX вв. //Археология и краеведение — вузу и школе (Тезисы докладов и сообщений Второй региональной научно-практической конференции). Грозный, 1985.
- ⁶⁹ Яковлев Н. Ф. Ингуши. М.—Л., 1925.
- ⁷⁰ Кобычев В. П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры //Этническая история и фольклор. М., 1977.
- ⁷¹ Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.
- ⁷² Алироев И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975.
- ⁷³ Алироев И. Ю. Названия оружия в нахских языках //АЭС, т. 4. Грозный, 1976.
- ⁷⁴ Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978.
- ⁷⁵ Мунаев И. Б. Поэтическая система эпитетов в героико-исторических илли. //Вопросы поэтики и жанровой классификации чеченских героико-исторических песен илли. Грозный, 1984.
- ⁷⁶ Ахмадов Я. З. Мир вещей и «хонс» в героико-исторических илли //Вопросы поэтики и жанровой классификации чеченских героико-исторических песен илли. Грозный, 1984.
- ⁷⁷ Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986.
- ⁷⁸ Моя Чечено-Ингушетия. Грозный, 1970.
- ⁷⁹ Чахкиев Д. Ю. Состояние изученности военного дела позднесредневековых вайнахов //Археология и краеведение — вузу и школе: Тез. докл. конф. Грозный, 1981.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА С ПРОНИКНОВЕНИЕМ ИСЛАМА НА ТЕРРИТОРИЮ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Религия тысячелетиями властвовала над умами людей. Пережитки прошлого, укоренившиеся в сознании и повседневной жизни некоторой части людей, выступают достаточно зримо на местной основе, оказывают свое отрицательное воздействие на общество, являются серьезным препятствием на пути формирования коммунистической идеологии. Поэтому борьба с ними, в том числе с религиозными верованиями, является актуальной проблемой. Однако успешная борьба с этим отрицательным наследием, условие, необходимое для его преодоления — это выявление характера, сущности пережитков прошлого, а следовательно, и тщательное изучение самой истории религии как таковой. В этом видится главная задача. В. И. Ленин писал: «Мы должны бороться с религией. Это азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс» [1, с. 418]. В. И. Ленин всегда подчеркивал, что религия не может быть частным делом для партии пролетариата. «Именно для идейной борьбы, борьбы против религиозных предрассудков, для освобождения от них рабочего класса и основана наша партия», — разъяснял В. И. Ленин [1, с. 420].

Как известно, в прошлом чеченцы и ингуши испытали на себе воздействие трех религиозных воззрений — язычества (политеизм), христианства и ислама. Все они крайне сложны в своем изучении. Говоря о времени исламизации населения Чечено-Ингушетии и привлекая в качестве исторического источника различные погребальные памятники края, важно проследить временную взаимосвязь новой религии и порождаемого ею нового погребального обряда, т. е. выяснить, на каком этапе исламизации мусульманский обряд захоронения являлся обязательным и мог ли продолжаться сохраняться на протяжении определенного времени после внедрения монотеистической религии прежний (языческий) погребальный обряд в силу своей консервативности. От правильного решения этой проблемы зависит многое в понимании истории проникновения и последующего утверждения ислама на территории Чечено-Ингушетии.

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо знать все типы погребальных сооружений и принятый для них обряд захоронения на протяжении всего периода проникновения и последующего внедрения в вайнахскую среду ислама. Для последнего

здесь характерна своя конструкция могильных ям с подбоем, односторонность захоронений, устойчивая западная ориентация погребенных, уложенных вытянуто на спине с легким поворотом на правый бок и лицом на юг, безинвентарность (отсутствие вещей). Но возможны ли вообще отступления от известных канонических форм погребальной обрядности? Да, возможны. Это хорошо видно на примере Средней Азии, в частности, здешней похоронной обрядности.

Исследователями отмечаются следующие виды погребальных сооружений: подземные, полуподземные и надземные склепы, которые возводились с периода средневековья до недавнего времени и даже функционируют нередко в наши дни. Понятно, что способ захоронения в коллективном склепе противоречит исламу и им отрицается, хотя сам обряд погребения в склеповой камере (для каждого усопшего в отдельности) в основном соблюдается (трупоположение и его ориентация). Однако в самом способе заполнения гробниц телами можно проследить доисламские черты.

Вот что пишут участники Среднеазиатской археолого-этнографической экспедиции исторического факультета МГУ: «Особый интерес с точки зрения историка религий вызывает большая фамильная... подземная усыпальница... Здесь мусульманский принцип нарушен полностью. По мусульманским представлениям, «концу света» сопутствует последующее воскрешение мертвых. Для того, чтобы кости облекались плотью, они должны сохраняться в ненарушенном порядке. Для того, чтобы воскресший покойник не испытывал стыда от наготы, он должен находиться в отдельной могиле. Вопиющим нарушением мусульманских норм является складывание костей в общую кучу, что указывает на сходство с погребением в оссуариях. В погребальном обряде горцев доисламские черты заметны не только на примере подземных склепов. Здесь любопытно и наличие на могилах различных вещей — в прошлом, вероятно, погребального инвентаря. Не имеют ничего общего с исламом и вторичные погребения в каменные ящики..., причем кости предшествующего покойника также собирались в кучу» [2, с. 278, 279].

Аналогичные сведения имеются и в других работах по Средней Азии: «Погребальный обряд в склепах Шахи-Зинда при единой ориентации... и трупоположении на спине представлен различными типами или их вариантами: захоронение непосредственно на полу склепа, в деревянном гробу или на доске, захоронения на полу склепа в различного типа грунтовых могилах — подбойной, обычной, крытой поперечным или продольным древесным накатом, с обкладкой стенок кирпичом, в деревянном гробу. Все эти виды погребений известны в Средней Азии с доисламских времен и бытуют, при количественном преобладании подбойных могил до настоящего времени». И далее: «В большей части склепов об

наружена посуда..., что может рассматриваться как свидетельство последующей трансформации древнего погребального обряда, связанного с анимистическими представлениями народов Средней Азии о бессмертии души и необходимости ее подкармливать. Этот обычай в отдельных местах сохраняется до сего дня и прослеживается в различных формах на некоторых современных кладбищах» [3, с. 170].

Как видим, ислам в Средней Азии допустил значительные отступления от принятых в «мусульманском мире» канонических форм, что привело к образованию здесь «локальных форм этой религии» (выделено нами. — М. М.) [2, с. 279].

Важные сведения о времени начала трансформации местного погребального обряда с проникновением монотеистической религии дают нам материалы по исторической Волжской Булгарии X—XIII вв. В диссертационном исследовании Е. А. Халиковой [4, с. 3—17] обобщены материалы по недавно изученным мусульманским некрополям на территории Татарии, в районах Чувашской и Марийской автономных республик и некоторых других. Автор познакомился с сочинениями средневековых мусульманских законопедов, регламентирующих религиозные обряды, и установил два основных признака погребального обряда. Это отсутствие вещей в могилах и соблюдение кыблы — ориентации усопшего лицом к Мекке с небольшим поворотом тела на правый бок. В конструкции могил исламские каноны требуют устройства в продольной стенке, обращенной к Мекке, подбоя-ляхда, но вместе с тем допускают при рыхлом грунте ямы с вертикальными стенками и использованием гроба или каменной обкладки. Упомянутые в канонической литературе как возможные и ямы с заплечиками. Надмогильные отметки не рекомендуются, однако возможность сооружения надгробий допускается [4, с. 8].

По автору, большинство еще языческих (доисламских) могильников раннебулгарского периода (VIII—IX вв.) — грунтовые без внешних признаков. Могильные ямы для одиночных захоронений с отвесными стенками, реже — с уступами-заплечиками вдоль продольных стен. По обряду усопшие, как правило, уложены вытянуто на спине с опущенными вдоль корпуса руками, головой ориентировались на запад. В могилах отмечаются следы от деревянных гробов, фиксируется разнообразный погребальный инвентарь.

Уже первые ранние мусульманские могильники волжских булгар X—XI вв., пришедшие на смену местным языческим некрополям VIII—IX вв., отражают становление нового погребального обряда. Не всегда, но на могильниках в целом соблюдена кыбла, отсутствуют в большинстве могил вещи, редко встречаются женские и детские украшения (реликтовый инвентарь). Нет подбоев-ляхдов, прослеживаются остатки деревянных гробов.

Могильники XII — начала XIII в. уже характеризуются строгим соблюдением кыблы, отсутствием какого-то ни было инвентаря. Конструкция могил и деревянные гробы сохраняются [4, с. 9—12].

Как можно видеть, с исламизацией Волжской Булгарии сразу же идет и усвоение мусульманского погребального обряда. По всей вероятности, утверждение последнего облегчалось и предшествующей погребальной традицией. Мы имеем в виду принятое здесь доисламскую одиночность захоронений в грунтовых ямах и вытянутое трупоположение усопших на спине головой на запад.

В отличие от вышеизложенных материалов по Средней Азии достаточно убедительно показывающих доминирующее положение доисламских погребальных сооружений, а также некоторых черт языческого погребального обряда до недавнего прошлого, что позволяет говорить о локальности среднеазиатского ислама, усвоившегося здесь еще в период средневековья, местные полевые источники иллюстрируют в целом одновременность процесса проникновения ислама и начала усвоения порожденного им нового погребального обряда в Чечено-Ингушетии. В этом, как мы увидим ниже, они имеют общие черты с описанными могильниками Волжской Булгарии.

В горных районах Ингушетии и Западной Чечни основными погребальными сооружениями в позднесредневековый период (XIII—XVIII вв.) являются каменные склеповые усыпальницы для большого числа коллективных захоронений, функционировавшие, судя по выявленному инвентарю, по XVIII в. включительно, а в отдельных случаях, возможно, даже в начале XIX в. [5, с. 51]. Погребальный обряд в склепах сугубо языческий: тела укладывались послойно (до пяти), вытянуто на спине и вплотную друг к другу, имели произвольную, даже в пределах одной гробницы, ориентировку по странам света, сопровождалась разнообразным погребальным инвентарем [6, с. 56, 57]. Наряду с ними, на заключительном этапе действия всех склеповых построек как таковых, начинают возводиться уже небольшие по своим пространственным размерам каменные надземные усыпальницы для нескольких захоронений, соседствующие, как правило, с первыми мусульманскими некрополями селений и имеющие, как мы думаем, непосредственное отношение к процессу проникновения ислама в горную зону края. Появляются и одиночные грунтовые захоронения с надгробными плитами. Обратимся к материалам.

На северной окраине мусульманского могильника XIX в., расположенного около башенного поселения Ибн в ущелье р. Армаг горной Ингушетии, на пологой части склона Столовой горы автором в свое время был отмечен надземный склеп с небольшой прямоугольной в плане погребальной камерой, имевшей, по всей вероятности, односкатную плоскую кровлю, которая как перекры-

ше не является характерной для позднесредневековых надземных гробниц. Если склеп и имел лаз (скорее всего, он отсутствовал), то последний был расположен на поперечной, плохо сохранившейся восточной стене. Судя по костным остаткам погребенных и небольшой внутренней площади, здесь на каменистом полу было произведено два захоронения. Сами усопшие ввиду маленького размера камеры могли укладываться только по ее длине (головами на запад). По выявленному сравнительно позднему погребальному инвентарю (железные шарнирные ножницы современного портняжного типа, газырь для хранения пороха и пуль, замок фабричного производства, два железных ножа, медный штампованный наперсток и др.) два захоронения надземного склепа могут быть датированы XVIII в. [7, с. 138; 8, с. 75; 9, с. 96, 97; 10, с. 138].

Как отмечалось, в горной Чечено-Ингушетии, вблизи и на окраинах мусульманских могильников башенных селений нередко встречаются разбитые бессистемно (не группируются вокруг кладбищ) одиночные погребения под каменными стелами, ориентированными как мусульманские надгробия по линии В—З. Изредка на них выбиваются арабские письмена и даты захоронений, причем последние, как установлено, бывают более ранние, чем на соседствующих мусульманских некрополях. Одиночные стелы в количестве до десяти отмечены и по окраинам Ибнского могильника. С тремя из них, расположенными в один ряд вниз по склону, связано, представляющее для нас интерес с точки зрения исламизации местного населения, предание.

В начальный период проникновения ислама в горную Ингушетию в селении Бейни Джейраховского ущелья поселились два брата и сын старшего, которые уже были подвержены исламу. На почве межрелигиозной вражды (жители селения еще придерживались язычества) братья и подросток вынуждены бежать, однако настигаются преследователями на месте каменных надгробий [11, с. 9]. Как видим, данное предание иллюстрирует борьбу между приверженцами старой и новой религий.

В окрестностях средневекового башенного поселения Кошк ущелья р. Армхи нами изучены мусульманский могильник XIX в. и расположенные вблизи одиночные, правильно ориентированные по линии В—З надгробные стелы, одна из которых с выбитой арабской датой захоронения. Рядом с ними отмечен надземный склеп ядрообразной формы без лаза. При расчистке сооружения от завала строительных плит (верхняя часть кладки разрушается) был открыт впущенный в пол камеры каменный ящик, вытянутый по линии С—Ю. По костным остаткам установлено два погребения, оба тела были уложены вытянуто на спине, лицом вверх и ориентированы головами на Ю. Находки поздних шарнирных ножниц, фабричного замка, а также каменного оселка и двух

железных черенковых ножей датируют захоронения XVIII в. [10, с. 138].

Итак, погребальные комплексы селений Иби и Кошк по своему характеру близки. Оба содержат парные захоронения в каменных постройках, которые по некоторым архитектурным особенностям (плоская кровля, отсутствие лаза) отличаются от средневековых. Тела также укладывались вытянуто на спине и лицом вверх, погребения совершались в XVIII в. Сами же мусульманские некрополи датируются XIX в., и им же сопутствуют и даже несколько предшествуют во времени одиночные стеловые погребения или кладбищ. Какие можно сделать из этого выводы?

В больших коллективных склеповых усыпальницах Ингушетии и Западной Чечни совершались захоронения по XVIII в. включительно. Этим же столетием, но, очевидно, несколько позже хронологически, датируются парные погребения в склепообразных постройках типа Ибнской и Кошкинской, вблизи которых разбиваются мусульманские могильники XIX в. Имеются также одиночные стеловые могилы вне данных кладбищ, но правильно ориентированные, как и на некрополях, по линии В—З.

Как можно видеть, погребальные сооружения и погребальный обряд трансформируются и фактически в весьма короткий промежуток времени. На смену коллективным склеповым захоронениям XVIII в. приходят единичные, и хотя они еще заключены в каменные постройки склепообразных форм, но последние небольшие по размерам, сильно упрощены, лишены входа. Важна и такая деталь, что к этим сооружениям примыкают первые мусульманские могильники. Далее появляются правильно ориентированные одиночные стеловые погребения вне кладбищ и, наконец, сами мусульманские некрополи XIX в.

Коллективные склеповые погребения XVIII в. сменяются единичными в каменных склепообразных постройках, затем появляются одиночные стеловые погребения по мусульманскому обряду вне могильников и, наконец, захоронения на мусульманских кладбищах, сооружение которых как бы документирует факт упрочения ислама в определенных этнорайонах. Таким образом, с началом проникновения ислама население начинает переходить к новому погребальному обряду.

Хорошо видна трансформация погребальных сооружений и обряда на примере некоторых могильников горной Ингушетии. Нередко мусульманские кладбища первой и второй половины XIX в. разбиваются на месте расположения коллективных склеповых гробниц XVIII в. Новый погребальный обряд предполагает одиночность захоронений по определенному ритуалу, к нему переходят сравнительно быстро (XVIII в. — склепы, первая половина XIX в. — одиночные стеловые могилы), однако на первых порах еще трудно порвать со вчерашним прошлым и хотя уже

известна невозможность быть погребенным в склепе ближайших предков, поклонявшихся языческим божествам, но тяга к ним настолько сильна, что одиночные мусульманские стеловые погребения буквально окружают склеповые постройки и берутся вместе с ними в каменные ограды [12, с. 118].

Наш тезис об одновременности внедрения религии и порождаемого ею нового погребального обряда находит подтверждение и по источникам, добытым в Восточной Чечне. Правда, здесь нет склеповых построек (одиночные погребения в каменных ящиках), однако есть другие и не менее важные исходные данные. Так, в высокогорном Чеберлоевском районе, граничащем с Дагестаном, а также в горной Итум-Калинской котловине нами изучены мусульманские могильники в основном XVIII в., разбитые по два у средневековых селений Хой, Макажой, Басс и некоторых других типичных поселков [13, с. 128—132].

Обращает на себя внимание такой немаловажный факт, как месторасположение первых по времени своего возникновения некрополей селений. Во всех случаях они разбиты на склонах, которые круты, обрывисты и малопригодны для хозяйственных нужд. Вместе с тем, возникшие вслед за ними новые могильники уже занимают обширные участки земли. Объяснение данному явлению, очевидно, надо искать в том, что в этот период ислам еще не воспринимался массами как новое религиозное учение, его сторонниками было лишь незначительное число горцев, которым, на первых порах, отводились для погребений как «инакомыслящим» самые непригодные участки земли. Вряд ли будет верно видеть причину этого явления в стремлении горцев к наиболее рациональному использованию земли, необходимой для обработки, выпаса скота, свободного передвижения. Ведь как уже отмечалось выше, более поздние могильники селений разбиваются на вполне пригодных для хозяйствования земельных участках. Говоря о первых приверженцах ислама, необходимо также отметить, что они, причисляя себя к последователям данной религии, еще не совсем усвоили (точнее, идет процесс усвоения) его основные атрибуты, в частности, погребальный обряд. Так, могильник селения Хой содержит несколько десятков погребений, которые, судя по расположению стел, имеют даже противоположную принятой ориентацию по линии С—Ю. Лишь со временем ориентировка погребений могильника становится правильной [13, с. 136, 137].

Представляет интерес исследованная нами двухъярусная гробница (каменный ящик) вблизи селения Кезеной Восточной Чечни, расположенная на склоне горы Макажой-Лам, у подошвы которой разбит также изученный нами мусульманский могильник. Каменный ящик (по склону прослеживаются и другие) содержал останки человека, уложенного вытянуто на спине, лицом вверх и

ориентированного головой на З. В состав погребального инвентаря в основном из предметов быта и украшений входили и четыре золотоордынские монеты XIV в. Все они пробиты, что говорит о длительном применении. Как удалось проследить, позже во времени над плитами перекрытия могилы было произведено еще два захоронения, по всей вероятности, с аналогичным труположением (вытянутость, западная ориентировка соответствует мусульманскому погребальному обряду). Выявлено несколько поздних предметов сопутствующего инвентаря (железный нож, подвеска и кольцо) [14, с. 114].

Возможно, вторичные погребения каменного ящика, подобно вышерассмотренным единичным захоронениям в склепообразных постройках горной Ингушетии, также являются как бы переходным звеном к индивидуальным стеловым могилам, расположенным, как отмечалось, вблизи мусульманских некрополей.

Само месторасположение первых мусульманских могильников Восточной Чечни, неверная (с позиций ислама) ориентация погребений, первоначальная конструкция могил [15, с. 274] и другие данные со всей очевидностью свидетельствуют об одновременности восприятия, начала усвоения и нового религиозного учения, и связанного с ним нового погребального обряда, т. е. на определенную территорию не мог внедриться ислам, а лишь потом отличный от принятого здесь ранее обряд погребения. Все изложенное — это примеры восприятия человеком обязательности введения нового обряда захоронения. Он и принимается, однако достигает своей чистоты только спустя некоторое время.

Таким образом, возводившиеся веками в горах каменные коллективные гробницы и связанный с ними погребальный обряд начинают меняться с проникновением ислама — появляются одиночные склеповые захоронения, а затем и индивидуальные стеловые погребения вне мусульманских могильников (Ингушетия, Западная Чечня). Идет выработка правильной ориентации могильных ям (Восточная Чечня). Сам процесс смены погребальной обрядности протекал сравнительно быстро, судя по датам языческих (склепы, каменные ящики) и первых мусульманских могильников — XVIII в. и первая половина XIX в. (горная Ингушетия и Западная Чечня), XVII в. и XVIII в. (Восточная Чечня). Мы не собираемся отрицать возможности отдельных захоронений и коллективных склепах в период начального этапа проникновения ислама, когда наблюдался своеобразный религиозный синкретизм. Однако, опять же в силу вышеизложенных фактов, эти погребения не могли носить массовый и сколько-нибудь длительный по времени характер. В то же время сравнительно быстрое усвоение нового погребального обряда вовсе не говорит о «молниеносных» успехах ислама, который, конечно же, пробивал себе дорогу в ожесточенной борьбе с язычеством еще до появления первых

раннемусульманских некрополей, уже фиксирующих определенную результативность нового религиозного учения.

Устанавливаемая одновременность внедрения ислама и принятого им погребального обряда делает весьма ценными раннемусульманские могильники Чечено-Ингушетии, которые действительно выступают серьезным источником по выяснению времени исламизации населения края.

Трудности внедрения мусульманской религии в среду чеченцев и ингушей хорошо иллюстрируются многочисленными пережитками язычества в исламе, которые достаточно наглядны, чтобы показать всю надуманность распространяемой т. н. «религиозными авторитетами» версии о извечности ислама, его живучести в местной среде еще с незапамятных времен и исключительной «чистоте» данного вероучения. Так, коренные народы Чечено-Ингушетии в прошлом, как уже отмечалось, испытали на себе влияние различных религиозных верований. Процесс развития религии в своей исторической последовательности представляется таким образом: язычество, язычество и христианство (синкретизм), язычество с заметными следами христианства и ислам с многочисленными пережитками язычества. К последним относится верховное языческое божество Диела в монотеистической религии (вместо принятого в исламе имени аллаха), культ которого в прошлом как верховного патрона пантеона был распространен и весьма популярен среди вайнахов. Кстати, Диела в монотеистической религии — это не единственный случай в быту народов Северного Кавказа. Известно, что древнетюркское божество Тенгри [16, с. 176—178; 17, с. 155; 18, с. 101] еще в недалеком прошлом являлось балкарско-карачаевским синонимом аллаха [19, с. 155—170; 20, с. 41]. «Балкарцы и карачаевцы почитают бога, именуемого не аллахом, а Тенгри в качестве подателя всякого добра», — писал в начале XIX в. Г. Ю. Клапрот [21, с. 245]. Появление же Тенгри (Тейри) в местном исламе не случайно. Именно его культ как главного бога (неба) внедрялся в Хазарии; он самый почитаемый патрон и должен был заменить разрозненные языческие культы в каганате [16, с. 177]. Точно так же на Руси при Владимире Святославовиче до провозглашения православия официальной государственной религией был утвержден единый пантеон во главе с богом грома и молнии Перуном, который освящал власть князя и феодальную систему [22, с. 417; 23, с. 124].

Пережитки язычества в исламе — это также запрещенные последним антропоморфные стелы-надгробия на мусульманских кладбищах, прослеженное почитание столпообразных языческих святилищ даже в начальный период захоронений уже по мусульманскому ритуалу [24, с. 72—75; 25, с. 89]. На рассматриваемых некрополях отдельных районов Чечни и Ингушетии встречается каменная обкладка могил на поверхности, что является имитаци-

ся предшествующих каменных ящиков, в которых захоронения производились по языческому погребальному обряду. На каменных куртах часто бывают выбиты разнообразные петроглифические знаки, орудия труда и охоты, оружие и украшения. Предметы, которые раньше можно было класть в могилу, с введением ислама остались на надгробиях в рисунках. Очевидно, они даже в таком виде посвящались усопшим родичам, и горец очень долго, судя по датам надмогильных плит, не мог от этого отказаться [26, с. 298, рис. 3]. Отдельные петроглифы на стелах несут религиозную смысловую нагрузку. Так, чаще всего фиксируются солнечные знаки в виде креста с отходящими черточками-лучами, свистки, просто крестика и др. Это бесспорное свидетельство большого почитания и даже обожествления в прошлом, как об этом свидетельствуют этнографические материалы, солнца — источник света, тепла, урожайности полей и всякого благополучия в целом.

Большая живучесть языческих верований прослеживалась и в айнахской среде в сравнительно недавнем прошлом. Документально известно, что еще в 20-е годы нашего столетия на вершине Столовой горы Ингушетии, у святилищ Мятцил, Мятер-Диела и Диела, происходили моления с жертвоприношениями, а древние языческим божествам [5, с. 33]. Население, исчерпав все возможные средства мусульманской религии, обращалось к ним с молитвами спасти край от засухи. Языческие божества были и тогда окончательно забыты.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии. Полн. собр. соч., т. 17.
- 2 Поляков С. П., Черемных А. И. Погребальные сооружения населения долины Зеравшана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
- 3 Немцева Н. Б. Доисламские черты погребального обряда в склепах Шахидзиды // Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг. Ереван, 1978.
- 4 Халикова Е. А. Мусульманские могильники Волжской Булгарии X — начала XIII в. как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976.
- 5 Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963.
- 6 Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977.
- 7 История народного хозяйства СССР. М., 1960.
- 8 Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
- 9 Туснов В. Х. «Город мертвых». Орджоникидзе, 1979.
- 10 Мужухоев М. Б. Работы в высокогорьях Чечено-Ингушетии // АО—1978. М., 1979.
- 11 Мужухоев М. Б. Отчет 1-го отряда археологической экспедиции ЧИИ в полевых работах 1978 года. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 7221.

- ¹² Мужухоев М. Б. Исследование средневековых памятников Чечено-Ингушетии //АО. 1979. М., 1980.
- ¹³ Мужухоев М. Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам. //Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.
- ¹⁴ Мужухоев М. Б. Исследование средневековых культовых и погребальных памятников Чечено-Ингушетии //АО. 1977. М., 1978.
- ¹⁵ Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна //ДЧИ. М., 1963.
- ¹⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) //МИА, № 142. М., 1967.
- ¹⁷ Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
- ¹⁸ Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
- ¹⁹ Лавров Л. И. Этнография Кавказа. Л., 1982.
- ²⁰ Шаманов И. М. Древнетюрское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии //Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1982.
- ²¹ Клапрот Г. Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг. //Адыги, балкарцы и карачевцы в известиях европейских авторов XIII—XIV гг. Нальчик, 1974.
- ²² Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.
- ²³ История Киева (древний и средневековый Киев). Т. 1. Киев, 1982.
- ²⁴ Мужухоев М. Б. Эволюция верований чеченцев и ингушей в период средневековья. //X Крупновские чтения: Тез. докл. конф. М., 1980.
- ²⁵ Мужухоев М. Б. К эволюции верований народов Центрального Кавказа в период средневековья (по материалам полевых исследований автора в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии) // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
- ²⁶ Мужухоев М. Б. Антропоморфные надгробные стелы мусульманских кладбищ Чечено-Ингушетии //СА. 1977, № 4.

Л. Б. ЗАСЕДАТЕЛЕВА

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ДЕТСКОГО ЦИКЛА У РУССКОГО И УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ. ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

В последние годы по мере роста интереса к современным этническим процессам встает вопрос о системе этноса и его структурных компонентов, изменение которых сказывается на устойчивости самой этнической общности. Одним из таких компонентов наряду с языком, религией и народным изобразительным искусством признаны обычаи и обряды [1, с. 30].

Исследование проблем детского цикла семейной обрядности представляет большой интерес в свете изучения ранних форм религии, пережитков архаических институтов, наконец, для анализа народного опыта воспитания новых поколений, прогрессивные традиции которого могут быть использованы в современной педагогике.

Интересен вывод Д. Н. Угриновича: «И в настоящее время любое существо, любая социальная система нуждается в обрядах как в средствах воспитательного, идеологического и эмоциональ-

но-психологического воздействия [2, с. 31]. Этим можно объяснить тот факт, что одной из актуальных областей современных исследований стало изучение семейных обрядов и обычаев.

В предлагаемой статье прослеживаются те коренные изменения, которые произошли в семье, в обычаях и обрядах детского цикла русских и украинских переселенцев, показана их специфика в прошлом и действие в настоящее время в результате установления Советской власти и построения социалистического общества.

Истинный смысл семейных обрядов невозможно понять без изучения семьи, на характеристике которой мы коротко и остановимся.

На Тереке происходила очень интересная и своеобразная эволюция форм семьи: от малой семьи в первом периоде освоения русскими и украинскими переселенцами этого района к вторичному формированию больших семейных коллективов в период хозяйственного освоения края и от больших семей, распад которых начинается с развитием капиталистических отношений, вновь к малым семьям [3, с. 299].

Главными, от чего зависело бытование того или иного типа семьи, были социально-экономический и этнический факторы. В районах миграций, несомненно, важную роль играл социальный состав переселенцев, исторические и этнические традиции, наконец, этнокультурные контакты с окружающим населением, которые и сказывались на формах семьи и семейной обрядности. Большие семьи преобладали среди казаков, проживавших в различных районах, малые — среди иногородних и той части населения, которая занимала предгорные районы. Отличительной чертой большой казачьей семьи являлась относительная обособленность и замкнутость. Именно это способствовало длительному сохранению патриархальных нравов в казачьих станицах.

Необходимо отметить ряд обстоятельств, оказавших влияние на семейный быт, обычаи и обряды русского и украинского населения Чечено-Ингушетии. Как известно, переселенцы имели возможность вступать в родственные отношения с семьями выходцев из среды местных народов, поселившихся в русских селениях и станицах, а также с их родственниками и кунаками, оставшимися в горских обществах [4, с. 51, 52].

Эти дружеские, а зачастую и родственные отношения переселенцев со своими соседями сказались на многих сторонах их быта. Так, казак стеснялся в присутствии посторонних играть со своими детьми или обращаться к жене. Женщина не имела права выйти на улицу без головного убора или перейти дорогу встречному мужчине. Среди русских и украинцев большое распространение получили такие древние кавказские семейно-общественные институты, как атальчество и куначество [5, с. 59].

Военизированный уклад жизни сказывался на многих сторонах

семейной и общественной жизни населения. Следует отметить относительную свободу женщины-казачки, что можно объяснить продолжительной военной службой мужа и особыми условиями жизни станиц во время войны. Способствовала этому и определенная финансовая обеспеченность женщины: в личной собственности у нее оставалось приданое и все свадебные дары, она могла рассчитывать на материальную помощь в случае развода [6].

Причастность к военному сословию сказывалась и на воспитании детей. Годовалого мальчика впервые сажали на коня. Много времени уделялось подготовке молодых казаков к военной службе, проводы на которую проводились в торжественной обстановке и обставлялись традиционными обрядами. На своеобразии обычаев и обрядов детского цикла русских и украинцев оказали влияние архаические восточнославянские и северокавказские верования, составившие определенный пласт бытовых суеверий.

Детский цикл включает комплекс обычаев и обрядов, предшествующих появлению ребенка в семье. В. Всеволодский делит родильные обряды на четыре группы: предшествующие родам, обряды очищения матери, очищения ребенка и приобщения ребенка к семье [7, с. 126].

Положение женщины в семье и в обществе зависело от наличия в семье детей. Боязнь остаться без потомства породила комплекс обрядов и обычаев, который включал систему символических действий, норм поведения, поверий, якобы, способствующих рождению детей.

По существующим у славянских народов Северного Кавказа обычаям бесплодие женщины было следствием «сглаза» во время свадьбы. Известные во время свадебного церемониала магические приемы должны были защитить невесту от порчи. Оберегом служили различные металлические предметы: иголки, гвозди. К магическим приемам обеспечения многодетности относился обычай сажать на колени молодой детей или кукол. Символом плодородия служили различные растения. Широко известны обычаи осыпания жениха и невесты хмелем, семенами льна, конопли и др. [8].

Широко был распространен культ предков. Бездетные женщины обращались к ним, чтобы с их помощью вымолить детей. На могилах близких родственников приносились жертвоприношения. Известны случаи, когда на могилы приносили одежду молодых, оставляя на ночь, а потом молодые ее надевали. Подобные обряды известны у многих народов Кавказа [9, 10]. Бездетные женщины брали на воспитание детей, считая, что после этого у нее родится ребенок.

Весь комплекс обычаев и обрядов преследовал одну цель — с помощью различных магических приемов обеспечить потомство. Период, предшествующий родам, также связан с группой обычаев и обрядов. В большинстве случаев женщина хотела, чтобы у

нее родился сын. Помимо традиционного тяготения к рождению сына, что подкреплялось существованием аналогичных традиций у соседних горских народов Кавказа [11], примешивались и чисто практические соображения: на будущего воина (казака) община выдавала наделы земли, леса и прочих угодий. Казаки же составляли подавляющее большинство русского и украинского населения Чечено-Ингушетии [3, с. 339]. Существовала примета, что будущий ребенок будет похож на того, на кого первого взглянула беременная после того, как почувствовала первое движение плода. Наши полевые материалы и сведения многих исследователей повествуют о верованиях, бытующих в народе и связанных с определением пола будущего ребенка [3, с. 339; 11, с. 68; 12, с. 81; 13, с. 222].

Период беременности характеризовался выполнением особых запретов и правил для беременной женщины. Она стыдилась своего положения, старалась прятаться от старших мужчин и женщин станицы. В случае нечаянной встречи со старшими родственниками беременная, надвинув на лицо головную косынку, останавливалась на месте, опускала и отворачивала голову и ждала, когда пройдут мимо, стараясь оставаться незамеченной. Видеться и говорить беременная могла только с равными себе по возрасту и младшими. Подобная картина наблюдалась и у местных кавказских жителей [9, с. 90; 14].

В течение всего периода беременности женщина должна была следовать многочисленным предписаниям магического характера.

Роды проходили чаще всего в антисанитарных условиях, так как не было специальных учреждений: в комнате брачной пары, в каком-нибудь темном чулане, хозяйственных помещениях, бане. При смешанных семьях женщина чаще рожала в доме своих родителей. Свекровь и мужчины, если роды проходили дома, покидали помещение. Согласно мнению Я. С. Смирновой, в этом можно усмотреть пережиток матрилокального брачного поселения [11, с. 68]. Роды принимала пожилая бабка-повитуха, и лишь только в конце XIX — начале XX в. в станицах и селениях появились акушерки. Повитуха, принимавшая роды, считалась как бы родней и пользовалась услугами и подарками от этого дома. При этой процедуре присутствовало несколько женщин. Часто роды, как и у соседних народов (горцев), проходили на разостланной по полу соломе или на войлоке [11, с. 68]. «Утаение» родов и всяческой информации о беременности связано с боязнью магического вреда «злого глаза» и восходит к общеславянским представлениям. В начале родов первая же прибежавшая на стоны женщины ставила в изголовье роженицы чесалку для шерсти и различные железные предметы для «отпугивания» нечистой силы.

Существовали приметы, по которым пытались предсказать судьбу и характер новорожденного. Если ребенок, едва появив-

нись на свет, начинал сильно кричать, значит он всю жизнь будет плакаться на свою злосчастную долю: если его голова покрыта волосами — будет богат, если родился с сжатыми кулаками — скуп, если держит руку у головы — умен [8].

Сопровождавшие появление ребенка на свет физиологические явления истолковывались религией суеверно, как нечистое дело, и поэтому мать ребенка, по представлению славян, должна была пройти очищение. В основе этого обряда также лежали практические представления народа об определенных гигиенических приемах, связанных опытом поколений. Обряд этот назывался «размывание рук» и был широко известен у многих славянских народов (Харьковская, Саратовская, Черниговская губернии) [15, с. 30]. Любопытно заметить, что именно из этих мест шла миграция населения на Северный Кавказ.

Проходил этот обряд следующим образом: спустя неделю после родов повивальная бабка клала посреди избы на пол крестом веник и топор, а в ковшик с водой сыпала горсть овса и клала три горячих уголька. Молодая мать становилась на веник и топор правой ногой, а бабка лила ей на руки воду из ковшика. Мать должна была из ладони пить эту воду под причитания бабки. Очищению подвергались все присутствующие при родах. В обряде очищения новорожденного особенно четко выступали элементы гигиенического характера. Завершался этот обряд праздничным угощением в честь новорожденного — «родинами».

Его «усыновление» состояло в том, что мальчика завертывали в рубашку отца, а девочку в рубаху матери.

Празднество по случаю рождения ребенка было одновременно и празднованием по случаю его укладывания в люльку. В этот день проходил главный женский праздник, связанный с новорожденным. Роженицу гости щедро одаривали. В числе подарков всегда была люлька. Иногда в этот день проходило имянаречение. Как правило, укладывание в колыбель сопровождалось различными религиозно-магическими действиями, которые должны были обеспечить здоровье и благополучие ребенка.

В национально-смешанных семьях, где отцом был горец, наречение имени было обрядом и мужским и женским. Особенно торжественно он проходил в семьях, в которых новорожденным был мальчик. В этот день отец ребенка клал около колыбели кинжал без ножен или свою шапку. Это означало признание им сына. В этих семьях имя ребенку называл старший гость или родственник.

Младенца держали в люльке до года. Магическими обрядами сопровождалась основные моменты в жизни ребенка. Так, у русских и украинцев Чечено-Ингушетии существовал и такой древний славянский обряд, как первое обрезание волос, или «постриг» и «посажение на коня младенца» мужского пола. Это своеобразное обрядовое действие означало, что мальчик после «пострига»

переходил из «женских рук в мужские» [16, с. 210, 211]. Известен у русских переселенцев и обряд «стрижки ногтей», которые также сжигали или прятали подальше от «сглаза», как и волосы при обряде «пострига». Существовал ряд обычаев, связанных с прорезыванием зубов младенца. Чтобы помочь прорезыванию первых зубов, варили зерно и раздавали его соседям.

Много общих черт с соседними кавказскими народами имел обряд «становления на ноги» или «развязывания ног». В этот день пекли круглый пирог, на который ставили ребенка. После этого пирог разрезали на мелкие кусочки и угощали им всех присутствующих на церемонии [8; 17, с. 71, 72; 18, с. 52]: С обрядом «становления на ноги» часто совпадал обряд выяснения будущей склонности ребенка. Происходило это следующим образом. Перед мальчиком раскладывали оружие, черкеску, папаху, стронтельный инструмент, а перед девочкой — иголки, нитки, посуду и смолотрели, к какому из них прикоснется ребенок.

В воспитании детей было два возрастных рубежа — 6—8 и 10—12 лет, связанных с определенными половозрастными делениями. Воспитанием детей, особенно девочек занималась женщина. Дети обязаны были относиться к родителям и старшим с большим уважением и вниманием.

Все дети до 6—7 лет находились вместе, после чего их отделили друг от друга. Интересен записанный нами в поле и известный в разных вариациях в литературе обряд, связанный с девичьей зрелостью [7, с. 127; 19; 20, с. 205]. После 12 лет (до этого возраста она считалась ребенком и ходила в одной нижней рубашке) родители ставили в избе на лавку девочку, заставляя ее пройти по ней несколько раз. Затем она должна была прыгнуть в подставленный родителями новый сарафан или юбку, которые потом на нее надевали. В станице Ищерской девушка должна была прыгнуть в круг, сделанный из пояса. В этот день в доме устраивалось угощение, а девушке дарили подарки. С данного момента начинался девичий возраст и ей разрешалось ходить в «хороводы», она считалась невестой. С 14—15 лет начиналось активное приобщение девушки к хозяйству, а с 16 лет она становилась основной работницей в доме.

В казачьих станицах мальчиков до 5—7 лет сажали на коня. С 8 лет мальчика мужчины приобщали к чисто мужским профессиям. Так, в 12—14 лет он помогал отцу в поле. В 15 лет совершался акт признания его совершеннолетия, состоящий в том, что дядя по матери одаривал его конем, подарками. Этот обычай был заимствован у чеченцев. В 15—16 лет юноша работал наравне с взрослыми мужчинами. Большое внимание уделялось тому, чтобы из мальчика сделать храброго и умелого казака. Его учили верховой езде, стрельбе, спортивным навыкам. В казачьих станицах молодые люди с 18 лет вступали в подготовительный разряд

обучались военному делу сначала в своих станицах, а далее на лагерных сборах. Подготовка к воинской службе начиналась задолго до призыва, когда на специально отведенных за станицами площадках молодых казаков учили ловкости и удалству.

Положительное влияние на воспитание детей оказывали обычаи гостеприимства и уважения к старшим, заимствованные у своих кавказских соседей и свято соблюдавшиеся во всех семьях.

Интересным институтом воспитания детей у русских и украинцев Чечено-Ингушетии было аталычество, заимствованное у горцев. Переселенцы отдавали своих детей в кавказские семьи, в которых они усваивали их обычаи, языки, нормы поведения, брали фамилии новых родителей. Это в немалой степени способствовало взаимовлиянию русской и горской культур. По мнению Я. С. Смирновой, по существу аталычество — обычай того же типа, что и другие обычаи искусственного породнения (наречения имени, первая стрижка волос и др.) [17, с. 76].

Как мы видим, традиционные обряды детского цикла русских и украинцев Чечено-Ингушетии, отразив особенности формирования и специфику этой группы населения, синтезировали различные формы славянской и северокавказской обрядностей. Известное влияние оказывала на них и конфессиональная принадлежность отдельных групп переселенцев (например, старообрядцы и православные). Обрядность, связанная с рождением ребенка, отразила также некоторые особенности социальных отношений, в частности патриархальные черты, характерные для русской семьи XIX—начала XX в.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции произошли значительные изменения в семье и внутрисемейных отношениях. Под влиянием новых условий жизни происходит трансформация всей семейной, в том числе и детской, обрядности. Это касается как содержания, так и форм всех ее звеньев. Развитие современной советской обрядности русского и украинского населения Чечено-Ингушетии идет по пути, для которого характерно соединение новых общесоветских черт с такими традиционными элементами, которые не противоречат современным условиям жизни. Значительную роль в этом играет целенаправленная деятельность общественности и культурно-просветительных учреждений по созданию новой обрядности.

В настоящее время детский обрядовый цикл почти полностью разрушен. Это относится в первую очередь к обычаям предродного периода. Как правило, роды происходят в медицинских учреждениях. Муж, близкие родственники, друзья забирают мать и новорожденного домой. Рождение дочери и сына встречается с одинаковой радостью.

Основная тенденция современной родильной обрядности —

слияние обрядов и праздников родильной обрядности в один семейно-общественный праздник в честь рождения ребенка.

Традиционный обычай «родины» по сути дела превращается в посещение дома молодых родными и родственниками, в одаривание новорожденного и выбор ему имени.

Новым гражданским обрядом стала регистрация новорожденного. Оптимальное решение вопросов, связанных с гражданской регистрацией новорожденного, находится на путях сочетания гуманистически насыщенных, рожденных вековой мудростью традиционных эстетических и этических норм с гражданским пафосом современной эпохи [22, с. 136]. Регистрация чаще всего проходит в клубе. Родители подъезжают к нему на автомашинах.

На ветровом стекле эмблема праздника — яблоневая ветка, колосья с гроздьями калины, ветка дуба. На торжественную регистрацию приглашаются родственники новорожденного, «почетные» или «нареченные» родители, наиболее уважаемые люди станицы, коллеги родителей по производству. «Почетные» или «нареченные» родители — новое явление в современных обрядах имянаречения. После торжественной церемонии имянаречения они в присутствии гостей сажают возле клуба или в парке молодое деревцо. Во время проведения обряда гостей одаривают цветами и угощают специально испеченным круглым хлебом. Как мы видим, эта торжественная церемония имеет не только юридическую сторону, но и возлагает ответственность на общественность за воспитание нового человека. Дома в честь новорожденного устраивается обед.

Следует отметить, что в современном обрядотворчестве прослеживается процесс переосмысления старой атрибутики и роли действующих лиц в обряде.

Новым советским обрядом является праздник совершеннолетия, во время которого юношам и девушкам вручаются паспорта. При церемонии молодежь приветствуют почетные колхозники, ветераны войны и труда. Звучат добрые напутствия и поздравления. Юбилярам прочитывается памятка. После официальной части — концерт, танцы, игры.

Одним из новых обрядовых праздников является посвящение молодежи в земледельцы, механизаторы, так называемый праздник труда. Он достаточно богат обрядовыми элементами, перекликающимися с прошлым и отражающими современную жизнь земледельца.

Запоминающимся юношам становится обряд проводов в армию [22, с. 20, 21; 23, с. 34, 35]. Среди русских и украинцев изучаемого региона существует обычай перевязывать новобранца через плечо лентой, к которой друзья, подруги прикрепляют маленькие платочки, а сестра или невеста призывника, когда он покидает дом, седлает ему коня. Существует и такой обычай: каждый при

звивник сажает яблоньку или вишню в специально отведенной для этой цели аллее. Интересна и клятва новобранцев у священных мест и памятников героям.

Итак, мы видим, что изучаемый современный комплекс детских обычаев и обрядов в рамках этнографической группы русского населения Чечено-Ингушетии представляет собой синтез элементов общесоветской и трансформированной народной обрядности, органическое их сращение.

Новые гражданские обряды и праздники стали частью социального опыта, своего рода «звеном» в межличностных контактах людей разных национальностей. В их основе лежат подлинные культурные ценности человечества. Они интернациональны, так как отражают идеи гуманизма, мира и дружбы всех народов [21, с. 61, 62].

Большую роль в борьбе с негативными традициями, религиозными пережитками и влиянием церкви в современной родильной обрядности играют общественные организации, работники культурно-просветительных учреждений, печать, радио, местное телевидение и школа.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- ¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
- ² Угринович Д. М. Обряды: за и против. М., 1975.
- ³ Заседателева Л. Б. Терские казаки. М., 1974.
- ⁴ Калоев Б. А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей //СЭ, 1961, № 1.
- ⁵ Заседателева Л. Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI—XIX в. //КЭС. М., 1984.
- ⁶ Полевые материалы Терской этнографической экспедиции МГУ 1962—1978 гг.
- ⁷ Всеволодский В. (Гернгресс). История русского театра. Т. 1. М.—Л., 1929.
- ⁸ Полевые материалы ТЭЭ МГУ 1980—1986 гг.
- ⁹ Пчелина Е. Г. Родильные обряды у осетин //СЭ. 1937. № 4.
- ¹⁰ Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.
- ¹¹ Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983.
- ¹² Востряков П. А. Станица Наурская //СМОМИПК, вып. 33, р. 2. Владикавказ, 1904.
- ¹³ Калоев Б. А. Осетины (Историко-этнографическое исследование). М., 1971.
- ¹⁴ Полевые материалы ТЭЭ МГУ 1975—1985 гг.
- ¹⁵ Этнографическое обозрение. Т. XXXII. М., 1897.
- ¹⁶ Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1. М., 1937.
- ¹⁷ Смирнова Я. С. Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968.
- ¹⁸ Смирнова Я. С. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа //КЭС, № 6, Е., 1976.
- ¹⁹ Полевые материалы ТЭЭ МГУ 1970—1982 гг.
- ²⁰ Смирнов И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1. М., 1937.

²¹ Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985.

²² За новые советские традиции и обряды. Воронеж, 1965.

²³ Городник Г. Дорогами новых традиций. М., 1964.

З. И. ХАСБУЛАТОВА

ИЗ ОПЫТА НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ ВАЙНАХОВ (XIX — НАЧАЛО XX в.)

Суровые природные условия гор требовали активности, мужества, трудолюбия человека, поэтому с малолетства вайнахи приучали своих детей к труду, к самостоятельности. Передача жизненного и практического опыта старшего поколения подрастающему была и есть одним из важных и существенных условий жизнедеятельности любого этноса, региона.

Темы воспитания детей вайнахов касались многие дореволюционные авторы (1; 2; 3; 4; 5; 6, 7, 8). Однако вопросы, связанные с воспитанием подрастающего поколения, ими только ставились, чаще всего в связи с описанием семейного быта и других проблем. Нет специальных исследований по данной теме и в настоящее время, хотя так или иначе она затрагивается в работах Я. С. Смирновой (9; 10), З. И. Хасбулатовой (11; 12), А. И. Краснова (13) и др.

Воспитание детей у чеченцев и ингушей, как и у других народов, было семейно-общественным и имело свои особенности: оно происходило взаимосвязанно в доме. Не зря бытует, в частности, такое выражение вайнахов: «Чохь ца хилла гиллакх, оьздингаллий — нахаца а хир дац» — «Кто не проявляет культуру и обходительность в семье, тот не проявит ее и среди людей».

Одно из значительных мест в народной педагогике чеченцев и ингушей занимает трудовое воспитание. Традиции народа, особенно связанные с трудовой деятельностью, продолжают играть большую роль в воспитательном процессе и сегодня, и могут способствовать выработке у молодежи коммунистического отношения к труду.

В трудовом воспитании детей можно выделить два этапа, каждый из которых имел свои конкретные задачи и цели. Первый этап трудового воспитания охватывал детей от 2—5 до 7—10 лет. В этот период у детей как бы закладывались основы трудолюбия, вырабатывались соответствующие навыки. Сама выполняемая в этот период девочками и мальчиками работа была незначительной. Основными средствами труда в этом возрасте являлись игры, игровая система — подражание взрослым. Дети воспроизводили многое из того, что видели и наблюдали. В играх отражались трудовые процессы, заставлявшие детей трудиться, они сами и

готовляли игрушечные миниатюрные орудия труда, столики, стульчики, куклы из тряпок, ниток, дерева и др. Игра приучала детей к тем физическим и психологическим усилиям, которые необходимы для работы, формировала в некоторой степени и качества будущего специалиста. Хочется подчеркнуть, что воспитательные средства народной педагогики в крестьянской среде существенно не отличались от реальной жизненной деятельности семьи, то есть, воспитание осуществлялось в контексте реальной трудовой деятельности, традиции были непосредственно связаны с жизнью.

Второй этап трудового воспитания (7—10—15—16 лет) предусматривал вовлечение детей в непосредственную производственную деятельность семьи. На этом этапе большинство детей овладевали основными навыками, тонкостями почти всех трудовых операций, связанных с домашним хозяйством. Воспитание мальчиков и девочек в этом возрасте проходило уже отдельно.

Девочка становилась активной помощницей матери, ухаживала за младшими детьми, прислуживала старшим, ее обучали ведению домашнего хозяйства, рукоделию и шитью. Матери старались привить дочерям необходимые навыки приготовления пищи, которые могли пригодиться им в замужестве. Считалось постыдным, чтобы молодая невестка не умела готовить пищу, убирать помещение, шить и др. На наличие таких качеств у будущей жены обращалось большое внимание при женитьбе (специально для выяснения умеет ли вешать белье, чисто ли в комнатах и другое в дом девушки приходили посторонние женщины под разным предлогом). Девочек учили также этикету, который они должны были соблюдать в семье и гостях; в богатых семьях дочерям давали образование. При этом девочке с самого раннего возраста указывали на ее подчиненное положение, на зависимость от брата и других мужчин. Воспитание девочек было исключительно заботой женщин дома (как правило, матери). К 15 годам вайнахская девушка считалась самостоятельной работницей и совершеннолетней и имела право вступать в брак (14).

Мальчику с раннего возраста внушалось, что он призван в будущем играть главную роль в семье, быть ее опорой. Мальчик в 8—10 лет выгонял скот на пастбу, в 12—14 лет помогал отцу в полевых и других хозяйственных работах. В 15 лет он впервые выходил косить сено наравне со взрослыми мужчинами. Юношей-однолеток, впервые участвующих в сенокосении, ставили рядом друг с другом, а в конце поля на видном месте устанавливали приз. Его получал в награду тот, кто первый доходил до конца покоса. Если подросток-юноша был в единственном числе, то ему давали отдельный участок. И, если он работал на нем без отдыха, говорили, что из него выйдет настоящий хозяин, что он сильный мужчина и т. д. (14).

Таким образом, юноша в 15 лет у чеченцев и ингушей уже выполнял многие мужские работы, носил пояс, принимал участие в конных состязаниях, мог присутствовать на собраниях как совершеннолетний и полноправный член общины и в случае, если это касалось его лично или семьи, имел право выступить и высказать свое мнение. Ему разрешалось жениться (14).

Трудовое воспитание подрастающего поколения, включавшее в себя и физическое, тесно было связано с историческими условиями жизни и быта вайнахских народов. Подготовка не только трудоспособных людей, но и будущих защитников родины, выработка у молодого поколения морально-волевых качеств: решительности, настойчивости, смелости, самообладания были задачей физического воспитания.

Физическое воспитание также условно можно разделить на два этапа. Закладывание основ правильного общефизического развития, закаливание детского организма, привитие детям двигательных навыков — являлись основными задачами первого этапа физического воспитания детей.

Физическое воспитание детей в зависимости от пола дифференцировалось на втором этапе. В воспитании девочек чисто спортивно-оздоровительные игры были на втором плане, уступая первенство ведению домашнего хозяйства под присмотром матери. Но в свободное от работы время они танцевали, пели и устраивали как между собой, так и мальчиками спортивные игры (бег, прыжки). Получив в детстве некоторые навыки, девушки потом демонстрировали свое танцевальное искусство на свадьбах или общественных праздниках. Они также ездили верхом. Женщины выполняли почти все работы в хозяйстве наравне с мужчинами.

Физическим воспитанием мальчиков на втором этапе занимались мужчины — отец, дядья, которые наблюдали за исполнением тех или иных физических упражнений, игр и т. д.

Повсеместное распространение среди подростков имела борьба, которая вырабатывала у них силу, ловкость, выносливость. Уже с десятилетнего возраста отцы и старшие братья обучали мальчиков специальным приемам борьбы. Ребята в 12—14 лет принимали участие в соревнованиях по борьбе на призы, которые устраивались на разных праздниках. Джигитовка, стрельба в цель, поднятие монеты с земли или барана из ямы на полном скаку, сбрасывание кнута на сверток, находящийся на земле, были обычными играми для юношей-вайнахов. Владеть оружием и конем их приучали с малых лет. Различного рода игры играли существенную роль в привитии необходимых качеств у мальчиков — ловкости, смелости и др. Для этого пользовались любым предлогом: например, мужчины, наблюдая драки подростков, хвалили победителя, называя его волком («волк» у вайнахов — символ

храбрости) «борз» (чеч.), «борз» (инг.), а побежденного «девчонкой» — «йоI» (чеч. инг.) (14).

Распространенной игрой вайнахских мальчиков была, например, «хьостамех ловзар» (свайка). В нее играли весной после таяния снега или дождя, пока почва влажная. Каждый мальчик имел 5—6 заостренных палок, которые бросал с размаху в землю острыми концами. Игрок, сбивший своей палкой больше палок товарища, считался победителем. Вместо палок иногда использовали ножи — «урсах ловзар» (14; 18, с. 52). Подобные игры способствовали развитию у ребят навыков фехтования и рубки, а также быстрой ориентировки в создавшихся условиях. Были и другие подвижные игры: в чижик — «куьллек ловзар», в мячки — «бурканах ловзар», в прятки — «лечкъргех ловзар», в бег — «хьалха валарх вадар» и др. Все они положительно влияли на всестороннее физическое развитие детей.

Достаточно распространенной среди вайнахских ребят была игра «куй биллар» — класть шапку (бук. пер.). Молодые люди собирались в так называемых «нечистых местах» или на мельнице вечером. Рассказывали анекдоты, сказки и другое, а затем переводили разговор на «нечистую силу» — джинов, чертей и их «делах». Накалив такими разговорами обстановку, к полуночи один из старших говорил примерно так: «Мы узнаем сейчас, кто рожден в ночь, когда шенилась волчица» («тхьовса хуур ду—кха вайна борз ехкинчу буса винарг мила ву»). Кто смелый, если смелый, («Майра мила ву?», «майра волчу»). И в качестве испытания на храбрость предлагалось одному из присутствующих отнести шапку другого и оставить в определенном месте, например, на кладбище. Другой должен был затем принести ее обратно. Из присутствующих выбирали несколько человек, которые тайно следили за поведением испытуемого подростка. Они могли осложнять обстановку: создавать шорохи, подражать вою животных (волков, шакалов и др.). И когда испытуемый демонстрировал свою храбрость и решительность, то естественно, все присутствующие говорили: «майра къант ву» — смелый парень, «къонах ву» — мужчина.

На следующий день об этом узнавали родственники, родители, сельчане. Если же проявлялась трусость, сверстники не принимали такого даже в свои повседневные игры (14).

Можно привести и другие примеры, которые свидетельствуют о воспитании в чеченских и ингушских мальчиках таких качеств, как смелость и мужество. Если, например, ребенок падал и больно ударялся или нечаянно резался, взрослые громко восклицали; «ты же мужчина, мужчина не плачет» — «кIант вац хьо, кIант ца вольху» (чеч.), «кIаьнк веций хьо, кIаьнк велхац» (инг.). Этнографы Б. А. Калоев и И. М. Саидов наблюдали однажды в сел. Сержень-Юрт, как на бетонной лестнице упал мальчик

(3-х лет), сильно ушибся, но тут же подскочил и, взглянув на присутствующих, сказал: «Не буду плакать, я мужчина» (15).

Следует подчеркнуть, что вплоть до первой половины XIX в. существовали специальные школы для обучения мальчиков. В них детей отдавали в возрасте 10 лет. Мальчики, обучаясь в подобных школах, постоянно жили у учителя — «устаза», достигшего 60—65-летнего возраста. В памяти народной сохранилось имя известного учителя по традиционному вайнахскому воспитанию детей — Паскоч, выходца из Майсты или из Қийя; его ученики по преданиям отличались собранностью, выносливостью, ловкостью и т. д. В течение 5 лет учитель, занимаясь с ребятами, обучал их счету, правилам поведения, опыту ведения хозяйства, учил определять время и направление по звездному небу. Воспитание в школе было жестким, за провинности здесь сурово наказывали. Учащиеся вставали очень рано, до восхода солнца, ложились спать поздно. В программу обучения включались специальные физические упражнения, которые отличались сложностью и трудностью. Например, выход зимой в горы или длительное пребывание ребят в глубокой яме (3—4 м). Находясь в ней, они должны были по полету определять птиц, по звукам обстановку вокруг ямы и др. Из произведений устного народного творчества можно узнать о том, что воспитанию нравственных качеств у детей уделялось большое внимание.

Простота, достоинство, общительность, гостеприимство (17, с. 317; 18, с. 145—146; 19, с. 167—168; 20, с. 28—29; 21, с. 158; 22, с. 215; 23, с. 29), честность, правдивость, скромность и вежливость, уважение к родителям, к старшим, гостю, слабому и убогому — все эти черты стремились привить своим детям вайнахи. «Дикачу гилдакхуо лаьх эла вина, вочу амалуо элах лай вина» вежливость из раба сделала князя, а плохой нрав из князя сделал раба; «барт боцу йурт а, барт боцу доьзал а хIаллакьхилла» — аул без единства и семья без единства — погибли; «дуош — дуош дацахь, дуй — дуй а бац» — если слово не слово, то и клятва не клятва; «вон хила атта ду, дики хилан хала ду» — легко быть плохим, трудно быть хорошим (16, с. 55, 75, 82).

Обычай традиционного гостеприимства свято соблюдался. Гость был уважаемым лицом в доме. Существовали особые правила его приема, которым обучали ребят. Мальчики должны были встречать гостя у ворот, обращаться к нему с соответствующим приветствием, помочь слезть с коня, проводить в дом, принять верхнюю одежду, выполнить его просьбы и поручения. Считалось в высшей степени неприличным вмешиваться в разговор старших, громко смеяться в их присутствии, говорить то, что непристойно, совершить какой-либо невежливый поступок в присутствии родителей; курить, оговариваться и другое. Дети приучались исполнять наставления, просьбы родителей и старших.

В семье, как и в обществе, считалось неприличным садиться на место старшего. Существовало даже сохранившееся до наших дней чеченское изречение: «марненан метта нус санна охья хи-на» — как сноха на место свекрови уселась.

Народная педагогика высоко ставила роль примера родителей, вообще старших в воспитании детей. «Нана иккхинча буйхыг а иккхина». — Куда коза прыгнула, туда и козленок прыгнул (16, с. 57, 58). Следуя требованиям лучших народных обычаев, регламентировавших все стороны семейной и общественной жизни, родители должны были быть для своих и чужих детей образцом подражания во всем. Поэтому родители в присутствии детей старались сдерживать себя от проявления недовольства друг другом. Обычай запрещал отцу (мужу) ругать мать (жену) при детях. В народе говорили «жену, с которой думаешь жить, не позорь».

Если дети вели себя недостойно, то взрослые проводили с ними назидательные беседы, ставили в пример хорошо воспитанных детей.

Особой заботой в семье было воспитание в детях гуманности ко всему живому. По древнему обычаю чеченцев и ингушей нельзя без необходимости «ранить» даже дерево в лесу. От детей родители требовали быть хозяевами своего слова. Бытовало правило: если оно дается при народе, его следует непременно сдерживать. Общество отказывалось от отступившегося от своего слова человека, и это считалось самым суровым осуждением. О таком человеке пренебрежительно говорили: «стаг вацара иза-м — шен дош лардан ца хаа цунна» — «он не мужчина, не умеет сдерживать свое слово» (14).

Одним из методов нравственного воспитания детей в вайпахской семье считалось поощрение, которое способствовало развитию положительных черт в их поведении и побуждало желание вести себя лучше. За хорошее поведение ребенка хвалили в присутствии других детей, ставили его в пример. По нашим полевым материалам видно, что самой действенной формой поощрения для детей было одобрение их поступков не только родителями, но и другими (14).

Большое значение в воспитании подрастающего поколения у вайнахов отводилось этикету — соблюдению правил поведения дома, в гостях, на улице, в общественных местах. Существовал определенный порядок почитания старших по возрасту. Он предусматривал все — речь, лексику, жестикулирование, позу говорящего. Младший всегда первый приветствует старшего.

При встрече со старшим молодой человек должен был сопроводить первого до тех пор, пока ему не разрешат следовать своим путем. Свообразным был и обычай встречи и приветствия дальних и близких родственников, односельчан и др. В зависимо-

(3-х лет), сильно ушибся, но тут же подскокиль присутствующих, сказал: «Не буду плакать».

Следует подчеркнуть, что вплоть до недавнего времени существовали специальные школы для детей отдаленных районов. Дети отдаленных районов постоянно жили у учителей. В 65-летнего возраста. В памяти нашего учителя по традиционному Паскоч, выходя из Майеты. В течение 5 лет учитель, правилам поведения, очень жестким, за провинствия ставили очень высокие оценки. В программу обучения, что мер, выход глубокой. На этом году.

только одни жатием со миром твой ись и тоже возрасту, при аждый раз овали друг о, соответст-
подводе, ей ла на подво- слегка руку, Если вместе были идти с
с традицион- нов общества ственного по- ятия, связан- тания единое ь этических азвитию под- сложившегоя вателем того, ния молодого ности. В ее ным опытом.

Условием правильного воспитания подрастающего поколения считалось привитие детям нужных качеств с раннего возраста. «Серях на биша хЮз, хьокханах хир бац» — гни кол, пока хворостина, вырастет — согнуть не сможешь», т. е. воспитывать нужно смолоду, гласит народная мудрость. В процессе воспитания вайнахи не использовали метод физических побоев, физических наказаний. Основными средствами, методами воспитания были: метод убеждения, наставления, поучения, главное внимание уделялось тому, чтобы у детей вырабатывались такие привычки, как терпение, упорство, настойчивость, сознательность, уважение родителей и старших, усвоение правил поведения и т. д.

Следует сказать, что воспитание у вайнахов, как и в любом классовом обществе, носило классовый характер. Здесь мы рассказали о воспитании детей трудового народа. Господствовавшие слои общества, воспитывали своих отпрысков прежде всего в пренебрежении к крестьянскому труду.

Таким образом, вайнахи веками вырабатывали свои приемы воспитания подрастающего поколения как в семье, так и в обществе, которые передавались из поколения в поколение. Положитель-

ные традиции народного воспитания (особенно связанные с трудовым воспитанием, этикетом) обогащают арсенал воспитательных средств современной научной педагогики и имеют практическое значение в коммунистическом воспитании молодежи. Пособное участие в труде всех, от мала до велика было главным принципом воспитания вайнахских детей. В этом отношении кавказские материалы, в том числе и по народам Чечено-Ингушетии, способны сыграть важную роль в становлении нравственно-этического облика современного человека.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1, кн. 1, Спб., 1871.
- ² Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846.
- ³ Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев //Материалы по обычному праву Северо-Восточного Кавказа. Спб., 1895.
- ⁴ Сокольский В. В. Архаические формы семейной организации у кавказских горцев //Журнал министерства народного просвещения. Спб., 1882.
- ⁵ Грабовский Н. Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) //ССКГ. Владикавказ, 1876.
- ⁶ Харузин Н. Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей//Вестник Европы, кн. 10. Спб., 1888.
- ⁷ Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.
- ⁸ Иваненков Н. С. Горные чеченцы //ТС., вып. 6. Владикавказ, 1910.
- ⁹ Смирнова Я. С. Семья и семейный быт //Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968.
- ¹⁰ Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983.
- ¹¹ Хасбулатова З. И. Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционном прошлом //Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
- ¹² Хасбулатова З. И. О народном воспитании у вайнахов в XIX—XX вв. //Археология и краеведение — вузу и школе. Грозный, 1985.
- ¹³ Краснов А. И. Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии. Грозный, 1963.
- ¹⁴ Архив ЧИИИСФ. Полевые материалы историко-этнографических экспедиций З. И. Хасбулатовой 1980—1987 гг.
- ¹⁵ Автор глубоко признателен за сообщение к. и. н. И. М. Саидову.
- ¹⁶ Мацев А. Г. Пословицы чеченского народа //Известия, т. 2, вып. 3. Грозный, 1959.
- ¹⁷ Норденштамм И. И. Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера //Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940.
- ¹⁸ Саидов И. М. Материалы по куначеству и гостеприимству у чеченцев и ингушей //Сборник статей. Грозный, 1984.
- ¹⁹ Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867). Спб., 1879.
- ²⁰ Шерипов Д. Очерк о Чечне (краткие этнографические сведения). Грозный, 1929.
- ²¹ Зайдлиц Н. К. Поездка в Чечню к верховьям Аргуна, в Ичкерню через Хасав-Юрт вверх по Тереку до Моздока //ЗКОРГО, т. 2, № 4. Спб., 1873.
- ²² Ган К. Ф. Экскурсия в Нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 //ЗКОРГО, т. 15. № 4. Спб., 1902.

²³ Динник Н. Я. По Чечне и Дагестану //ЗКОРГО, кн. 25, вып. 4, Тифлис, 1905.

²⁴ Саидов И. М. Этнографические заметки. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии //Известия, т. 5, вып. 1. Грозный, 1964.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данный сборник продолжает серию ежегодно издаваемых сектором археологии и этнографии института тематических сборников статей (библиографию см. в работах: Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С. 3; Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 91; Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987. С. 3), которые, как рассчитывает авторский коллектив, помогут любознательному читателю приоткрыть завесу времени и увидеть историческое прошлое родного края.

Изложенные археологами и этнографами в едином тематическом сборнике новые археолого-этнографические материалы проливают дополнительный свет на некоторые кардинальные проблемы истории Чечено-Ингушетии, которые в последние годы привлекают все большее внимание ученых. Если взять эпоху средневековья (ей посвящены в сборнике статьи археологов), то по ней интенсивно исследуются новые погребальные памятники, необходимые при разработке актуальных вопросов социального и экономического развития местного края, его этнической истории и др. Средневековые древности всегда были в поле зрения ученых, собственно с их описания и осмысления начиналось археологическое изучение республики. Исследование традиций и новаций русского и украинского населения Чечено-Ингушетии, опыта народной педагогики вайнахов способствует выявлению всего перспективного в деле воспитания наследием прошлого.

Каждый новый сезон приносит и новые археолого-этнографические материалы, обобщение и научное осмысление которых должно содействовать постепенному устранению белых пятен на исторической карте Чечено-Ингушетии. В настоящее время сектор ведет большую работу по составлению археологической карты республики, ее издание также явится ценным подспорьем для воссоздания прошлого края и населявших его народов. Сектор надеется на регулярную публикацию и тематических сборников статей, посвященных результатам исследовательских работ по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии.

М. Б. МУЖУХОВ

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ДАУТОВА Резеда Абдулмуслимовна — научный сотрудник сектора археологии и этнографии ЧИИИСФ.

ЗАСЕДАТЕЛЕВА Лидия Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры этнографии МГУ им. М. В. Ломоносова.

МАМАЕВ Хамид Магомедович — кандидат исторических наук, ученый секретарь ЧИИИСФ.

МУЖУХОЕВ Макшарип Баудинович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории СССР ЧИГУ им. Л. Н. Толстого.

САВЕНКО Сергей Николаевич — ассистент кафедры истории народов Северного Кавказа ЧИГУ им. Л. Н. Толстого.

ХАСБУЛАТОВА Зулай Имрановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии ЧИИИСФ.

ЧАХКИЕВ Джабраил Юрьевич — кандидат исторических наук, и. о. заведующего сектором археологии и этнографии ЧИИИСФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия.	
АЭС	— Археолого-этнографический	сбор-
	ник.	
ВГМГ	— Вестник Государственного музея	
	Грузии им. С. Н. Джанашиа.	
ДЧИ	— Древности Чечено-Ингушетии.	
ЗКОРГО	— Записки Кавказского отдела Рус-	
	ского географического общества.	
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии на-	
	ук СССР.	
ИИ НИИК	— Известия Ингушского научно-иссле-	
	довательского института краеведе-	
	ния.	
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института ар-	
	хеологии Академии наук СССР.	
КЭС	— Кавказский этнографический сбор-	
	ник.	
ЛО ИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института	
	археологии Академии наук СССР.	
МИА	— Материалы и исследования по архе-	
	ологии СССР.	
СА	— Советская археология.	
САИ	— Свод археологических источников.	
СМАЭ	— Сборник материалов по археологии	
	и этнографии.	
СМОМПК	— Сборник материалов по описанию	
	местностей и племен Кавказа.	
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских гор-	
	цах	
СЭ	— Советская этнография.	
ТС	— Терский сборник.	
ТЭЭ МГУ	— Терская этнографическая экспедиция	
	Московского государственного уни-	
	верситета.	
ЧИНИИИЯЛ	— Чечено-Ингушский научно-исследо-	
	вательский институт истории, языка и	
	литературы.	
ЧИИИСФ	— Чечено-Ингушский институт истории,	
	социологии и филологии.	
ЧИРКМ	— Чечено-Ингушский республикан-	
	ский краеведческий музей.	

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
Х. М. Мамаев, С. Н. Савенко. Дуба-Юртовские катакомбные могильники	5
Р. А. Даутова, Д. Ю. Чахкиев. Некоторые новые материалы по мавзолеям горной Ингушетии	37
Д. Ю. Чахкиев. Кольчатый доспех позднесредневековых вайнахских воинов	67
М. Б. Мужухоев. Трансформация погребального обряда с проникновением ислама на территорию Чечено-Ингушетии	85
Л. Б. Заседателена. Обычаи и обряды детского цикла у русского и украинского населения Чечено-Ингушетии. Традиции и новации	95
З. И. Хасбулатова. Из опыта народной педагогики вайнахов XIX — начало XX в.	104
Заключение	112
Краткие сведения об авторах	113
Список используемых сокращений	114

**НОВЫЕ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ**

Редактор Е. А. Куприянова
Художник В. Н. Калинин
Технический редактор О. В. Беляева
Корректоры: Н. П. Арустамова, В. И. Чебоксарова

Сдано в набор и подписано к печати 29.04.88 г. Формат 60x84 1/16. Бумага тип. № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,74. Уч.-изд. л. 7,03.
Тираж 800. Заказ № 4116. Цена 1 р. 45 к.

Типография им. И. Н. Заболотного
Государственного комитета Чечено-Ингушской АССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 364021, Грозный, ул. Интернациональная, 12/33.

